

ШЛИКЪ И ПЛОКЪ.

СЦЕНЫ НА МОРЪ.

Сочиненіе Евгенія Сю.

ПЕРЕВ. В. ВОЛЖСКІЙ.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

ПЛИКЪ И ПЛОКЪ.

СЦЕНЫ НА МОРЪ.

Соч. Еженія Сю.

ПЕРЕВ. В. ВОЛЖСКІЙ.

Часть I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИЦЕ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,
съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи предша-
вены были въ Ценсурный Комитетъ при эк-
земпляра.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ , 13 Іюля 1832 года.

Ценсоръ Н. Бутырскій.

Евсений Сю, Авторъ Сценъ на морь (Scènes maritimes) принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей новой Французской Литтературы, которые увлекаютъ вниманіе читателя новостію изобрѣшенія и новыми формами слога, придающими оному яркость и живость испинно поэтическія. Французы называютъ его, по справедливости, своимъ Куперомъ. Онъ, какъ и сей послѣдній, имѣетъ силу, въ изображеніи своихъ героевъ, возбуждать участіе читателя въ высшей степени, онъ также, какъ и тотъ, превосходитъ въ описаніи бурь, кораблекрушеній, морскихъ битвъ; въ его картинахъ тошъ же колоритъ, та же

возвышенность воображенія, и, можетъ быть, на же оцупительность. Но, въ родѣ, въ которомъ писалъ Американскій романистъ, существуетъ глубокая мысль патріотизма. — Этотъ родъ выражаетъ желанія, нужды, могущество на морѣ Соединенныхъ Штатовъ. Французскій же романистъ описываетъ нравы, обычаи, предрасудки разныхъ вѣковъ, преданія различныхъ народовъ, принявъ вообще за *грунтъ* своихъ каршнть Океанъ съ его народамъ; онъ изображаетъ матросовъ, полагая этотъ разрядъ людей за крайнюю противоположность съ обитателями твердой земли, полагая, что измѣненія, происшедшія въ обществахъ, съ самаго начала ихъ образованія, имѣли едва поверхностное вліяніе на моряковъ; ибо во весь времена, они оплнчались своею страстію къ пирамъ, своею твердостью и самоотверженіемъ въ перенесеніи трудовъ и всякихъ лишеній, сопряженныхъ съ ихъ родомъ жизни. Вотъ что говоришь о томъ. Авторъ сей книги въ своемъ предисловіи :

« Мои склонности, путешествія и званіе мое, доставляли мнѣ возможность изъучить

со тщаніемъ и въ подробности жизнь моряковъ; отсюда породилась во мнѣ необходимость представить *своеобразныя оторки* (тюрея) сего особеннаго народа, который останется *и.м.з.*, съ его первобытными правами, повѣрьями, предрасудками и добродѣтелями.

«Познаніе настоящаго, возбудило во мнѣ желаніе узнать прошедшее, перейти вѣка, и опѣискашь въ оныхъ новыя раскрытія сей дѣятельной и могущественной жизни.

«И я нашелъ въ сихъ долгихъ и тяжкихъ трудахъ, любопытныя, простодушныя преданія, дѣлія героическія и почти баснословныя; я открылъ корень нѣкоторыхъ непонятныхъ сусвѣрій, еще поныѣ существующихъ; но морякъ въ нравственномъ смыслѣ, человекъ *и.м.з.*, *баснословный* (truth) остался такимъ же въ девятнадцатомъ, какимъ былъ и въ пятнадцатомъ столѣтіи; вбо сильныя потрясенія, измѣнившія видъ народовъ и общество, всегда замирали у береговъ Океана.

«Вѣка должны были преобразовать народы по своему духу, и наложить новую печать на чело каждаго поколѣнія.

« Но участокъ людей, живущихъ на Оксавъ, избѣжишь всегда сей печати каждаго спольшя; блескъ всепожвращающаго образованя отразился, можетъ бытъ, нѣсколько на его плотной и грубой корѣ, но никогда не проникнешь сквозь оную.

« Потому, что Оксавъ остался Океаномъ мнрозданя!! потому, что вы не встрѣчаете шамъ на каждомъ шагу развалинъ, или памятниковъ, кои говорятъ: худо прошедшее и лучше настоящее; городовъ, копорые разслабляютъ; ихъ удовольствій, копорыя убиваютъ; общественныхъ привычій, копорыя иссушаютъ, извурляютъ душу; позначій, кои раждаютъ сомнѣнйя!

« Онъ все шотъ же Океанъ, съ его безпредѣльнымъ горизонтомъ, съ его пустышными волнами, съ его панственною тишиною, зашашляющею думашъ и вѣришь.

« Посему народъ сей стихин сохранить всегда свою самобытнюю физиогномю, рѣзкя и неизмѣнныя черты своего характера, — дѣйствіе непрерывнаго созерцаня сей первовременной природы и ужасной борьбы съ нею, ежедневна имъ выдерживасмой.

« Я паходзіць доволна любопытнымъ сльдвать за сими необыкновеннымъ людьми, рожденными, кажешся, для того, чтобы составлять противоположность съ ихъ эпохой, какова бы она ни была; сльдвать за ними, говорю, сквозь примѣчательнѣйшія событія и вѣки нашей Исторіи, которую они столь распространяли, и замѣчать, сколько мало они были подвержены вліянію поспешнаго хода идей въ обществѣ. »

Изъ сего читатель легко пойметъ, какую цѣль имѣлъ *Евгеній Сю*, въ своихъ сочиненіяхъ; какое обширное поле соображеній онъ предназначилъ себѣ перейти; кака обильная пища была его пылкому уму и воображенію!

Въ переводной мною теперь повѣсти: *Эль-Хитино*, первой части изъ сочиненія подъ заглавіемъ: *Плюкъ и Плюкъ*, Авторъ изображаетъ нравы Испанцевъ, въ суевѣріе, фанатизмъ; — фанатизмъ — пагубное сльдствіе того могущественнаго вліянія, какое имѣло Св. Судилище на духъ и мнѣнія народа; сльдствіе необузданной Инквизиціонной власти, которая для удовольшенія своего корыслолюбія и честолюбія упошребляла самое сильное

и неопразвмое оружіе — Вѣру, и чрезъ то доводила народъ до кровавыхъ распрей. Это извѣстно.

Цыганъ-контрабандистъ, невѣрующій, ближайшій къ рамѣ сей картины, служитъ возможною крайностію, противоположноспію съ образомъ мыслей и духомъ Испавцевъ.

Вообще нравственная цѣль сей повѣсти, есть показашь, сколь гибельны слѣдствія изувѣрства и безбожія.

Вторая часть сей книги, повѣсть: *Кернокъ, морской разбойникъ*, изображаетъ отчасти нравы моряковъ Французскихъ; но болѣе это рядъ нѣсколькихъ эскизовъ, набросанныхъ съ неподражаемою вольностію кисти, представляющихъ или морскія сцены, или виды нѣкоторыхъ частей живописныхъ береговъ Франціи, среди коихъ, вы видите угрюмое, звѣрское и мужественное чело *Кернока* разбойника.

Вообще какъ сія послѣдняя, такъ и Повѣсть *Эль-Хитано*, считающіяся лучшими произведеніями пинтическаго пера *Евгенія Сю*.

Я старался по возможности соблюсти настоящій смыслъ и красоты подлинника, пе-

редать живость и оригинальность слога, которыми безъ изъятія отличаются всѣ творенія *Еваснія Сю*, — передать поэзію его прозы; говорю, я старался, старался всѣми силами не уронить во мнѣніи Русской Публики славу Автора, упроченную уже во Франціи и въ другихъ земляхъ; но не мнѣ судить, успѣлъ ли я въ томъ.

Переводчикъ.

ЭЛЬ - ХИТАНО.

ЭЛЬ-ХИТАНО. (EL GITANO.)

ГЛАВА I.

ЦИРЮЛЬНИКЪ САНТА-МАРИИ.

Un barbero de Qualidad.

Cara de angel y corason de demonio.

Образъ Ангела и сердце демона.

Лопецъ-де-Вега.

— «Клянусь вамъ окомъ Св. Прокопія, прішель, что Хитано отправился въ Машагорду. Почтенная моя тетка Изабелла, возвращалсь съ острова Леона, сама видѣла всю береговую стражу въ готовности, и говорила мнѣ, что у маяка посшавлены два конныхъ посша,

для наблюденія за движеніями эшого
окаяннаго, котораго видѣли въ морѣ.

— «Клянусь ракою Св. Яго, пріяшель,
рыбакъ Пабло сейчасъ прибылъ изъ
Кониля, и повторялъ мнѣ, что тар-
тана съ красными парусами бросила
якорь на полъ - пушечнаго выстрѣла
отъ берега, и что всѣ *кожаные кам-*
золы (*) всполошились. . . .

— «Вашу легковѣрность упопробили
во зло, Сеньоръ Донъ Хозе.

— «Надъ вами позабавились, *госпо-*
динъ бородобртй,» опивчалъ Хозе, выхо-
дя съ лукавымъ видомъ.

Сіе прозваніе : *господинъ бородобртй*,
заставило сильно вздрогнуть Флореса,
ибо если онъ молодилъ публику, то
для шого только, чпобъ не опроверг-
нуть совершенно, увы! слишкомъ под-
линнаго значенія свѣтлаго оловяннаго
блюда, колебавшагося въ шемномъ углу

(*) Таможенные сыщики.

его дверей; но за то снаружи представлялась обширная картина, изображающая руку, вооруженную ланцетомъ, и открывающую съ оспороженностию жилы другой колоссальной руки. Изъ сего наблюдатель легко поймешь, что цирюльникъ посвящалъ свое самолюбіе и славу въ опсправленіи нѣкошорыхъ хирургическихъ операцій, и что почти противъ своей воли онъ унижался до ничшожной бритвы, выгода отъ коей, однако, по видимому, была довольно значительна.

Впрочемъ, Флоресъ пользовался заслуженною извѣстностию; его лавка, какъ вообще въ Испаніи всѣ лавки цирюльниковъ, была мѣстомъ собранія всѣхъ любительей новостей, а въ особенности опспавныхъ моряковъ, жившихъ въ Санча - Маріи; и если извѣстія, почерпаемая въ семь источникъ, не всегда были облечены досто-

вѣрностію, по крайней мѣрѣ должно сознашья, что ихъ выдумывали опъ чистаго сердца: подробностей, историческихъ словъ, личностей, обстоятельствъ, — всего было шамъ досшаточно. Набожный, съ умомъ гибкимъ и вкрадчивымъ, цирюльникъ дышалъ полнымъ блаженствомъ; онъ всегда былъ тщательнo одѣтъ въ черное плашье, сѣдые и приглаженные его волосы закрутились позади ушей, и двѣ широкія красныя полосы, замѣнявшія брови, рисовались надъ маленькими желто - сѣрыми глазами быстрой чрезвычайной: но въ особеннoсти заслуживали вниманіе его руки, кoихъ бѣлизна, свѣжесть и розовые ногши, сдѣлали бы честь даже Канонику Толедскому.

Сказано выше, Флоресъ сильно вздрогнулъ при обидной выходкѣ Хозе, и это невольное и гнѣвное движеніе со-

вращило съ пупи всегда твердую и вѣрную его руку; спалъ задѣла слегка по горлу одного изъ его посѣпшителей, кошорый съ самодовольнымъ видомъ развалился въ большихъ полированныхъ креслахъ изъ чернаго орѣховаго дерева, на кои по очереди приходили садиться всѣ моряки оспирова Леона и Санша-Маріи.

— « Чоршь васъ дергаетъ, хозинъ, » сказалъ оцарапанный, подпрыгнувъ на своемъ мѣсѣ; « должность палача еще не заняла въ Кордовѣ. Ей, ей! вы можете получить ее, ибо имѣете удивительную способность рѣзать глотки Христіанамъ. »

И онъ обтеръ концемъ своей перевязи кровь, текшую изъ раны.

— « Успокойтесь, » опвѣчалъ Флоресъ съ важностію, упѣшенный, даже восхищенный своею неловкостію, при одной мысли, что можете употреб-

бипь въ дѣло свои хирургическія познанія.—«Успокойшесь, любезный, только верхняя кожа оцарапана; въ ней находились только тончайшіе сосуды подкожные, и діакхлумъ, или мапочный пластырь, или сальсарина поправятъ мою оплошность; къ тому же, признаюсь, это маленькое кровошеченіе для васъ весьма полезно, ибо вы, мнѣ кажется, человекъ очень подверженный полнокровію; и такъ, сынъ мой, вмѣсто того чтобъ сердиться, вы должны. . .

— «Васъ благодарить, не такъ ли, хозяинъ? Я это припомню, и при первомъ ударѣ ножемъ, который нанесу, скажу Алькаду: Милостивый государь, мой непріятель человекъ полнокровный, и все это есть не что иное, какъ кровопусканіе. Божусь! Это для его же здоровья, сударь.»

Гушъ многочисленная толпа посѣ-

пителей, наполнявшая лавку Флореса, захохотала столь шумно, что цирюль-никъ побагровѣлъ отъ гнѣва.—«Чёршво опродѣ!» пробормоталъ онъ, прикладывая свою благодѣтельную мазь къ кровавой ранѣ.

—«Вы меня проклинаете, отецъ мой!» подхватилъ морякъ; «но продолжайте, не церемоньтесь; я вамъ все прощаю, даже кровопусканіе, за добрую вѣсть, кошорую вы намъ сообщили. . . . А! такъ шарпана прокляпаго споншъ на якорѣ у Коннля! Клянусь грудью моею матери! Я ошдалъ бы охотно за восемь лѣтъ все причинающееся мнѣ отъ Фердинанда жалованье, лишь бы только могъ увидѣшь эшого окалннаго Цыгзна съ цѣпами на рукахъ и на ногахъ, спюлцаго на колѣняхъ въ праурной часовнѣ. Сколько разъ, преслѣдуя его на спорожевомъ лагерѣ, я отрицался отъ моего патрона: въ

то время, какъ сей любимецъ ада за-спавлялъ насъ лавировашь; ибо, всегда въ самую бурную погоду онъ пускался въ море, и между шквмъ, какъ наше судно кашилось подъ волнами, его какъ будто прыгало и скользило по валамъ! Санша - Кармень! я прозакладую эту пару новыхъ башмаковъ, что если Цыганъ опуститъ въ кропильницу свой палецъ, то свяшая вода закипитъ, какъ опъ раскаленнаго желъза.

— «Вещь возможная,» сказалъ Флоресъ; «но всего вѣроятнѣе то, что мое извѣстiе основательно.

— «Да услышитъ васъ Небо,» сказалъ одинъ, «и я общаюсь Санъ-Франциску положить моихъ домашнихъ спать на голые камни, и не давалъ имъ ничего, кромѣ варенаго девяти сушокъ въ водѣ гороху.

— «Пусть его схватитъ, и я принесу въ жертву Пресвятой Дѣвѣ ире-

красную манпилю и кольцо,» сказалъ другой.

— «Я,» подхватилъ претій, «я уже далъ объшь Богородицѣ Пиларской итти босикомъ опсюда въ Херестъ, съ прехъ фунтовою свѣчею въ зубахъ и со свлзанными на спинѣ руками, когда увижу эшого опсшупника въ темницѣ, ожидающаго казни.

— «А я,» вскричалъ продавецъ сконна, «я соглашаюсь опдашь двухъ лучшихъ моихъ козъ слдпымъ Опцамъ монастыря Санъ-Жуана, лишь бы мнѣ позволили четвертовать нечестивца и залить ему глаза свинцемъ; ибо, божусь Св. Пешромъ! я не хочу смерти грѣшнику, а все же нужно осудить его по всей строгости законовъ. Если бъ эшошь двоюродный братъ Сапаны довольшвовался только провозомъ контрабанды, то, хотя онъ и каженный, все бы можно было покупать его повары,

освятить ихъ напередъ; но проклятый грабитель береговыхъ селеній, похищаетъ нашихъ дочерей, и оскверняетъ храмы. Не давно еще нашли спашую Св. Ильдефонса съ мапрозской шапкой на головѣ и съ длинною трубкою во рту. Клянусь семью скорбями Богородицы! Такія святошашства предзнаменуютъ какую нибудь страшную невзгоду!

— «И все отъ того,» перебилъ морякъ, «что у Кадикскаго Губернатора нѣтъ порядочнаго Фрегата для прекращенія этихъ неисповствъ, и что мы не имѣемъ для нашей защиты никого, кромѣ нѣсколькихъ таможенныхъ сыщиковъ, которые едва завидятъ бушпритъ проклятой шартаны, шотчасъ и на ушекъ. Товарищи! снарядимъ общими силами нѣсколько фелюкъ, и, во имя Св. Іакова! тогда посмотримъ, заступится ли за него Сатана, и правда ли, что опшпуп-

ника не беретъ ни желѣзо, ни свинецъ.

— «Странная вещь,» — началъ продавецъ скопа понизивъ голосъ; «Педрило, мой паспухъ, увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ, какъ бошъ Цыганскаго судна приспавалъ къ ушесамъ, гдѣ выпиронень монастырь Санъ-Жуана, и что. . . .»

— «И что. . .?» спросили все въ одинъ голосъ.

— «И что окаянный самъ пошелъ въ святое мѣсто!»

— «Исусе Христе! — Пресвятая Дѣва! Санта Кармень! какой ужасъ!» сказала толпа, крестясь.

— «Это еще не все: окаянный вздумалъ взойти на часовую башню, и мой паспухъ видѣлъ его своими глазами курящаго прокляшую свою цигарку, и пошомъ. . . . слышалъ, какъ онъ пѣлъ проклящую пѣсню и наигрывалъ на прокляшой своей гитарѣ!!!»

— «Но какъ же почтенные Опцы могли терпѣть подобное поношеніе?» спросилъ Флоресъ съ сокрушеннымъ видомъ.

— «Вопишь шо-шо же!» и раскатики прищурилъ глаза съ злобною улыбкою.

Не смотря на всю опасность, коею можно было подвергнуться, разговаривая о дѣлахъ духовенства, они, можетъ быть, начали бы важно разсуждать о семъ предметѣ, какъ вдругъ пискливый и рѣзкій голосъ сказалъ насмѣшливо:— «Да спанешся, чшо окаленный Цыганъ самъ Сапана!»

Всѣ глаза въ одно время обратились на шемный уголъ цирюльничьей лавки: ибо тамъ находился незнакомецъ, произнесшій сіи спранные слова. Когда онъ замѣшилъ, чшо всѣ взоры общества успремяены были на него, то вспалъ, сбросилъ свой бурый плащъ, прошелъ медленно во всю длину ком-

напы Флореса, и важно сѣлъ въ большія кресла, кои тогда были готовы къ принятію посѣпителя.

Его станъ былъ строенъ, холмъ менѣе средняго, и богатыи Андалузскій нарядъ выказывалъ всю гнѣбность онаго. Онъ снялъ красный плашокъ, которымъ была окутана его голова, и изъподъ онаго высъпаннсь густыя пряди волосъ, кои закрыли почти все лице; большіе черные его глаза блиспали тихимъ блескомъ.

— «Ну же, хозяинъ,» сказалъ онъ Флоресу, и ввелъ указательнымъ пальцемъ по своему подбородку, подражая движенію брипвы; «но за мои грѣхи,» прибавилъ онъ, «не опидѣдай меня, какъ шого земляка съ якорями на пуговицахъ. Особенно не нужно кровопускашя.»

Землякъ съ якорями на пуговицахъ хопѣлъ опвѣчалъ, но крики сперва опдаленные, потомъ довольно близкіе,

ему въ томъ воспрепятствовали; слышенъ былъ робкій, умоляющій голосъ мужчины, и спрөгій и визглыйый голосъ женщины.

— «Отъявленный лжець, я шебя проучу!» сказала она, входя съ расшрепанною маншильею и волоча за собою мальчика лѣтъ пятнадцати.

— «Тетушка Изабелла!» сказалиъ Флоресъ, приподнявъ брншву.

— «И рыбаць Пабло!» вскричали присутствующіе.

— «Сеньора,» говорилъ мальчикъ, «клянусь вамъ душею моего опца, что я видѣлъ два часа тому назадъ тарпану съ красными парусами, стоящую на якорѣ у Коннля.»

Сеньора Изабелла сдѣлала движеніе рукою, которое возымѣло бы все свое значеніе, если бы морякъ въ пору не успѣлъ вспуниться между двумя ратоборцами.

— «Опять эштошь проклятый Цыганъ!» возразилъ молодой человекъ въ Андалузскомъ нарядѣ. «Друзья мои, вотъ прекрасный случай доказать вамъ то, что я говорилъ передъ эшимъ, а именно, что эштошь окаянный есть самъ Сапана.» — И онъ важно поднялся съ своихъ кресель.

— «Сеньора, я въ состояніи рѣшить вопросъ, ибо я шакже видѣлъ судно съ красными парусами два часа назадъ.

— «И я то же,» отвѣчали въ одно время Изабелла и Пабло.

— «Хорошо,» сказалъ незнакомецъ; «клянешесь ли вы святымъ именемъ Бога я поспрадавшимъ на Крестѣ сказать истину?»

— «Клянемся.

— «Говорите же, Сеньора.

— «И шакъ по истинѣ, по сущей правдѣ, какъ правда то, что въ Кордовѣ есть рака Св. Изабеллы, моего

Ангела (она перекрестилась), я видѣла, нѣпѣ еще и двухъ часовъ, судно Цыгана, крейсировавшее на высотѣ Машагорды, и пусть Господь разразишь меня, если я лгу.

— «Говори шы,» сказалъ онъ рыбаку.

— «Пусть Санъ-Пабло погубилтъ при первомъ моемъ грѣхѣ, меня и мою лодку, если я не видѣлъ два часа шому назадъ шарпану окаяннаго, сшоящую на якорѣ на карабинный высшрѣлъ опѣ Кониля; и въ доказательство шого, господа, я встрѣшилъ не подалеку опѣ Вехера опрядъ шаможенной спражи, поспѣшавшій на берегъ во всю мочь, и ведомый сыномъ Барсо, маленькимъ Барсильо, кошорый ихъ о шомъ предъувѣдомилъ; я не хочу спорить съ госпожей Изабеллой, но убей меня Богъ, если я не сказалъ правды!»

Въ сихъ толкахъ шполь различ-

ныхъ (*) былъ слышенъ такой голосъ испины и убѣжденія, что зрители посмошрѣли другъ на друга съ удивленіемъ. Самъ чужестранецъ улыбнолся съ недоувѣрчивымъ видомъ. Что касаетса до Флореса, онъ не замѣчалъ, что съ шѣхъ поръ, какъ новый госпъ снова помѣспился въ кресла, онъ водилъ машинально пущымъ концемъ своей бришвы по его подбородку.

— «Ого! пріяшель,» сказалъ молодой человекъ, «если вы будете продолжашь такимъ образомъ, шо мнѣ нечего опасашься кровопусканія, случившагося съ землякомъ; видно, вы крѣпко чѣмъ нибудь завяшы, когда не видите съ перваго взгляда, что вмѣсто бришья надобно убрашъ мнѣ волосы.

— «Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ приспѣженый цпрюльникъ, «въ самомъ

(*) Разстояніе между сими мѣспами болѣе двадцати пяти миль.

дѣлѣ вашъ подбородокъ гладокъ, какъ Варварійская Фига: точно женской.

— «Женской!» повторили Пабло и Сеньора Изабелла.

Въ ту минуточку маленькой ребенокъ подошелъ къ дверямъ, высунувъ въ нихъ свою прекрасную бѣлокурую головку, потомъ спрячалъ ее, снова выказался, какъ бы желая найти кого нибудь, увидѣлъ незнакомца, и въ два прыжка былъ у него на коленяхъ.

Едва онъ успѣлъ ему проговорить что-то на ухо, какъ сей послѣдній поспѣшно вспалъ, схватилъ свой плащъ, кинулъ пластръ Флоресу, и сказалъ съ испанисшвеннымъ видомъ: — «Должно быть, друзья мои, что этошъ Цыганъ естѣ точно самъ Сашана, ибо онъ въ трехъ мѣстахъ разомъ; Христомъ вамъ клянусь!» прибавилъ юноша крестясь, «что онъ съ два часа, какъ лавируетъ въ виду Санъ-Люкара.»

Сказавъ сіи слова, онъ съ легкостію вскочилъ на своего коня, кошорый ржалъ у ворошъ, посадилъ ребенка за собой, и вскорѣ изчезъ въ густомъ облакѣ пыли, поднявшейся опть поскаковъ его бѣгуна, посреди улицы Махадериша-Ангоспа.

Посѣпншели Флореса, выбѣжавшіе къ ворошамъ, посмоирѣшь вслѣдъ за симъ госщемъ, возвратились въ лавку цирюльника и начали выводити самыя сумасбродныя догадки о *тройстсенности* испинно гудесной коншрабандиспа-Цыгана; догадки, кон опложили, не изчерпавъ ихъ до дна, дабы поговорить о правлѣ воловъ, долженспвовавшей бышь на другой день.

ГЛАВА II.

ВОЛОВЬЯ ТРАВЛЯ.

**Madrid, quand tes taureaux bondissent,
Bien de blanches mains applaudissent,
Bien des écharpes sont en jeu.**

.....

A. MUSSET.

Испанія! Испанія! какъ чисто и
свѣтло восходитъ твое солнце! Уже
Сапта-Марія озарена лучами свѣта;
тысячи оконъ ея бѣлыхъ домовъ бле-
сятъ и пылаютъ, и благовонные
померанцы Альменды, кажется, по-
крылись золотыми листьями. Вдали
видѣнь Кадиксъ, облеченный теплымъ
и красноватымъ паромъ, а тамъ, надъ

ослѣпительнымъ пескомъ морскаго берега, синія и прозрачныя волны развивающъ алмазными плещенищами пѣну, сверкающую огнями солнца; шамъ въ гавани представляется взору безчисленное множество фелукъ и шлюпокъ; флюгера ихъ развѣвающся при дуновѣніи легкаго вѣтерка, кощорый порхаептъ, свиспя по снастямъ. Свѣжій запахъ морскихъ мховъ, пѣніе мапросовъ, поднимающихъ увлажненные еще ночью росою широкіе, сѣрые паруса, звонъ церковныхъ колоколовъ, ржаніе коней, скачущихъ по зеленѣющимъ лугамъ, лежащимъ позади города.... и все шамъ — говоръ, благовоніе и свѣшъ.

Вошненіе, произведенное извѣстіемъ о воловьей правлѣ, долженствовавшей бытъ въ сей день въ Санша-Маріи, умножало сей шумъ. Все почти населеніе окрешныхъ городковъ и деревень

выхлынуло на дороги. Тамъ красныя коляски, покрытыя богатою позолотою, лепящъ, влекомыя быспрыми конями, коихъ головы обременены разноцвѣтными перьями и колокольчиками, раздающимися вдалекѣ; здѣсь мостовая шрясется и спонешъ подъ ногами восьми муловъ, конхъ збруя украшена серебряными вензелями и гербами, и кон, едва переступая, везущъ тяжелую, прочную колымагу, окруженную ливрейными слугами, Испанскаго Гранда; впереди бѣгутъ скороходы, одѣтые въ объяръ, съ блестящими песьмами.

Далѣ видна поспѣшная и легкая ѣзда Андалузскаго поселанина. Клянусь всѣми святыми Аррагоніи! какъ онъ хорошъ со своею возлюбленною въ сѣдлѣ и въ своей бурой одеждѣ, вышитой чернымъ шелкомъ и подбитой алою тканью! А эшо множе-

спво золотыхъ прорѣзныхъ пуговокъ, которыми высшрочено его исподнее плашье, вдоль бедра до самыхъ его лосняныхъ шпигблешовъ! Какъ твердо нога его упирается на широкое Мавришанское спремя! Но нельзя видѣть его лица; ибо оно почти все закрыто маншильею его Андалузянки.

Прекрасная чеша, клянусь св. Іаковомъ! Какъ она охватила его обѣими руками, и какъ зеленые рукава ея *манильо* мило обрисовываются на шемномъ цвѣтѣ камзола ея любовника! Какой огонь въ ея глазахъ, которые сверкають изъ подъ густыхъ черныхъ ея бровей! Боже! какіе взгляды! какой гибкій сманъ! И какъ кснатпи на ней эпошь баскинъ (*), съ длинными апласными бахрамами, позволяющій видѣть полненныя икры и уютную, дѣшскую пожку!.... На минушу

(*) Плашье на онжмакъ.

видна была ея голубая подвязка и ея шелковый чулокъ, и маленькій Тосканскій книжалъ, кошораго истинная Андалузьянка никогда не покидастъ!

Впередъ! Ихъ добрая гвѣдая лошадь понеслась; ея черная грива, переплетенная алыми левшамн, развѣвается надъ жилистою шеей, и уже пѣна убѣляетъ удила и ихъ блестящія оконечности! Впередъ, юноша! Коли шпорами бока швоего бѣгуна; швоя смуглянка, съ черными бровями, шрепещаетъ отъ его быспрыгъ поскоковъ, прижметъ тебя крѣпче къ своему сердцу, и ты почувствуешь его бѣеніе, и ея дыханіе сожжетъ швою ланиту!

Ради св. Іакова, впередъ, юная чета! Исчезните отъ глазъ ревности въ сечь облакъ золоченой пыли!....

Но вошь воропа Санша-Марин. Все

поропится, тѣснится: слышны смѣшанные крики печали и радости; мужчины, женщины, старики, дѣти, все неподвижны, ожидая съ помлениемъ минуты сраженія. Наконецъ барьеры растворились; народъ хлынулъ, и въ одно мгновеніе обширный галереи, окружающія ристалище, наполнились зрителями, дышащими желаніемъ и неперпѣваемъ.

— Дорогу, дорогу Алькаду, Ювпѣ и господину Губернатору! Передъ ними идетъ городская милиція съ длинными карабинами; за ней сержанты, которые трубятъ въ рога и несутъ желтые и красные знамена, на коихъ вышиты Кастильскіе львы и Королевская корона.

— Дорогу, дорогу Монхъ! ибо это первый и послѣдній праздникъ, на коемъ несчастная молодая дѣвица будетъ присушествовать. Сегодня она

принадлежитъ свѣту, завтра будетъ принадлежать Богу: сегодня она ослѣпляетъ взоры драгоценными камнями, ея плащъ сверкаетъ серебряными блестками, и пять рядовъ жемчугу окружающъ ея алебастровую шею; жемчугъ и алмазы на ея бѣлыхъ и полныхъ рукахъ; жемчугъ и цвѣты въ ея прекрасныхъ черныхъ волосахъ, освѣняющихъ блѣдное чело.— Посмотрише, какъ она проглательна! Съ какою любовію и почтеніемъ она смотритъ на Игуменню монастыря св. Магдалины! Ни одного взгляда не броситъ на сіе шумное зрѣлище, ни одной улыбкой не оцвѣчаетъ на сей ропотъ удивленія, которъ слѣдитъ ее, на сію суешливую услужливостъ первѣйшаго дворянства Севиллы и Кордовы. Ничто не можетъ разсѣять ея священныхъ думъ. Сироту богашую, ее опідають Богу и попомъ

Игумень въ св. Магдалины. Сіе чистое и простое сердце боится свѣша, не знавъ его; ибо ему хошѣли дать доступъ къ небу безъ борьбы. Завтра, по обыкновенію, сіи густыя волосы падушъ подъ ножницами; завтра холстъ и грубая шерсть замѣнятъ сіи блестящія ткани; завтра она будетъ связана навсѣгда ужасною кляшвой; но сегодня приличіе пребудеть, чшобъ она присутствовала при суешъ и веселія сего обманчиваго, невѣдомаго ей свѣша, какъ бы для послѣдняго и вѣчнаго съ нимъ прощанія.

— Дорогу же, дорогу Монхъ, которая входитъ въ свою ложу, украшенную флагами и обитую бѣлой шелковой тканью съ цвѣтами.

— Bravo! рога звучатъ, знакъ поданъ, барьеръ растворяется: волгъ выбѣгаетъ и скачетъ по риспализцу! Это храбрый дикій волгъ, рожденный

въ лѣсахъ Санъ-Лукара; онъ рыжій, только узкая бѣлая полоса вѣется по спиць его. Рога у него коротки, но тверды и остры, и нѣтъ спали глаже и свѣтлѣе ихъ. Жилистая его шея свободно носитъ огромную голову, жилистыя и сухія его ноги не слабѣютъ подъ тяжестію непомерно широкой его груди и крестца. Бока его костисты, округлены; они отзываются отъ частыхъ ударовъ его длиннаго хвоста, который, ударяя по нимъ, хлопаетъ, какъ бичъ.

При его входѣ, взрывъ удивленія могъ бы поколебать горы Сіерры, и крики: *bravo, toro!* раздались со всѣхъ сторонъ. — Онъ вдругъ остановился, переспалъ на минуточку бичъ хвостомъ, и осмопрълся съ удивленіемъ.... Помомъ тихими шагами обошелъ вокругъ ограды, отдѣляющей респалнице отъ зрителей, поискалъ въ

ней выхода, и, не нашедъ онаго, возвратился на средину цирка, и шамъ началъ оспришь рога свои, крупя вихремъ песокъ надъ своею головою.

Въ эту минушу явился одинъ чудось (*). — Защити тебѣ, Пресвятая Дѣва, сынъ мой! и сотвори Небо, чшобы швоя голубая шелковая одежда, вышитая серебромъ, не подбилась сей часъ краснымъ цвѣшомъ, какъ швой флагъ, концы шы размахиваешь предъ глазами этого молодца, который мычишь и начинаешь сердиться!

— Bravo, чудось! угодникъ швой бдишь надъ шобою, ибо едва успѣлъ шы

(*) Чудосы, или Чуляльо, пѣшіе шорeadоры, или бойцы, они выходяшь на вола съ разноцвѣшными яркими шканями, и размахивая ими, раздражаютъ его.

скрыться за ограду, дабы избѣгнуть вола, коего глаза начинаютъ сверкать, какъ раскаленные уголья.

— Но поперните : вотъ показался пикадоръ съ своимъ длиннымъ копьемъ, верхомъ на добромъ пѣгомъ конѣ; широкая сѣрая его шляпа вся обвѣшана лентами; на немъ большіе сапоги и набедренники, набитые шерстью, для предохраненія ногъ отъ первыхъ ударовъ.

— Bravo, volъ! ты разбѣгаешься съ наклоненною головою, ты стремишься на пикадора . . . Но онъ вдругъ тебя оспанавливаетъ, вознивъ доброе коное свое выше лѣваго плеча твоего. Кровь струится, ты мычишь, и твоя ярость усугубляется. Праведный Боже! правля будешь чудесная!

— Св. Іаковъ! какой скачекъ! какой ревъ! bravo, volъ! опрокинутый пикадоръ кашится; у добраго пѣгаго его

кона распоронъ бокъ; съ ручьями крови
выходящъ его внутренности. Онъ дѣ-
лаешъ нѣсколько шаговъ . . . падаешъ
и издыхаешъ . . . Хорошо, востпророгій
пріятель, хорошо! За то ны слышишь
шопощъ и крики неистовой радости.
Я повпоряю: Праведный Боже! правля
будешъ чудесная!

— Но шше! вопъ огненные бан-
дерильи (*) (Banderillas de fuego) О . .
о . . ты прислоняешся задомъ къ огра-
дѣ, взрываая землю и испускаая спраш-

(*) Бандерилья, палки длиною около двухъ съ по-
ловиною футовъ, обшитыя нѣрзанной бумагой, съ
острыми зубчатыми желѣзными концами. Для на-
казанія за робость или хладнокровіа вола, ихъ упо-
требляють также съ фейерверкомъ, ш. е. окружа-
ють ракетами и пестардами, конхъ зажженный
трутъ, насаженный на острие и сдвинутый углубле-
бленіемъ бандерильи въ шею живошнаго, воспламе-
вляешся въ одно мгновеніе. Чулосы, употребляющіе
ихъ, называются бандарильясами.

ный ревъ. Что-то будетъ, мой сынъ, когда эиоптъ храбрый чулось (да спасеть его Св. Иаковъ) вонзиптъ въ грудь швою эи д.линныя спрѣлы, украшенныя цвѣтами и окруженныя ракетами и пепардами, кои воспаляюшся какъ бы чародѣйствомъ? — Видишь, не правду ли я сказалъ? ... Клянусь душею моего опца, чулось расперзанъ! — Боже! какой ударъ рогами!

Самъ виноватъ, онъ не опскочилъ въ сторону во время. Bravo, вошь! сколь ты благороденъ и гордъ, прыгая посреди сихъ огней, кои хлопаюшъ и пересѣкаюшся одинъ другимъ! Твоя кровь смѣшиваешся съ огнемъ; швоя кожа содрогаешся и прещиптъ подъ ракетами, копорья извиваюшся, свершываюшся снопами и ниспадаюшгъ золотымъ дождемъ; швое бѣшенство во всей силѣ, и зрители бѣгутъ опгъ первой ограды, спрашася, чшобъ шы

не перескочилъ чрезъ оную, хотя она шести локтей въ вышину!

— Ахъ, чоршъ съ нимъ, Машадоръ (*) не приходишь! теперь однако самая пора. Найдешь ли онъ когда нибудь мвнушу, благопріятнѣе этой? Никогда, нбо никогда лрость этого живошнаго не достигнетъ высшей степени, и я прозакладую мой добрый шпущеръ прошивъ Англійскаго ружья, что машадоръ теперь погибнетъ. — Святая Дѣва! какъ онъ медлитъ! ускори приходъ его.

— Но вопъ и онъ — это Пепе Орчисъ.

— *Viva Pepé! Viva Pepé Ortis!*

— А!... онъ кланяется Господиу

(*) Машадоръ, боецъ, который добиваетъ вола. Онъ вооруженъ обоюдострымъ мечемъ, и носитъ алую маншю, привѣшенную на палку (*la maleta*) кою онъ обмазываетъ лрость вола.

Губернатору и Юпитъ, и потомъ Монахъ . . . Онъ скидаетъ свою шляпу, и вѣшаетъ свой красный плащъ. Хорошо! онъ преклоняетъ обоюдоспръый мечъ! Больно глазамъ! Вездѣ золото! — Золото даже на спръыхахъ чулокъ и на бантахъ оленьихъ башмаковъ его!

Наконецъ вопъ онъ на ристалищѣ!
— «Убей для меня вола, сердце мое!»
кричитъ ему одна смуглая Андалузянка съ бѣлыми блестящими зубами.

— Ради Бога, не улыбайся такъ швоей возлюбленной! . . . Бѣги, Хозе, бѣги! волъ бросаешя на тебя. — Но нѣтъ! Хозе ожидаетъ его съ пвердоспѣю; его мечъ у него въ зубахъ; онъ схватываетъ одинъ изъ роговъ вола, и съ легкостпю чрезъ него перескакиваетъ. Bravo, мой достойный Мападоръ, bravo! подними за шо миндальный цвѣшокъ, который швоя любезная бросила тебѣ, хлопая въ ладони.

Но вопль воле оборачивается! Санша-Кармень! худой знак! онъ оспанавливается, не мычишь болве, его Боги вышланушы, глаза въ огнѣ и хвощъ свернушь въ кольцо. Вручи Богу свою душу, Хозе, ибо ограда далека, а воле близокъ. Впередь! Демоніо!... впередь, съ швономъ добрымъ клинкомъ! — Боже! уже поздно! Мечъ разлетается въ дребезги, и Хозе, пробожденный рогами вола, пригвожденъ къ периламъ! Я правду говорилъ: Праведный Боже! Трава будетъ чудесная!

Тогда вой радости и крики судорожнаго удивленія могли бы воскресить мертвыхъ.

— «Браво, воле!»... вскричали все голоса толпы. Все?... нѣтъ, одного не досшавало, — голоса молодой дѣвы съ миндальнымъ цвѣткомъ.

Съ давняго времени не видно было подобнаго праздника: воле, одушевлен-

ный еще своею побѣдою, пробѣгалъ циркъ, дѣлая страшные прыжки, кидался на окровавленные ошпашки машадора и чулоса, и клочки шѣлъ сихъ неосшорожныхъ бойцевъ сыпались на зришелей! Всѣ еще были въ жестокой неизвѣстности о концѣ правли, ибо участь Пепе Орписа охладила ревность его собратій, какъ странное, неслыханное происшествіе сдѣлало толпу безгласною, неподвижною ошѣ удивленія.

ГЛАВА III.

Э Л Ь - Х И Т А Н О .

Que ses regards brûlans font frémir!... qu'il
est beau!

Delphine Gay, *Madelène*, ch. v.

Вы знаете, что цыркъ Санша-Марин посшросенъ на берегу моря, и что двое воротъ только вѣдуть въ оный. И такъ, барьеръ, пропиввулежащій ложъ Губернашора, вдругъ съ силою распворился, и всадникъ въѣхалъ.

То быль не чулильо, ибо онъ не размахивалъ легкимъ флагомъ изъ краснаго

шелку; и рука его не потрясала ни длиннымъ копьемъ пикадора, ни обоюдоострымъ мечемъ мападора; на немъ не было ни шляпы, обвѣшанной лентами, ни сѣтки на головѣ, ни камзола, вышитаго серебромъ. Онъ былъ, по обычаю Кроатовъ, весь въ черной одеждѣ, въ оленьевыхъ сапожкахъ, спускавшихся множествомъ складокъ по его ногѣ, и въ маширосскомъ шокѣ съ бѣлымъ перомъ; онъ сидѣлъ съ ловкостію и ѣхалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ на вороной лошаdkѣ, осѣланной по Мавритански, сильной и горячей; наконецъ, длинные пистолепы съ богатою насѣчкою висѣли при лукѣ сѣдла его, и у него была только одна изъ тѣхъ узкихъ и короткихъ сабель, кои употребляются военными морками.

Едва онъ показался, какъ воля опомелъ на другой конецъ ристалища,

дабы приготовишься къ битвѣ съ симъ новымъ противникомъ. Въ это время черный всадникъ успѣлъ засавить бѣгуна своего сдѣлать нѣсколько блестящихъ скачковъ и остановиться передъ ложею Монаха. Тутъ онъ сталъ приспально смотрѣть на дѣву, обреченную Господу!!!

Лице бѣдной дѣвушки зардѣлось, какъ гранатовый цвѣтъ, и она скрыла свою голову на грудь Игуменьи, раздраженной смѣлостію незнакомца.

« *Ave Maria*... Какая дерзость! » говорили женщины.

— « Пресвятая Дѣва! откуда взялся этакъ демонъ? » спрашивали другъ друга мужчины, изумленные такою опважностію.

Вдругъ общій крикъ раздался: ибо воля порывался броситься на незнакомца съ бѣлымъ перомъ, кошорый обернулся, поклонился Монаху и сказалъ

ей съ улыбкою : — « Для васъ, Сеньора, и въ честь вашихъ голубыхъ очей, прекрасныхъ, какъ лазурь небесъ. »

Едва онъ окончилъ слова сіи, какъ воля успремился на него. . . Пользуясь легкостію своей лошади, онъ съ неимовѣрною живостію сдѣлалъ изворотъ, поднялъ ее на дыбы, и очутился въ десяти шагахъ отъ своего непріятеля, преслѣдовавшаго его съ люшостію. Но лошадка съ обычною быстроотою устранилась отъ него, почши играя, и опередила его столько, что сѣдокъ ея могъ остановиться на минушу передъ ложей Монхи, и сказать ей: « Опяшь для васъ, Сеньора, но теперь въ честь сихъ алыхъ успъ, пурпурныхъ, какъ коралль Первана. »

Воля напалъ съ яростію: всадникъ съ бѣлымъ перомъ выждалъ его хладнокровно, выдернулъ изъ сѣдла пистолеть, прицѣлялся, и выстрѣлилъ въ

него съ такою вѣрностію и искусствомъ , что чудовище мыча поверглось къ ногамъ его лошади. Видя всю великость опасности, коей подвергался сей чудный человекъ , Моиха испустила пронзительный крикъ , кинулась на перилы своей ложи и простерла впередъ руки: онъ схватилъ одну изъ нихъ , напечатлѣлъ на ней жаркій поцѣлуй , и снова устремилъ на нее пристальные и неподвижные взоры.

Эта неожиданная сцена была спольснрана для Испанцевъ , что они оспалились какъ бы окаменѣлыми отъ удивленія. Сей дивный нарядъ , эшотъ убитый быкъ , противъ всякаго обычая , выстрѣломъ изъ пистолепа , эшотъ человекъ , поцѣловавшій руку у полусвятой , у невѣсты Хрисша , все эшотолько противорѣчило принятымъ обыкновеніямъ , что Юнша , Алькадъ и Губернашоръ сдѣлались безгласными ,

между тѣмъ, какъ возбуждавшій столь живое любопытство, приковалъ пламенѣющіе свои взоры на шрепещущую и смущенную Монаху, не имѣвшую силы выдти изъ ложи. Тщешно Игуменья обременяла чернаго всадника названіями самыми оскорбительными, какъ то : безбожникъ, окаянный, презрѣнный ошесупникъ ! Тщешно кричала ему голосомъ священнѣйшаго негодованія : » Бойся гнѣва Небесъ и людей, ты, который осмѣлился привлечь вниманіе сего цѣломудреннаго слуха къ свѣтскимъ рѣчамъ, который не содрогнулся коснуться руки, обреченной Господу. «

Презрѣнный все еще смолчалъ на Монаху, повторяя съ удивленіемъ : — » Какъ хороша ! какъ хороша ! «

Наконецъ визгавый голосъ Алькада вывелъ его изъ сего изступленія, тѣмъ скорѣе, что Монаха вышла изъ ложи,

опершись на руку Игуменьи, и что двое сержантовъ схватили подъ уздцы его лошадь: онъ безъ сопротивленія шо позволилъ.

— « Въ пятой разъ, кто бы вы ни были, опшвѣчайше, » сказалъ Алькадь. « По какому праву вы убили изъ пистолета вола, опредѣленнаго къ увеселенію публики? По какому праву вы обращались съ рѣчью къ молодой дѣвицѣ, должнствующей зазира произнести священнѣй и вѣчный обѣтъ? Однимъ словомъ, кто вы? »

И главный Судья снова сѣлъ на свое мѣсто, уперъ лобъ, посмошрѣлъ на Губернатора съ довольнымъ видомъ, и сказалъ сержантамъ: — « Держать крѣпче его лошадь. »

— « Кто я? » сказалъ панишвенный всадникъ, приподнявъ гордо свою голову, которую дотолъ нельзя было хорошо разсмошрѣть.

И тогда открылись черты совершенной правильности; его глаза были смѣлы, пронизательны; черные и лоснящиеся усы оплѣняли румяныя губы, и густая борода, рисовавшаяся двумя дугами по длинѣ щекъ, доходила до выгнушаго его подбородка; только лице его было мрачно и блѣдно.

— «Кто я?» повторилъ онъ звучнымъ и полнымъ голосомъ, «вы пошчасъ это узнаете, достойный Алькадъ.» И, напнянувъ крѣпко поводья, онъ сильно ударилъ шпорами въ бока своего коня. Живописное поднялось проворно на дыбы, и сдѣлало такой удивительной прыжокъ, что сержанты, опрокинутые ударомъ его груди, покашлялись по цирку

— «Кто я? ... Я Хишано, Цыганъ, проклятый, окаленный, если вамъ угодно, достойный Алькадъ»

И въ два скачка онъ перенесся чрезъ

ограду и барьеръ, достигъ берега вблизи находившагося, и можно было видѣть, какъ онъ бросился вплавь со своею лошадыю.

Тогда случилось довольно необычайное происшествіе. Услыша имя Цыгана, весь народъ однимъ разомъ захопѣлъ оставишь циркъ, и кинулся къ выходамъ, слишкомъ шѣснымъ для свободнаго выпуска скопища людей, хлынувшаго въ одну сторону. Доски галлерей, не довольно крѣпкія, чптобъ выдержашъ столь жестокій напискъ, разступились, защедали, и часть амфитеатра рухнула подъ ногами зрителей! Смятеніе, ужасъ, вскорѣ достигли высшей степени: груди людей были набросанны одна на другую, и шѣ, кои держали на себѣ сію непогмѣрную пляжестъ, испускали плачевные крики, предоставляя себѣ своимъ патронахъ.

— « Эшо прокляшый, окаянный, » говорили они, « навлекъ на насъ гнѣвъ небесь, дерзнувъ оскорбишь обрученницу Христа. Его присутствіе есть наказаніе . . . Анаѳема, анаѳема ! И слышны были проклятія, приводящія въ ужасъ !

Тщешно Алькадь и Губернаторъ, избѣгнувшіе сего бѣдствія, употребляли всѣ способы чптобъ возстановишь порядокъ : они не могли засшавишь вняшь голосу разсудка нѣсколькихъ тысячъ придавленныхъ и разбишыхъ Испанцевъ, вопившихъ въ одно время. Уже властямъ оспавалось только призвашь послѣднихъ свлпыхъ календаря, какъ вдругъ сіл громада людей разсѣялась какъ бы очарованіемъ. Каждый очутился на ногахъ, но у многихъ воили испинной боли, замѣнили крики спраха и ужаса.

Вошь это какъ случилось :

Несчастный брадобрѣй Флоресь, за-

нимавшій мѣсто въ самомъ нижнемъ ярусѣ цирка, попалъ въ число тѣхъ, кои выносили на себѣ всю тяжесть полны. Предпринявъ съ поварищами своего бѣдспівія неимовѣрныя усилія, чтобы высвободиться отъ давленія, и видя, что здравые и справедливые доводы ни сколько не дѣйствуютъ на равнодушіе господъ въ верхнихъ слояхъ, которые, заботясь о своемъ собственномъ спасеніи, ни мало не помышляли о томъ, что тяготѣли непосредственно всею своею тяжестію на нижніе слои, брадобрѣй Флоресъ, надсаженный, разбишый, наконецъ съ трудомъ промолвилъ, обращаясь къ нѣкоторымъ несчастнымъ, спенавшимъ подобно ему :

—«Господа, я полагаю, что размахивая ножомъ вдоль и поперекъ надъ нами, мы усиѣемъ возбудить чувствительность и жалость въ нашихъ припѣснителяхъ

при помощи нѣсколькихъ ранъ, кои я берусь залечить или діахилемъ, или мапочнымъ пласпыремъ, или . . .»

И онъ остановился, дабы перевести духъ, ибо бѣдственна судьба повергла его въ то время подъ шуловища двухъ Францисканцевъ и мясника.

— «Или сальсаринной . . .» продолжалъ онъ, едва дыша. «И такъ, ошцы мои, разрѣшите напередъ меня, ибо это для общаго блага, особенно для блага шѣхъ, кои лежатъ внизу; вы увидите, преподобные, что остріе ножа убѣждаетъ лучше, нежели самыя опборныя слова.

— «*Ave, Maria*, Боже насъ сохрани,» опвѣчали монахи, давившіе цирюльника всею ихъ монашескою шучноспію, и которые чувствовали по его порывистымъ и шоропливымъ движеніямъ, что онъ искалъ своего ножа. «Ради неба! не покушайся на подобное

дѣло, сынъ мой : не дерзай на чело-
вѣкоубійство.

— «Но, отцы мои, вы сами чело-
вѣкоубійцы, ибо вы меня ду . . . вы меня
душите.

— «Клянемся Христомъ! насъ самихъ
душашь.

— «Такъ для васъ же я начну работашь.
Поспоронишесь, отцы мои; рабы бу-
душь менѣе опасны, какъ станешь по-
падать только подъ коронки ребра.
Наконецъ доспашь,» сказалъ онъ, съ шу-
домъ расшворяя ножъ.

— «Согласны ли, господа?

— «Напрощивъ, Иисусе! мы вовсе не
согласны.

— «Все равно, помоги намъ Господи!»

И онъ началъ наносить, какъ только
могъ чаще, удары надъ своєю го-
ловою. Предупрежденные о семъ бла-
гочестивомъ намѣреніи, не нашли ни-
какого лучшаго способа удержашь его,

какъ рѣшась подражать ему; и сіе *разбивающее* средство, быстро распространяясь отъ низу до верху, возымѣло вскорѣ самыя удовлетворительныя послѣдствія, выключая нѣсколькихъ язвъ, кои Флоресь обязался заживить, и вѣроятно заживилъ потомъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ.

Когда всѣ опамятовались отъ сей жестокой тревоги, первой крикъ былъ вопросъ о проклятомъ, и первое движеніе: бѣжать къ берегу. Тартана съ красными парусами, разцвѣченная, какъ въ праздничный день, колебалась въ дали... То былъ онъ, нельзя было въ томъ сомнѣваться. «Въ гавань, въ гавань!» закричали, и всѣ успремились къ пристани, дабы лешѣтъ за нимъ въ погоню.

Но тамъ, великій Боже, какое зрѣлище! Народъ Испанскій столь жадевъ до воловьей правли, что ни одного

мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка не осталось въ городѣ: все было въ циркѣ, даже моряки покинули свои суда, и когда они прибѣжали къ плотинѣ, то нашли все причальные канаты обрубленными, и видѣли вдалекѣ фелуки и гребныя суда, снесенныя опливомъ моря.

Тогда вновь загремѣли проклятія на Цыгана, и весь народъ невольнымъ движеніемъ бросился на колѣна, просить Бога о попомленіи шартаны, которая, развернувъ свои блестящія, разноцвѣтные вымпелы, казалась, презирала сію сраженную уныніемъ толпу.

Небеса, по видимому, вняли ихъ мольбамъ, конечно весьма справедливымъ, ибо вдали показались два корабля: они держались на бейдевиндѣ, и шли бортами одно прошивъ другаго, такъ, что судно Цыгана долженствовало или быть захваченнымъ между

ними, или броситься на берегъ; и какова была общая радость, когда въ нихъ узнали два таможенные люгера, копорыс, поднявъ Испанскій флагъ, подтвердили это пушечнымъ выстрѣломъ!

Тогда шартана быстро перемѣнила галсъ, дада рей съ непосннжимою скоростью, прошла между двухъ люгеровъ, выстрѣливъ лагомъ, и полеслась на полныхъ парусахъ къ мысу Торре.

Хотя это замысловатое и чудесное движеніе шартаны разстроило планъ войны и тактику зршелей Санта-Маріи, однако, полагаясь на быстроту и число нападавшихъ, они все еще надѣялись видѣть своего врага настигнувшимъ, и припянувшимъ на буксиръ. Но шартана, имѣя значительное преимущество въ ходу предъ семи двумя люгерами, исчезла гораздо ранѣе ихъ за мысомъ Торре, выдавшемся на зна-

чипельное разспояніе въ море; и не прежде, какъ черезъ четверть часа плаванія, спорожевыя суда, бѣжавшія ей въ кильватеръ, исчезли также отъ взоровъ полпы, скрывшись за половою землі.

И вся Санша-Марія препенала отъ желанія и нетерпѣнія узнать о послѣдствіяхъ битвы, долженствовавшей произойти за сею горою.

ГЛАВА IV.

Д В Ъ Т А Р Т А Н Ы.

Adieu la balancelle
Qui sur l'onde chancelle.
Et comme une étincelle
Luit sur l'azur des mers.

VICTOR HUGO, *Navarin.*

— «Впередъ, мой вѣрный Искаръ, смотри, море лазурно, и вода шихо лелеетъ широкую грудь твою, убѣленную пѣной! Впередъ! ты погружаешь въ прозрачную влагу твои ноздри, кои расширяются и препещущь! и твоя длинная грива опряхаетъ перлы, сверкающіе, какъ капли росы. Впередъ! разгибай болѣе твои мощные ноги, со свистомъ разсѣкающія волны. Бодрѣй, мой вѣрный Искаръ, бодрѣй; ибо, увы!

времена измѣнились! Сколько разъ подъ свѣжею зеленою Кордованскихъ и Севильскихъ гульбищъ, ты наспигалъ и обгонялъ блестящія боджи (boggies), увлекавшія прекрасныхъ, черноволосяныхъ и смѣющихся дѣвъ Гренады, съ ихъ пурпуровыми маншиліями, развѣвавшимися по воздуху, съ ихъ богатыми моншабо, заспегнушими самоцвѣтными запонками. Сколько разъ ты порывался отъ нетерпѣнія, стоя подлѣ маленькаго окна, тщательно закрытаго занавѣской, за кою ты дышала моя милая Зеппа! Сколько разъ ты ржалъ въ то время, какъ наши уста искали встрѣчи и пламенно соединялись, хотя и были разлучены ревнивою шканью! Но тогда я былъ богатъ; тогда военный флагъ съ широкими красными полосами и Королевскимъ львомъ поднимался на грошъ-мачту при восходѣ моемъ на бортъ

моего боеваго фрегата; тогда Инквизиція не оцѣняла еще моей головы!... Тогда не называли меня опроверженнымъ и не разъ жена Испанскаго Гранда нѣжно мнѣ улыбалась, когда въ прекрасный лѣпный вечеръ, я сопровождалъ чистый и звонкій ея голосъ, на гуцѣ! — Ну же, бодрѣй, мой вѣрный Искаръ; бывшее давно миновалось!! Но ты меня понялъ, ибо твои уши выпрямились, и твое ржаніе удвоилось. Бодрѣй... вопшь моя парлана! вопшь моя возлюбленная, колымающаяся на морской зыби, какъ альціона, колеблемая въ своемъ гнѣздѣ воздушною волною! Но не слышишь ли ты, подобно мнѣ, смѣшанныхъ и отдаленныхъ криковъ, слабѣющей молви, копорая замираетъ въ моемъ слухѣ? Клянусь золопымъ кругомъ солнца! Эшо крики презрѣнной толпы Санпа - Марин, устращенной моимъ именемъ и обрушившейся подъ

развалинами цирка! Но крайней мѣрѣ, во второй разъ я видѣлъ ее, видѣлъ эту бѣляду. — Какъ она хороша! и завтра навсегда будетъ погребена въ монастырѣ Св. Магдалины!... О преступленіе! и я не могу похипить ее у Бога!»

И улыбка его отразилась чѣмъ-то ужаснымъ.

Едва Хитано окончилъ сіи слова, какъ съ паршаны спустился родъ пловучаго и оплотаго моста, прикрѣпленнаго длинными желѣзными петлями къ борту судна. Лошадь твердо уперлась передними ногами на край сего пловца, и однимъ сильнымъ скачкомъ очутилась на палубѣ, которая весьма мало возвышалась отъ поверхности моря.

Внутренность сего судна содержано была въ рѣдкой чистотѣ и опрятности, и на палубѣ онаго не видно была

никого, кромѣ толстаго, дюжаго Францисканца въ синей рясѣ, подполсанной веревкой; но преподобный по видимому былъ въ жестокомъ безпокойствѣ и поскѣ: вооруженный огромною зрительною трубою, онъ направлялъ оную безпрестанно на проспранство, отдѣляющее Санпа-Маріо отъ острова Леона, испуская по временамъ восклицанія, сшенанія и призыванія, кои могли бы распротать самого Коррехидора.

Но едва онъ примѣшилъ Хишано, какъ лице его приняло выраженіе истинно жалосное; свѣтлорусые волосы, выбитые въ кружокъ и вѣнчавшіе низкій лобъ его, казались отъ гнѣва. Онъ бросалъ свирѣпыя взгляды, ... и судорожное движеніе пошрясало его губы и тройный подбородокъ. Упошребивъ всѣ возможныя усилія, дабы выговорить хоть одно

слово, и не успѣвъ въ шомъ, напоследокъ онъ схватилъ Хишано за руку, и концемъ своей подозрной трубы, дрожавшей въ его рукѣ ужаснымъ образомъ, указалъ на бѣловатую точку, виднѣвшуюся при входѣ въ заливъ.

— «Ну, что жъ тамъ такое?» спросилъ ошверженный.

— «Это . . . это . . . бе . . . бе . . . береговая спража!» пробормоталъ монахъ съ чрезвычайнымъ шрудомъ. И слышно было, какъ зубы его спучали. И онъ смонрѣлъ на него, сложа на крестъ руки на волновавшейся груди.

Хишано пожалъ плечами, сѣлъ на боршовую сѣть, и обратясь къ Сан-па-Марин, повшорялъ: «Какъ она была хороша!»

Подзорная труба вынала изъ рукъ монаха; онъ ударилъ себл по лбу, собрался кое-какъ съ духомъ, ушеръ увлаженное пошомъ лице свос, и, перелом-

мивъ себя, какъ бы покушаясь на дерзкое предиріятіе, сказалъ начальнику шартаны, который все еще былъ погруженъ въ свои спраспнныя мечты:

— «Отверженникъ... описпупникъ... окаянный... сопоспашъ... сынъ сашаны... правая рука Вельзевула!...

— «Ну, что!» сказалъ Хишано, кошораго сіе бурливое предисловіе вывело изъ задумчивости.

— «Что! шрикраты проклятый! я требую отъ тебя именемъ настоятеля монастыря Санъ-Франциска, моего повелителя и твоего...

— «Моего! нѣтъ, монахъ.

— «Моего повелителя и твоего, развернушь сей часъ паруса и опшльваншь. Береговая спража приближается, и мы должны бѣ были находимся въ виду Тарифы, ежели бѣ адъ не внушилъ тебѣ безумную мысль ъхашъ на правлю воловъ и оставишь меня здѣсь одного,

меня, который ничего не разумеешь въ вашихъ проклятыхъ маневрахъ. Ну, если бы тебя схватили, потому что голова твоя оцѣнена!

— «Я этого не боюсь.

— «Да не объ тебѣ дѣлю идешь, Боже мой! я говорю о себѣ. Если бы тебя поймали на берегу, что бы я спалъ здѣсь дѣлать?»

— «Какъ же бышь! развлеченія рѣдки въ нашемъ сословіи; мысль увидѣшь сей праздникъ мнѣ польстила, и мой добрый ангелъ мнѣ помогъ, честный отецъ!

— «Не называй меня своимъ опцемъ, окаливый! А пошъ, кого ты называешь своимъ добрымъ Ангеломъ, клянусь Св. Жуаномъ! ходишь на козлиныхъ ногахъ.

— «Какъ угодно, я не спорю. Что же касается до вашего требованія, я объ немъ сподько же забочусь, какъ

объ этомъ. . . .» И онъ началъ бить хлы-
спомъ по своимъ промокшимъ сапо-
гамъ. — «Знайте же, что я дождусь
не только сего спорожеваго судна, но
и другаго, долженствовавшаго прійти
опъ востока.

— «Ты дождешься! Пресвятая Дѣва!
ты дождешься! О Санъ Франциско,
моли за меня!»

И помолчавъ съ минушу, онъ закри-
чалъ ию всей мочи: «Люди на верхъ,
на верхъ, мои братья! именемъ на-
сполнителя монастыря Санъ Франциска,
я вамъ прик.»

— «Переспань, монахъ!» сказалъ ока-
янный; и, закрывъ одною рукою ему
ропъ, другою онъ сжалъ шакъ сильно
руку Францисканца, что несчастный
понялъ все значеніе сего жеста и бро-
сился на декъ корабля, съ выражені-
емъ того нѣмаго ужаса, какой объем-
летъ чловѣка, совершенно убѣжден-

наго въ невозможности избѣгнуть очевидной гибели.

Анпано улыбулся опть жалостн, и пошомъ присшально посмопрѣлъ по направлению Кадикскаго рукава.

— «Клянусь утесами Карніолн! ты также опоздалъ, дружекъ!» вскричалъ онъ, завидя другой люгеръ, показавшійся на горизонтѣ и быспро приближавшійся. — «Вы подбираетесь, какъ два гончіе пса, кошорые обходятъ въ куспарникѣ лань; но гончія тяжелы и неповоротливы, а лань легка и хитра. Клянусь давешними голубыми глазами! охопа уже начинаешся, вопшь и въ рога шрубляшь.»

То былъ пушечный выспрѣлъ, съ коимъ одинъ изъ люгеровъ вымепывалъ свой флагъ. При семъ неожиданномъ громѣ, несчастный монахъ сдѣлалъ судорожный прыжекъ, приподнял робко голову изъ-за периль, и,

примѣшивъ два спорожевыя судна, проворно опустилъ ее и поспѣшилъ въ кубрикъ, поминутно крестясь.

Хишано безмолвно подошелъ къ компасу, поставилъ оный по направленію румба, вычислилъ измѣненія въпра, подумалъ не много, . . . попомъ взялъ золошой свистокъ, привѣшенный къ его поясу, издалъ при рѣзкіе звука, и однимъ скачкомъ вспрыгнулъ на сыпку.

По сему сигналу, восемнадцать негровъ безмолвно взошли на палубу. Едва раздался вѣпорой свистокъ, какъ шариана укрѣпила райну, оснастила бушпринтъ и фокъ - мачту, подняла стаксели, и уже окаянный держался за румпель. Два люгера подходили съ двухъ споронь, и лишь только приблизились къ шарианѣ на пушечный выстрѣлъ, какъ сія послѣдняя перемѣнила галсъ, прошла неустрашимо между своими непріятелями, давши залпъ, и понеслась

на полныхъ парусахъ къ мысу Торре. Этотъ немовѣрный маневръ могъ бытъ только выноленъ судномъ самымъ легкимъ и быспрымъ на ходу; и потому прежде, нежели два люгера успѣли войти въ румбъ, Хишано лавировалъ уже за мысомъ, скрывавшимъ его отъ глазъ неискусныхъ Испанцевъ, кои, пошерявъ вѣтеръ, были еще завяты обрасопкою парусовъ. На семь-шо мѣстѣ жишелн Санта-Марии пошеряли ихъ изъ виду.

На ружейный выспрѣлъ отъ основанія сего мыса возвышалась цѣпь огромныхъ гранишныхъ ушесовъ, кои, выспупая въ море, образовали собою крутые берега узкаго протока, изви-вавшагося между ними и подошвою горы, и имѣвшаго весьма затруднительный входъ, по причинѣ опаснаго при-боя валовъ о подводные камни.

Хишано былъ такъ привыченъ къ

симъ подводнымъ камнямъ , что безъ опасенія пустился въ прошокъ , и , проплывъ оный съ непоспѣжимымъ искусствомъ , приказалъ свернуть всѣ паруса , и ослабивъ ванпы , сложить мачты , кои не были постоянно утверждены въ своихъ гнѣздахъ , но спояли въ пазахъ , шакъ , что ея нѣсколько минушь таршана , мало погружавшаяся въ воду , оспалась плоскою , какъ плашкоупъ , и совершенно скрылась за утесами , ограждавшими каналъ со стороны моря .

Тамъ свистокъ окаяннаго снова раздался , но въ два разные пріема , со странными измѣненіями звука .

Вдругъ послышался шумъ весель , мѣрно разсѣкавшихъ воду , и изъ-за обломка скалы показалась таршана , совершенно сходная съ таршаною Хишано . На кормѣ ея находился юноша пріятнаго лица , и съ гладкимъ под-

бородкомъ, споль удивившимъ цирюль-ника Флореса. Окаянный подалъ ему знакъ, которъй, казалось, онъ понялъ; ибо, доколѣ былъ закрытъ отъ вѣтра висошою мыса, то шянулся бичевою вдоль утесовъ; достигнувъ же до другой оконечности пролива, ловко миновавъ множество подводныхъ рифовъ, онъ вошелъ подъ вѣтеръ, распустилъ паруса, и выплылъ изъ прошока въ то время, какъ два Испанскіе люгера обходили только мысъ. Едва они примѣшили эту новую шаршану, какъ усилили паруса и устремились за нею, полагая, что преслѣдуюшь, по прежнему, самого Хишано.

— « Вы лихіе охопники, » говорилъ сей послѣдній, сидя спокойно на кормѣ. « Лань отъ васъ увернулась, вы сбѣлисъ съ пупи, и между шѣмъ, какъ эшошъ пыжикъ будетъ удалски крейсировать, дабы ушомишь и завлечь

вась подалѣе , лань сложишъ богатыя
пкани Венеціи , спалъ Англія и мѣдь
Германіи , заключенныя въ ея нѣдрахъ.
И такъ впередъ ! Апу-его ! и при сей
звѣздѣ , начинающей зажигагься , да
будешъ и моя въ эту ночь счастли-
вою звѣздою , ибо солнце заходитъ ! »

Дѣйствительно , уже солнце клони-
лось къ западу , и море и небеса , сли-
ваясь на пламенномъ горизонтѣ , соста-
вляли собою одинъ обширный огнен-
ный кругъ . Поверхности волнъ свер-
кала подъ длинными золопыми отбле-
сками , кои угасали въ тѣняхъ , оп-
брасываемыхъ огромными утесами бе-
рега . Долго видно было , какъ шартана
съ удивительною легкостію маневри-
ровала , уклоняясь опъ люгеровъ . Она
порою сверпывала въ половину крас-
ные паруса свои и спановилась попе-
регъ валовъ . Тогда волна цокрывала се
бѣлою тѣной , копорая , ниспадала дож-

демъ , блистала разноцвѣтными опшѣнками радуги , и казалось , окружала ее вѣицемъ пурпуровымъ и лазурнымъ ; и шамъ , коварная , ожидала своихъ неприятелей , пускаясь по влеченію спрун Потомъ , когда они приближались къ ней , тогда , встрепенувшись подъ рулемъ , она всупала подъ вѣтеръ , расширяла свои паруса , какъ большіа пурпурныя крылья , и оставляла далеко позади себя тяжелые Испанскіе люгера , кои напрасно надѣялись ее настигнуть .

То перемѣнивъ галсъ , и покрывшись вдругъ разноцвѣтными флагами и флюгерами , она сама бѣжала на спорожевые суда . Тѣ шопчасъ раздѣлялись , дабы поставитъ ее между двухъ огней , и дѣятельно приготавлились къ битвѣ ; но она , какъ непосшоянная и прихотливая кокетка , возвращалась на прежній пушъ , держалась круче вѣтру ,

и погружалась въ волны свѣща, коими пламенѣла атмосфера, приводя такимъ образомъ въ опчаяніе почтенную береговую стражу, не переспававшую дѣланъ безполезныя покушенія. Наконецъ она воспользовалась всѣмъ преимуществомъ своего хода и устройства, дабы упомнить два люгера и до наступленія ночи завлечь ихъ далеко отъ мѣста, гдѣ Хитано намѣренъ былъ произвести выгрузку.

Проклятая столь хорошо выполнила свои порученія, что мало по малу при судна покрылись паромъ, углубляясь въ густой туманъ, и когда солнце отбрасывало только блѣдный и красноватый свѣтъ и звѣзды начинали сверкать, по суда сіи совсѣмъ пропали изъ виду.

Въ эту минуту Хитано, склоненный на передній бортъ своей шаршаны, прислушивался вымашельно къ

мѣрному шуму, глухо раздававшемуся, какъ бы отъ спущи многихъ лошадей.

— «Наконецъ вотъ и они!» вскричалъ онъ.

ГЛАВА V.

Б О Г О Х У Л Е Н І Е.

N'est-du donc rien qu'un moine pleureur ?

J. JANIN, Confession.

Одна только узкая тропинка, пробитая въ скаль, пролегла съ вершины горы Торре, образуя множество изворотовъ. Наклонъ спуска былъ отъ сего не слишкомъ крутъ, но надлежало употребить довольно долгое время, дабы достигнуть берега.

На концъ сей тропинки показался человекъ верхомъ, котораго едва мо-

жно было различить при блѣдномъ свѣтѣ сумерекъ; онъ остановился, по видимому посоветовался съ минутой съ своими спутниками, вѣроятно скрытыми за находившимися вблизи аюлами, потомъ бросилъ въ верхъ зажженную сигарку, которая описала легкую огненную борозду.

Когда такой же сигналъ поднялся съ таршаны, сей человекъ сталъ продолжать свой путь, последуемый двѣнадцатью Испанцами, также верхомъ, кои подвигались оспорожно впередъ посреди безчисленныхъ скаповъ сей прудной дороги. Одни изъ нихъ имѣли на себѣ *салбреро*, другіе головныя сѣпки или простыя пестрые плашки, концы конхъ развѣвались по плечамъ; но у всѣхъ были тѣ загорѣлыя лица, тѣ черты, грубо обозначенныя, наконецъ тотъ недовѣрчивый видъ, отличающій тамошнихъ контрабандистовъ, про-

•

мышляющихъ по берегамъ Андалузіи. Каждая изъ ихъ лошадей была обременена двумя широкими, покрытыми смолянымъ холстомъ сундуками, чрезвычайно легкими, но споль преспорными, что всадникъ не могъ помѣститься иначе, какъ на крестцѣ лошади, гдѣ онъ сидѣлъ подобно липаврщику позади своихъ липавръ. Сверхъ того, копыта ихъ копей обвернушы были овчиной, такъ что не возможно было слышать ихъ шопоша, когда они шли шагомъ.

Прибывъ къ берегу, на два ружейные выстрѣла опъ шаршаны, начальникъ сей небольшой шайки остано-вилъ свою лошадь, и сказа.тъ, обратясь къ своимъ спутникамъ :

— « Ракою моего патрона ! » — онъ снялъ шляпу : — « при свѣшъ восходящей луны, дѣпи мои, я не вижу на палубѣ судна никого, кромѣ про-

кляшаго въ его токѣ съ бѣлымъ перомъ. »

Одинъ голосъ. — Гдѣ же святой Отецъ ?

Другой. — Если Отецъ не покажется, то ни на одинъ реалъ сихъ поваровъ не перепадешь въ мои сундуки. Боже сохрани ! Но насипояпель монастыря Санъ-Жуана очень неблагоразумно поступаетъ, упоиребляя подобнаго нехриста для перевозки своей контрабанды; и хошя тамъ есть монахъ, чшобы свяшнить ее и изглаживашь слѣды когтей сапавльскихъ, но мнѣ кажется, что рано или поздно, мы пострадаемъ за сношенія наши съ сошшашомъ. — Амшнь !

Натальникъ. — А ты думаешь, что я не страшусь, подобно тебѣ, гнѣва Матери Божіей, прикасаясь къ симъ поварамъ, кои, клянусь Св. Іаковомъ! бо-

лѣе пахнуть сѣрою, нежели освященнымъ шерномъ!

Философъ, бывший поварь одного Кортеса. — Но подумайте, пріятель, подумайте, что во всѣхъ жильяхъ по дорогѣ у васъ вымѣняють ихъ на полновѣсныя писюли, не нюхая, пахнутъ ли они сѣрой, или чѣмъ другимъ.

Начальникъ. — Молчи, безбожникъ!

Философъ. — Да и по правдѣ скажешь, кривлянья преподобнаго не опшнмутъ запаха, ежели они пропахли имъ; пусть онъ продаситъ ихъ мнѣ хоть съ чертовщиной, лишь бы сходно, а впрочемъ я ни за чѣмъ не погуюсь; по моему мнѣнію. . . .

— «*Ace, Maria purissima!* сжался надъ богохульникомъ,» сказали коншрабандисшы, крестясь и дрожа отъ сипраха. Многие ревностные Каполики искали даже ножей своихъ.

Хишано, не понимая причины сего замедленія, повторилъ свой обычный сигналъ, и снова сверкнула огненная борода.

— «Сколько потерянного времени!» сказалъ Философъ, и пустился по воде, пока голосъ его могъ быть услышанъ съ таршаны. — «Господинъ окаленный, господинъ проклятый,» закричалъ онъ съ шушовскимъ видомъ, «развѣ вы забыли, что эти святоши не пронутся съ мѣсяца, пока преподобный своимъ присутствіемъ не успокоитъ совѣсти сихъ крошкныхъ агнецевъ?» и снова возвратился къ главному отряду, проклинавшему его.

Хишано ударилъ себя по лбу, и тихо свиснулъ. — «Послать монаха!» сказалъ онъ негру, который показался при входѣ въ люкъ. Черный исчезъ, и чрезъ минушу возвратился, дѣлая отрицательный знакъ головою. — «Ну,

такъ вшацишь его!» — Тогда негръ съ удивительнымъ проворствомъ поднялъ райну, укрѣшилъ на ней блокъ съ веревкой, сошелъ въ кубрикъ, и при минуты спустя видно было, какъ преподобный торжественно поднялся изъ середины опшверстія, ведущаго въ шрюмъ, какъ парилъ нѣкоторое время надъ шаршаной, и какъ укропя свой дерзкій полетъ, спустился подлѣ окалнаго, копорый обязашельно освободилъ его отъ пешлей и веревокъ, коими окруженъ былъ сей новый Икаръ.

Увидя вознесеніе Францисканца, контрабандисшы, ожидавшіе на берегу, преклонили колѣна, почипая шо за чудо; но Философъ много смѣялся надъ ихъ проспошою.

Новый Икаръ, спавъ на ноги, измѣрилъ Хишано самымъ надменнымъ и самымъ презришельнымъ взглядомъ, какимъ только могъ, подобно какъ

мученикъ спотыришь на своего папача.

Хитано. — Извините меня, Отецъ, что я помогъ вамъ взойти; но сѣи почтенныя контрабандисты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ исполненія вашей обязанности.

И онъ указалъ ему на группу, которая внимательно наблюдала, что происходило на борту судна.

Монахъ. — Сколько мнѣ полюбви Христіанской любви, дабы проводилъ цѣлыя дни съ опослѣштомъ, съ изуврогомъ подобнымъ тебѣ, и все это только для очищенія того, что швое мясное и сашаннское прикосновеніе оквержило, дабы Христіане могли пользоваться товарами, не спрѣшась Небеснаго тѣва.

Хитано. — Что жъ дѣлать, Отецъ! Вашъ настоятель мнѣ плашишь хорошо, и употребляетъ меня для пере-

возки запрещенныхъ издѣлій, коими заваленъ его монастырь; употребляютъ меня, ибо ему извѣстно, что никто лучше меня не знаетъ всѣхъ закоулковъ и выходовъ этого берега, и что если я за то взялся, онъ не подвергнется никакой отвѣтственности, ибо смертный приговоръ, съговорящій надо мною ... Но анаема, ваша правда, я анаема! я проклятъ. Это извѣстно; — и какъ самые Испанскіе контрабандисты сколько набожны, что не купятъ того, до чего допрогивался оплученный ошъ Церкви, то васъ посылаютъ благословлять этихъ богатыхъ пскани, эти блестящія стальныя вещи, усмоковатъ совѣсть покушателей и открывать путь къ продажѣ тюковъ вашего достойнаго наспорятеля.

Молахъ. — Презрѣнный! ... Нечестивецъ! ... Извергъ!

Хитано. — Впрочемъ вы довольно выгодно торгуете съ этими добрыми людьми, продавая имъ немного дороговато ваши благословенія и заклятія, кои, между нами, не дѣлаютъ ни шедкъ прочіе, ни спаль гибче.

Монахъ. — Сынъ сатаны! нечесливъ вещь окальный!

Хитано. — Но какъ вашъ милосердый Государь оспанавливаетъ дѣйствіе всякой промышленности, и запрещаетъ ввозъ всего, что не производится у васъ на фабрикахъ, по контрабанда сдѣлалась необходимою; монахи торгуютъ съ Гибралтаромъ, и Испанецъ плашитъ за вещь вдвое прошивъ того, за что онъ могъ бы ее имѣть у себя. Это я нахожу чрезвычайно забавнымъ.

Монахъ. — Гнусный ошеспутникъ! Я...

Хитано. — Довольно, монахъ, эти люди ждуть тебя; ступай ошпра-

взялъ свое ремесло, время уходишь и становишься поздно.

— «Проклятая собака! мое ремесло!... мое ремесло!»... ворчалъ Францисканецъ, сходя на берегъ посредствомъ сходни, сброшенной съ шарпаны, и по коей Хипано также съѣхалъ верхомъ на своей лошади, которую подняли изъ прюма такимъ же образомъ, какъ и монаха, за что сей послѣдній сильно разгнѣвался.

Между тѣмъ, какъ Хипано занимался выгрузкою своихъ товаровъ, честный опецъ подошелъ къ конспрабандистамъ. — «Миръ съ вами, брашя,» сказалъ онъ имъ.

Цѣлуя полы его рясы, они оповѣчали: Аминь!

Монахъ. — Вы видите, дѣши мои, сколь мнѣ дорого ваше спасеніе, и....

Философъ. — То есть, намъ оно дорого.... Но дай Богъ, чтобы сей ка-

пятиалъ , положенный здѣсь молитвами , принесть намъ прибыль въ будущей жизни !

— « Молчи ! беззаконникъ ! » вскричали они. Монахъ сдѣлалъ ужимку презрѣнія , и продолжалъ : — « Сколько ваше спасеніе мнѣ дорого ! . . . ибо я рѣшился проводить цѣлые дни съ этимъ чадомъ сатаны , дабы Богъ не прогнѣвался за ваши съ нимъ сношенія .

— « И дабы сбывались ваши собственные шюки поваровъ , » подхватилъ неутомимый Философъ .

— « Благословляемъ васъ , отецъ , » закричали прочіе контрабандиспы громкимъ голосомъ , дабы заглушить это наглое возраженіе .

Монахъ. — Дѣти мои ! ей , ей , я скорблю , подобно вамъ , что сей шаршаной начальствууетъ опсшупникъ ; но эшопъ опсшупникъ одинъ изъ людей , то есть , одинъ изъ окаянныхъ ,

которому хорошо извѣстенъ этотъ берегъ. Увы! увy! зачѣмъ не същешся на это Христіанина!

— «Послушайше, отецъ мой,» сказалъ морякъ, поспрадавшій ошъ разсѣянности Флореса, ш. е. человекъ, вытерпѣвшій кровопусканіе: «послушайше, Отецъ мой, благое-ли дѣло освободишь землю ошъ одного язычника?

— «За это можно обрѣсти царствіе Небесное, мой сынъ!

— «Спасибо, отецъ мой.» И онъ удалился.

Въ это время, Цыганъ, сошедшій съ своей лошади, споялъ, погруженный въ размышленія, между шѣмъ какъ его негры доканчивали выгрузку. Вѣрный Искаръ игралъ на берегу и купалъ въ водѣ свою длинную гриву, какъ вдругъ подскокнулъ и заржалъ, что заставило его господина поспѣшно выйти изъ задумчивости.

Въ ту минуту, ножъ моряка былъ занесенъ на грудь Хишана : сей послѣдній схватилъ убійцу за горло съ такимъ проворствомъ и съ такою силою, что шопъ не успѣлъ даже вскрикнуть. Ножъ выпалъ у него изъ рукъ; глаза закашились, и пальцы закоспѣли; мало по малу они выпрямились; руки вышлянулись вдоль по шѣлу; ноги ослабли, и онъ упалъ удушенный. Служивши его полагали, что тамъ перевернули шопъ.

— « На колѣна, дѣвши! » сказалъ Францисканецъ конспирабандиспамъ. Всѣ преклонили колѣна, кромѣ Философа, который смотрѣлъ на луну, насвистывая пѣсню : *Tragala*.

Тогда монахъ, съ кропильною кистію въ рукѣ, приблизился къ шюкамъ и обошелъ вокругъ ихъ, говоря: — « Изъиди, Сашана, изъиди! и да очистишь сіе знаменіе искупленія эши шовары

опъ оскверненія, напечатлѣннаго на нихъ ересью. Изъиди, Сатана, изъиди!

И онъ струями разливалъ свяшую воду на ящики.

«Онъ ихъ слишкомъ мочилъ, онъ ихъ перепортилъ,» сказалъ Философъ.

— «Молчать!» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— «Изъиди, Сатана,» сказалъ опять Францисканецъ. «Теперь, братія, вы можете прикоснуться къ сѣмъ вещамъ.»

Контрабандиспы окружили его съ торопливосіпію, и онъ вынулъ изъ-за пояса длинный листъ бумаги.

— «Въ эшихъ шести пюкахъ, дѣти мои, находится шелковыя Венеціанскія ткани, образчики коихъ вы можете видѣть при свѣтѣ сего фонаря. Посмотрите, какіе яркіе цвѣща! какъ плосна и мягка эша матерія! Мы полагаемъ за локопъ оной чешыре дублона, дѣти мои,

— « О ! мой отецъ !

— « Но она освящена и благословлена , дѣти !

— « Вопшь каково ! Это клеймо намъ спѣишь дороже , нежели клеймо Кадикской таможни , » вскричалъ прокляпый Философъ.

— « Замолчи , негодный ! » сказалъ монахъ.

— « Но , честный Отецъ , четыре дублона ! . . .

— « Крайняя цѣна , любезный сынъ . Спѣлько она спѣишь самому наспопелю . »

И споръ конечно бы завязался , если бы съ нагорной пропинки не сбѣжалъ человекъ въ величайшемъ смяшеніи : это былъ рыбакъ Пабло.

— « Ради Матери Божіей , спасайтесь , » закричалъ онъ , « спасайтесь ! Кожаные камзолы гонятся вслѣдъ за мною ; намъ измѣнцъ морякъ Пунпо .

Онъ опкрыль мѣсто выгрузки Алькаду Вехеру; онъ обѣщался убить Хитано; онъ обѣщался еще увеличить перевозку, которую произведеть между вами смерть его, опвязавъ причальные канаты паршаны, дабы дашь время таможеннымъ сыщикамъ вооружиться и пресѣчь вамъ всю возможность къ отступленію.

— «Смерть! смерть моряку Пунто!» и ножи засверкали.

— «Это еще не все, прибавилъ онъ, преспуленія и безбожіе прокляпаго падушъ на васъ; Свяшѣйшій Епископъ приказалъ васъ окружить и убивать, какъ волковъ Сіерры, за ваши сношенія съ отверженцемъ.

— «Свяшый наспырь обращаетъ своихъ агнцевъ въ волковъ? Какое чудо!» прибавилъ Философъ.

— «И шакъ, спасайтесь!... спасайтесь!... вамъ не будетъ никакой пощады.

— « Смерть измѣннику Пунто ! Смерть ! » и всѣ ножи искали его.

— « Дѣло ужъ кончено, » сказалъ Хитано, оттолкнувъ шрупъ ногою. « Укладывайте же проворитѣ ваши шовары, ибо погода поднимается, небо покрывается тучами; и если пенерь съверху заблещатъ карабины кожаныхъ камзоловъ, то вамъ придется лѣзть или въ огонь или въ воду, друзья мои !

Потомъ онъ свиснулъ протяжно, и всѣ негры, вспунивъ на шаршайу, сляли сходню и потянулись бичевою вдоль ушесовъ, составившихъ собою противный берегъ протока. Проклятый оспался на берегу, верхомъ на своемъ вѣрномъ Искарѣ.

— « Я всегда говорилъ пастолтелю, » кричалъ Францисканецъ, « предупредите Святѣйшаго Епископа о томъ, что окаянный находится у васъ на службѣ, и гоненія въ слѣдствіе того на-

чнутся другими путями. Нѣшъ
онъ хопѣлъ опъ него это скрышь,
и вошъ чшо выходитъ!»

И обратясь къ Хишано съ безпокой-
сшвомъ :

— « Но за чѣмъ же ты велья оп-
плыть пивоему судну? развѣ мы вилавь
до него достигнемъ ?

— « Къ чему теперь это судно,
чешной опецъ? Я не могу пройти, какъ
волна, посреди сихъ подводныхъ скалъ.

— « Но по крайней мѣрѣ, мы на
немъ были бы въ безопасности, въ
случаѣ, если сыщики сошли бы по
эшой дорогѣ, дабы захватить насъ;
и клянусь Господомъ! они не могли бы
приблизиться къ шарпанѣ чрезъ сіи
буруны и скалы. Прикажи же опу-
стишь сходню на берегъ. »

Хишано, улыбаясь, сдѣлалъ отрица-
тельную ужимку, кошорая ужаснула
монаха.

Контрабандисты не принимали участія въ сей размолвкѣ; они торопились изъ всѣхъ силъ упаковывать товары, надѣясь получить ихъ гораздо дешевле по причинѣ сего происшествія. Философъ особенно нагружалъ, нагружалъ свою лошадь, такъ, что несчастное животное сгибалось уже подъ тяжестью ноши, однако Философъ все еще громоздилъ одинъ шюкъ на другой, говоря тихо:

— « Лишь бы мнѣ попасть только на Вахерскую дорогу, а тамъ проси у Бога крыльевъ Серафима, чшобъ догнашь меня, монахъ. » И его лошадь подымала на себѣ, по крайней мѣрѣ, шрепъ груза всей таршаны.

— « Ага! понимаю, » сказалъ Францисканецъ, крайне испугавшись знака головою, сдѣланнаго Хишаномъ « понимаю; господинъ Капишанъ осшаещя съ нами, пошому что ему извѣ-

спень пошаненный выхоть, посред-
спвомъ коего мы можемъ выбрашься
изъ эпого ущелья, не поднималсь по
сей проиъ высокою равной лѣспеницѣ
Іакова. Господинъ Каишанъ сто разъ
мнѣ это твердилъ, я теперь вспомнилъ.»

Когда онъ договаривалъ сіи слова,
зубы его стучали; онъ былъ блѣденъ
какъ струнъ, и между шѣмъ оскла-
блялся, глядя на отверженца съ са-
мымъ покорнымъ и почпишельнымъ
видомъ.

Физиогномія Хишана приняла выра-
женіе весьма двусмысленное, какъ при
блескъ ружейнаго огня, открывшагося
съ вершины горы, показалаь берего-
вая спража, которая выпягивалась и
занимала позицію Вся надежда къ он-
ступленію была потеряна съ сей спо-
роны.

— «Пресвятая Дѣва! спасите насъ,
господинъ Каишанъ,» сказалъ монахъ;

« гдѣ выходъ ! Господи Боже мой ! укажише намъ выходъ !

— « Выходъ ! » повшорили коншрабандисты съ ужасомъ , не понимая , въ чемъ сосполяю дѣлю .

— « Какой выходъ ? » спросилъ Хишано , « вы бредите , отецъ , и чуть ли не дурной сонъ вы видите , ибо кожаные камзолы начинаютъ спускаться , и пули свиспятъ . Слышите ? . . .

— « Но , Боже мой ! вы мнѣ сказали , что посреди сихъ скалъ есшь пошайной ходъ , ведущій на берегъ ; ходъ , которымъ мы могли бы выйти изъ этого шѣснаго ущелья , наспигаемаго уже моремъ , и оповсюду окруженнаго ущесами ! . . . Пресвятая Дѣва ! повсюду неприступные ущесы ! » вскричалъ въ опчаянн монахъ , озираясь надъ своею головою .

— « Повсюду неприступные ущесы ! » повшорилъ Хишано .

— « Пупка , преподобный , сотвори чудо , теперь оно кшапи , » сказалъ Философъ , смонря съ прискорбіемъ на свою богато нагруженную лошадь .

Нѣсколько выспрѣловъ снова послышалось на вершинѣ горы ; но пули не долетѣли , ибо паможенныя , по причинѣ множесшва извороповъ пропинки , подвигаясь впередъ медленно , находились еще въ большемъ отдаленіи . Луна сіяла посреди чистаго неба , и ея тихій блескъ освѣщаль сію любопытную картину со всеми ея подробностями .

— « Какъ я люблю прекрасную лѣтнюю ночь ! » сказалъ Хитано ; « цвѣты развертываются , чшобы впивались въ себя свѣжесшъ воздуха , и запахъ ошъ нихъ становится оцущительнѣе . Послушайте , братцы , чувствуете ли вы пріятное благоуханіе алоеовъ и золотолиспниковъ ? »

Новая ружейная пальба прервала эшотъ неумѣспный монологъ ; но на сей разъ одинъ контрабандистъ ужалъ.

— « Радн Хрнста! шы долженъ насъ спасти. Именемъ Бога , я шебъ эшо приказываю ! » кричалъ монахъ Хишану , указывая ему на небо.

Сге движеніе было величественно , но не произвело никакого дѣйствія , ибо Хишано ошвѣчалъ , смѣясь — « Именемъ Бога , да , Бога ! ... полно-те , честный Отець ! Перестаньте шумншь. Минута важная ! важная ! ... Посмотрите лучше на сего Хрнспіаннна , кошорый бьспся и испекаетъ своею кровію. »

Къ ужасному смѣху окалнаго присоединился ревъ моря , кошорое поднималось , поднималось , и съ каждою минутой наводняло и спѣсняло узкое пространство , на коемъ толпилось эшо малое число людей.

Испанцы съ препетомъ крестились. Одинъ изъ нихъ зарядилъ свой шпугеръ и направилъ оный на Хипано. Монахъ подоспѣлъ въ пору. — «Несчастный! онъ одинъ только можешь насъ спасти; онъ одинъ знаешь этотъ выходъ!»

Видя сію враждебную выходку, Хипано спустился въ море по грудь своей лошади. — «Вотъ уже таможенные сходятъ съ послѣднихъ уступовъ, дѣтя мои, и вы видите, что теперь пули достигаютьъ,» кричалъ проклятый, указывая на смертельно раненаго контрабандиста.

Тогда Испанцы бросились къ ногамъ монаха: — «Опечь, молись за насъ!»

И монахъ, и они упали ницъ, восклицая:

— «Санъ Жуанъ, Санъ Жуанъ! моли Бога о насъ!»

И они ударили себя въ грудь, между

тѣмъ, какъ при блескѣ ружейнаго огня, видѣнь былъ на конѣ Хипано, возвышавшійся надъ ними всею своимъ ростомъ; и сей странный образъ, коего ночь, казалось, удвоивала измѣренія, рисовался черными чертами съ яркимъ отраженіемъ огненнаго цвѣта, на брызгахъ пѣны ослѣпительной бѣлизны.

Многіе выстрѣлы опять раздались; другой контрабандистъ упалъ, и слышны были командныя слова офицеровъ шаможенной стражи.

Спрахъ монаха достигъ высшей степени; онъ доползъ до самаго края моря, и шамъ, стоя колѣнами въ водѣ, кричалъ Хипану съ выраженіемъ глубочайшаго ужаса: — «Спаси меня! спаси меня!!!»

И монахъ плакалъ!

— «Ради души своего отца, спаси насъ! Мы дадимъ тебѣ золота, золо-

шомъ мы засыплемъ швою шарпану!»
вопили конспрабаццисшы.

И они умоляли его со сложенными
руками, между шѣмъ, какъ прое изъ
нихъ коспенѣли въ смершельномъ су-
дорожномъ помленіи.

— «Боже мой! Боже мой!» лепешалъ Францисканецъ. И онъ ломалъ
себѣ руки, и мешался по окровавлен-
ному ушесу.

— «Богъ не внемлетъ,» сказалъ Хи-
шано; «призывай Сатану.» И онъ смѣ-
ялся!

— «Прочь, прочь, Богохульникъ!»
ощвѣчалъ монахъ, вспавая съ ужасомъ.

Но море шакъ поднялось, чшо вол-
ны начали разбиваться у ногъ и по-
крываши ихъ пѣною.

— «Призывайте Сатану, и я спасу
васъ. Позади сихъ ушесовъ естъ шай-
ный выходъ, заслоненный подвижнымъ
камнемъ: вы можете въ ономъ бышь

безопасны отъ береговой стражи. Есть еще время; ибо крутость берега скрываетъ васъ отъ ея взоровъ, » продолжалъ Хитано, кощораго подняло возвышеніемъ воды вмѣстѣ съ лоцманью.

И контрабандисты вопрошали каждый упріе съ опечаленіемъ; и монахъ съ неподвижными глазами, съ померпвѣлымъ лицемъ, подумавъ о предложеніи проклятаго, снова едва-едва движеніе ужаса... Попомъ однако онъ, казалось, колебался.

И не мудро; ибо въ сію минуту, хотя не видно было таможенныхъ, но слышно было бряцаніе ихъ оружія и щелканье взводимыхъ ими курковъ.

— « И такъ », сказалъ испуганный Францискавецъ, « и такъ, Сапана, спаси насъ! ибо ты не иной кто, какъ самъ Сапана; ты не можешь быть инымъ. »

— «Да, Сапана, спаси насъ!» закричали Испанцы съ выраженіемъ неизъяснимаго ужаса.

И задыхающіеся, съ устремленными и сверкающими очами, они ожидали.....

Хипано пожалъ плечами, повернулъ свою лошадь къ шартанъ, и посреди града пуль достигъ оной вплавь, называя сей шарый Мавританскій Романсъ изъ *Гафиза* :

— «О! позволь, предестпная дѣва, обвинить мою шею твоими руками, и проч. и проч.»

.....
.....

Конспрабандисты оцѣпѣли.

— «Бей! ради Св. Іакова, бей! стрѣлай по лошади и по бѣлому перу! эшо самъ разбойникъ!» кричалъ офицеръ, котораго явственнo можно было различить; ибо его опрядъ, остановясь на предпоследнемъ уступѣ и свернув-

шись въ густую толпу, производилъ непрерывный и сильный огонь по оспальнымъ контрабандистамъ.

Поэтому тѣмъ, кои были живы изъ сихъ безнадежныхъ купцевъ, оставалось только, какъ сказалъ Хишано, выбирать огонь или воду.

— «Бей! бей этихъ нечесливцевъ!» повторялъ офицеръ для поощренія своего отряда; «Святѣйшій Епископъ обѣщалъ намъ индульгенціи на сей постъ, и какъ апаманъ ушелъ отъ насъ, то испребуемъ остатокъ его шайки. Спрѣляй!...

— «Но, капитанъ, я вижу монаха....

— «Наглое, безбожное переодѣванье! бей соостапа!

— «Ради Санъ-Педро! бей же. Вошь тебѣ, честный Отецъ!»

Францисканецъ получилъ ударъ въ грудь, и упалъ на колѣна. Наконецъ оставалось только двое, онъ и Фило-

софъ, также раненый. Изъ прочихъ, одни были перебиты, другіе, желая добраться до тартапы, пошонули посреди подводныхъ камней или увлечены были бурюнами, кои спановились ужасными.

— «Дѣши мой!» кричалъ посприженникъ, «я монахъ изъ Сагъ-Жуана, посланный моимъ Настоятелемъ; помилуйше; ради Христа, помилуйше!»

И онъ цѣплялся за острые края утеса.

— «Это значитъ,» бормоталъ Философъ, получивъ другую и смертельную рану, «что если бъ я могъ во что нибудь вѣрить, то не вѣрилъ бы... и... я...»

Руки его разялись. Онъ выпустилъ край гранита, за который держался съ усиленіемъ, глаза его закапались, и онъ исчезъ.

— «Пощадите! пощадите! Боже

мой! я уповаю!» вопилъ монахъ, бѣясь подъ волною.

Онъ грызъ скалу.

— «Какъ!» сказалъ офицеръ, «безбожникъ живъ еще! бей его, ради Св. Іакова!»

Три карабина выстрѣлили разомъ; синяя ряса монаха всплыла на минуту, и не спало ничего, ничего ни лошадей, ни людей, ни Францисканца! ничего, кромѣ пѣнящихся волнъ, завладѣвшихъ уже первымъ усшупомъ пропинки, и начинавшихъ съ сильнымъ шумомъ разбиваться о вшорой.

Хицано одинъ спасся. — «Клянусь Христомъ! его шарпана разобьется о подводные рифы» кричалъ офицеръ. «Богъ правосуденъ; и какъ онъ выплываеиъ изъ пропока прошивъ печенія, то его гибель неизбѣжна.»

Но окаинный неуспрашимо лавиро-

валъ въ семь узкомъ проливѣ, хотя
проспѣ валовъ долженствовала бы сдѣ-
лать оный непроходимымъ.

ГЛАВА VI.

М О Н А Х И Н Я.

(L A M O N J A.)

Ah! ce cœur dans la tombe est descendu vivant;
Et les austérités de ce sombre couvent
D'un regret criminel ne m'ont point préservée;
En vain de pleurs amers je me suis abreuvée.

Delphine Gay, *Madame de Lavalère.*

Когда бы я была монахиней, и мне предославили бы избрать монастырь, я конечно избрала бы монастырь Санта-Магдалины, эту почтенную обитель, печальную и мрачную, стоящую на берегу моря, въ семи миляхъ отъ Гарифы. Къ сѣверу, Океанъ омываетъ ея

спѣны; къ югу непроходимыя озера, къ западу неприступныя ушесы; но къ востоку О, къ востоку, прекрасный зеленѣющій лугъ, орошаемый маленькимъ ручейкомъ, который, образуя тысячу изворотовъ, блеститъ на солнцѣ, какъ длинная серебряная лента; не говорю уже о фїялкахъ и ломоносахъ, благоухающихъ на его берегахъ; не говорю о длинно-лиственныхъ пальмахъ и миндаляныхъ деревьяхъ, его осѣняющихъ. И попомъ посреди равнины, прелестная деревенька Пельеша, съ ея высокою колокольнею, тонкою и стройною, съ ея бѣлыми домами и куспами померанцевъ и ясмьновъ. И наконецъ, на горизонтѣ, мрачныя горы Медины съ покатою, покрытою пшисами и оливковыми деревьями

Повторяю: когда бѣ я былъ монахиней, я не избралъ бы инаго мона-

спыря, кромѣ монастыря Санта-Магдалины.

А въ праздники! когда поселяне собираются плясать почти подъ стѣнами онаго! Признайтесь, что для бѣдной опшельницы большое удовольствіе слышать упоительный звукъ каспаньетовъ, кои урчатъ въ проворныхъ пальцахъ Андалузянъ, ... видѣть медленные, покойныя движенія *болеро*, (*) *махо* (**) преслѣдующаго свою милую, которая бѣжитъ отъ него, уклоняется попомъ приближается и бросаетъ ему конецъ своего шарфа, который онъ цѣлуетъ съ восторгомъ, и коимъ окружаетъ одну свою руку, между тѣмъ какъ въ другой звучитъ каспаньетами изъ слоновой кости!

Вершите, вершите ваши каспаньеты, юноши, ибо *кагуа* заступаетъ

(*) Испанская пляска.

(**) Деревенской щеголь.

мѣсто болеро. *Кагуца!* Вотъ истинная Андалузская пляска! шумная, одушевленная, рѣзвая и сладострастная! Сступайте... ступайте... обхватите пламенной рукою станъ вашей возлюбленной и увлекайте ее, быструю и распаленную, подъ гулъ звонкаго инструмента. Сступайте, ... грудь ея волнуется, глаза сверкаютъ, вѣсперъ развѣваетъ густые черные ея волосы и обрываетъ лисья съ ея цвѣточною гирлянды; пошомъ шепните ей на ухо: — « Душа моя, ... какъ бы мнѣ было пріятно подышать въ нынѣшній вечеръ, подлѣ шебя, запахомъ миндальнаго цвѣта... » И она успремилась живѣе, и ея рука прижметъ васъ споль крѣпко, чпо вы почувствуете бiеніе сердца подъ ея манпиліей.

Иди, не бойся ничего, добрая дочь, швоя мать ничего не слыхала, и сего вечера послѣ молишвы, когда швой

престарѣлый дѣвъ поцѣлуетъ тебѣ въ чело, робкая, безпокойная, ты своими ножками слегка прищопчешь дергъ, ошпановишься двадцать разъ, едва переводя духъ. Наконецъ сядешь, трепещущая, при подошвѣ сего прекраснаго, цвѣтущаго миндалянаго дерева, коего лоснистые листья будутъ отражать тихое сіяніе луны... Тамъ, внезапно двѣ мужеспивенныя руки обнимутъ шебя. Ахъ! Пресвятая! какая смѣлость! Ошважная дѣва, ты не испугаешься!

Но звукъ кашаньеповъ слабѣетъ, солнце закапывается, рѣзвая *качуга* кончилась, юныя дѣвы возвращаются въ деревню, и смѣются и поютъ, закладывая за уши длинныя локоны своихъ влажныхъ волосъ.

Теперь не скажете ли вы, подобно мнѣ, что монастырь Санша-Магдалины есть почтенный монастырь; ибо

наконецъ, вообразите себѣ бѣдную молодую дѣвушку, заключенную шамъ съ ея восемнадцатью годами, съ ея черными очами и Испанскимъ сердцемъ, біющимъ подъ нарамникомъ.

Сперва, въ заутреню, долгая молитва въ мрачной и холодной церкви; шамъ обѣдня, шамъ вечерня и пошомъ — всего не перечтешь! Для развлечения, два часа прогулки въ саду древняго монастыря. Вамъ извѣстенъ монастырскій садъ? огромные, черные и молчаливые дубы, изрѣдка дернъ, обведенный рамою буксовыхъ кустовъ, и полуденное солнце: вошь и все.

За то, признайшесь, когда въ праздничный день удастся уйши украдкою на минуту изъ церкви въ свою келью, сердце трепещетъ довольствомъ и радостію!

Входишь, тщательно запираешь за собою дверь, и находишься дома. Дома!

понимаете ли вы это слово? четыре голыя стѣны, но онѣ бѣлы; Распятіе чернаго дерева надъ маленькимъ орѣховымъ столикомъ, но онѣ усыпанъ цвѣтами; рѣшетчатое окно, но оно обращено на зеленый лугъ; узкая и жесткая постеля, но на ней мечтаешь. По истинѣ, со всѣми этими богатствами и вашими воспоминаніями о молодой дѣвѣ, позавидуете ли вы учаши первой камера - майоръ Королевы Испанской?

Но вотъ, между пѣмъ, юная дѣва тамъ одинока; Распятіе, столикъ, окно, постель, пріятное и легкое благоуханіе, все тамъ есть, но она не смотритъ ни на лугъ, ни на пляски, ни на солнце, пылающее на закатѣ.

Ея лице закрыто руками, и слезы льются на нѣжные пальцы.

Она приподымаетъ голову: это Мон-

ха, которая присушествовала на правѣ воловъ.

Она не блестящъ болѣе апласомъ и драгоценными каменьями, какъ въ день разлуки своей со свѣшомъ. О! нѣтъ; въ широкомъ шерстяномъ плащѣ погребенъ ея прекрасный станъ, какъ въ саванѣ; ея длинные, черные волосы обрѣзаны и скрыты подъ холстинной повязкой, обрисовывающей округлость бѣлаго, стыдливаго чела, и упадающей по обѣ стороны ея ланищъ. Но какъ она блѣдна, Творецъ милосердый! Ея голубыя глаза, столь прелестныя, сподъ шихіе, окружены легкою синевою, гдѣ лазурныя жилки браздятъ эту нѣжную алую кожицу.

— « Боже, помилуй! помилуй!» сказала она, и пала на колѣна на камни.

Спустя не много, она вспала съ пылающими ланищами и сверкающими очами.

— « Прочь . . . прочь . . . опасное воспоминание ! » вскричала она, устремясь къ окну. « О ! какъ душно , какъ душно , я горю ! О ! я хочу видѣть солнце , деревья , горы , эпошь праздникъ , эпи пляски . Да , я хочу видѣть эпошь праздникъ , бышь совершенно погруженною въ сіе шумное зрѣлище . Счастливые ! . . . Конечно они счастливы ! Браво ! молодая дѣвушка ; какая легкость ! какая пріятность ! какъ я люблю цвѣшь твоего баскина и шурки твоей головной сѣтки ! Какъ я люблю эпошь голубой цвѣпокъ въ шволъ бѣлокурыхъ волосахъ ! Но ты приближаешься къ швоему плясуну . . . Онъ прекрасенъ , его взоры устремляются на твоя съ любовью . Онъ также имѣлъ пріятный взглядъ , но . . . »

Она опустила свою голову на руки и умолкла , сердце ея горьково было разорвать грудь сильнымъ своимъ біені-

емъ ; попомъ , какъ бы желая освобо-
дисься отъ тяжкаго воспоминавнн ,
приняла прежнее положенн и съ жн-
востню проговорила :

— « Какъ лучезарно и свѣтло захо-
дитъ солнце ! Боже ! какое прекрасное
пурпуровое облако съ золотымъ от-
блескомъ ! какъ страненъ и измѣнчивъ
видъ его ! Сей часъ была красивая Ма-
вританская башня со множествомъ зуб-
цевъ , шпелеръ это почти огненный
шаръ ; но его округлости оплшь раз-
биваются , онъ обозначаются гораздо
яснѣе . Санта-Кармень ! точно человѣ-
ческнй образъ . Да , . . . это широкое че-
ло . . . и . . . сн уста . . . О ! нѣтъ . . .
если Боже онъ съ нмн схо-
денъ ! »

И тяжело дыша , она стояла на ко-
лѣнахъ со сложенными руками , въ нѣ-
которомъ родѣ изступленн , передъ
симъ фантастическимъ видѣннемъ , ко-

порое покрѣлось паромъ , мало по малу развѣялось , и совершенно исчезло.

Когда передъ ея глазами остался одинъ только воспламененный горизонтъ , она вспала въ жестокомъ волненіи , и бросилась спешая на постель.

— «Онъ . . . все онъ же . . . онъ повсюду!» воскликнула она съ видомъ опчаянія. «Ужась! Когда я припадаю къ своему святому лику , о Іисусе ! Твои Божественныя черты изглаживаются . . . и я его только вижу ! сего богошворю!

« Когда безмолвная и смущенная , я говорюсь слушаешь со вниманіемъ чтеніе Священнаго Писанія нашей Игуменьи , что же ! ея голосъ , кажешся , слабѣетъ и пропадаетъ , и я его только слышу ; нбо сладостные звуки его рѣчей всегда ошзываются въ моемъ сердцѣ !

« Ужась ! наконецъ , когда я съ раскаяніемъ влекусь передъ судилище Бо-

жіе, тамъ, опяшь *онъ* ибо любовь есть единственное преступленіе, въ коемъ я могу себя обвиняшь.» И она начала плакать.

— «Преступленіе! развѣ это преступленіе? О, моя мапушка! если бѣ ты не умерла, ты находилась бы тутъ; моя голова покоилась бы на твоихъ колѣнахъ. Ты . . . твоя рука разбирала бы еще длинныя, волнистыя мои волосы; и ты научила бы меня, преступленіе ли это, ибо я тебѣ во всемъ бы призналась

«Видишь ли, мапушка, меня увѣрили, что я должна бышь счастлива въ монашырѣ, но что для этого мнѣ надобно покинуть свѣтъ; я сказала: да, ибо тогда еще не знала, что нѣкогда свѣтъ . . . будетъ *онъ*. Потомъ меня нарядили, убрали какъ свящую, и повели на праздникъ, на коемъ вошь убилъ двухъ Христіанъ; мнѣ такъ сказали,

ибо я во все продолженіе сего ужаснаго зрѣлища скрывалась на груди Игуменьи.

« Но вдругъ, раздася крикъ удивленія, и я приподняла голову: то былъ... то былъ онъ, да, онъ устремилъ на меня взглядъ... который убѣсплъ меня, и сказалъ мнѣ первой разъ: *Для васъ, Сеньора, и въ честь вашихъ голубыхъ глазъ, прекрасныхъ, какъ лазурь небесъ.* Потомъ, онъ успремился быспрѣе, .. и я содрогнулась пропивъ воли.

« Въ другой разъ, такимъ же голосомъ, съ такимъ же взглядомъ, онъ сказалъ мнѣ, улыбаясь и привѣпстввуя меня правою рукою: *Оплть для васъ, Сеньора, и въ честь вашихъ алыхъ устъ, пурпурныхъ какъ коралль Первана.*

« И, неустрашимо, онъ ожидалъ чудовища, рога коего были обагрены человѣческой кровію, и поразилъ его у ногъ моихъ

«Трепептъ объялъ меня, я проспир-
ла впередъ руки, споль я боялась за
него; ибо, мнѣ казалось, если бѣ онъ
былъ рапень, то я умерла бы опъ его
раны. Тогда онъ взялъ мою руку, о!
совсѣмъ пропивъ моего желанія, до-
брая мапушка, . . . и поцѣловалъ ее
шущь, да, шущь. . . Видишь, мои гу-
бы зарумянили эшо мѣсно.»

И упомянутыя ся вѣжди сомкнулись.
Она оперлась на изголовье, и продол-
жала тихимъ и прерывистымъ голо-
сомъ :

— «И можетъ бышь, ты мнѣ ска-
зала бы, мапушка: И такъ, ты его
очень любишь, моя Розиппа! Хорошо,
вы будеше обручены, и Богъ благосло-
витъ васъ. — О! да . . . обручены. . .
Вопъ мой обрученный, какъ онъ пре-
красень! . . . Цвѣты, повсюду цвѣ-
пы. . . Вопъ мой подруги въ длинныхъ
бѣлыхъ покрывалахъ, торжественный

звукъ органа . . и толпа , повпоряю-
щая подобно мнѣ : Какъ прекрасенъ ея
женить! — Ахъ ! вотъ престарѣлый
свщеникъ ; его рука препенетъ , со-
единяя насъ : онъ мой ! . . Это мой су-
пругъ ! Это мой супругъ ! . . . О ! ма-
пушка , останься . . . Ты меня оспа-
вляешь ? — Твой супругъ съ побюю ,
мой Ангель ! Матушка ! добрая ма-
пушка ! . . . »

Счастливая дѣвушка ! она спала . —
Не правда ли , я повпоряю , что мо-
настырь Санта-Магдалины , есть по-
чтенный монастырь ?

ГЛАВА VII.

Л Е В А Н Т Ъ.

.... La muerte !!

Смерть !!

Донъ-Кихотъ.

Левантъ естѣ воспочный вѣшеръ ;
при его дуновеніи неустрашимѣйшіе
моряки блѣднѣютъ. Онъ не изъ шѣхъ
невинныхъ вѣперковъ , кои воздыма-
ютъ волны, подобныя горамъ; нѣшъ,
море тогда поднимается не высоко ,
ибо сила Леванта шакова , что она
разбиваетъ валы , разсшиаетъ ихъ

могуществомъ давленія , какое произ-
водитъ сполтъ воздуха на поверхность
воды.

Но при всемъ томъ необходимо ,
чтобы кормчій бодрствовалъ на ру-
ль ; Пресвятая Дѣва ! чтобы онъ не-
усыпно бодрствовалъ , ежели не хочешь
видѣть свой корабль исчезнувшимъ въ
вихрь шквала !

Въ это время солнце блеститъ , не-
бо неподобное , свѣтло - голубое , съ
красивыми облаками ярко - розоваго
цвѣта , составляющими прелестный
видъ.

Суда большого груза , какъ то : ко-
рабли , фрегаты и корветты , мане-
врируя со всевозможнымъ благоразу-
миемъ , должны , однако , опасаться по-
рывовъ сего вѣтра ; но галиоты , шар-
паны , шлюпы , почти неизбежно дол-
жны погибнуть , по причинѣ ихъ ве-
ликой склонности къ погруженію , по

коей справедливо названы сіи суда *кырками*.

Если опасность велика днемъ, ночью она становится чрезвычайною, особливо во время лавировки у береговъ, кои, не будучи удобопроходимыми, окружены быстринами въ чешыре и въ пять узловъ скорости.

И такъ, была ночь, и леваншъ, свирѣпствовавшій у береговъ Вельды, усѣянныхъ скалами былъ нѣсколько сильнѣе достопамятнаго вѣтра въ 97, который потопилъ множество судовъ, сплывшихъ на Кадикскомъ рейдѣ; извѣстно, все тогда погибло: и люди и добро.

Словомъ, то былъ одинъ изъ тѣхъ мощныхъ вѣтровъ, во время коихъ матросы робѣютъ и вѣруютъ въ Бога.

Звѣзды сверкали, и волны, спалкиваясь, издавали столько фосфорическаго блеску, что сія обширная, шем-

ная равнина, была почти освѣщена тысячами снеговыхъ искръ, и за исключеніемъ леванта, ревѣвшаго пуше грома, по испинѣ, шо было великолѣпное зрѣлище.

Два шлюпа береговой спражи, преслѣдовавшіе *тартану-двойтану* Хипана, крушились на сей зліющей пучинѣ.

Они спустиши ихъ марсели, спаксели, грошъ, и бѣжали фордевиндѣ на нижнемъ фокъ - парусѣ; укрѣпиши румпеля, и шестидесящъ шри чловѣка, соспавлявшіе оба экипажа, были крѣпко заняты въ орлонѣ своимъ разчетомъ съ совѣщью. Такъ какъ не находилось между ними священника, шо они исповѣдовались другъ другу.

Исповѣданіе само по себѣ вещь удивительная; на берегу, напримѣръ, въ дерсвенской церкви, коей окончиши пропускаютъ веселый лучъ солнца, когда вы ошправляеши въ доугій, дол-

гій походъ, и когда ваша преспарѣлая бабушка, поставивъ за васъ свѣчу Богородицѣ, спойтъ шамъ на колѣнахъ, вся въ слезахъ: о! да, тогда, благопворно исповѣданіе на ухо добродѣшльному и умному сѣдовласому священнику, кошорый, выходя изъ исповѣдной и опираясь шрепещущею рукою на вашу, говоришь вамъ: Сынь мой, навѣспимъ мою паспву, кошорая пляшешъ шамъ, шамъ на берегу ручейка, и мимоходомъ занесемъ бушьлку моего добраго вина спарому, бѣдному Жанъ-Луи.

Исповѣданіе такоого рода, да, я понимаю: но на морѣ, посреди бури, когда только силою руки можно избѣгнуть очевидной смерти, когда валы спадкнвающся и разбивающся съ яростію на корабль; когда каждую минушу вы видите изчезнувшимъ что нибудь изъ вашего шакелажа; когда

мачты гнуся и прещапъ; когда волна бьешся и реветъ на палубъ, развертываешся, бьжипъ и увлекаешъ людей, рен, бошы... О! по моему мнѣнiю, исповѣданiе тогда дѣло почти неумѣстное.

Сказано, румпеля были привязаны на двухъ шлюпахъ, плывшихъ по одному направленiю, и никого, никого не оставалось на палубѣ судовъ, кои шли рѣшительно по волѣ Божіей; но въ тактикѣ, какъ видно, это плохая выходка: нбо шлюпъ *Рака Св. Иосифа*, по причинѣ угла, который составился между его рулемъ и килемъ, уклонившись болѣе нежели его спутникъ: *Благословеніе Седьми Скорбей Богородицы*, набѣжалъ прямо на сей послѣдній, ударилъ его въ корму; и какъ задняя часть судна слабѣе, нежели передняя, то бушпритъ *Раки Св. Иосифа* пробилъ гакабортъ *Благословенiя Седьми*

Скорбей Богородицы, и устремившаяся въ отверстіе вода потопила сей шлюпъ съ его шестидесятью исповѣдниками.

Но шлюпъ не вдругъ пошелъ на дно.

Рака Св. Іосифа почувствовала оупъ непомѣрнаго сопрясенія, имъ испытаннаго, что произошло нѣчто необыкновенное внѣ онаго, и потому былъ посланъ штурманскій ученикъ, который готовился исповѣдываться въ своемъ шестидесяти шрешемъ грѣхѣ, посмотришь, что случилось. Онъ тотчасъ вскарабкался на палубу, увидѣлъ бушпритъ и гальюнъ совершенно почти разбишыми и въ разстояніи ружейнаго выстрѣла, другой шлюпъ, ко-его корма погружена была въ воду, а передняя часть онаго возвышалась еще надъ волнами. На эту переднюю часть сбѣжалось все, что оставалось изъ экипажа.

Капитанъ утопавшаго судна сложилъ свои руки у рта на подобіе воронки, и съ помощію сей на скоро изобрѣтенной говорной трубы, кричалъ что-то съ большимъ жаромъ штурманскому ученику, который сдѣлалъ также изъ своей руки родъ слуховаго рога.

Но къ несчастію, *Благословеніе Седьми Скорбей Богородицы* сползъ подъ вѣтромъ, и штурманскій ученикъ не слышалъ ни слова; но такъ какъ ему приказано было *посмотрѣть*, что случилось, то онъ и угнѣздяся на сшемъ (*) и смотрѣлъ.

Нѣкоторые изъ утопающихъ бросились въ море, но, раковинной Св. Цептра! макрель не могла бы поворопнись по вѣпру, а имъ надлежало пльиць пропивъ вѣпра, волнь и быспринны,

(*) Рѣшетчатый мостъ на галюшѣ.

дабы достигнуть шлюпа, который впрочемъ находился весьма близко.

— Невозможно. — Они упонули, неосторожные, бывъ ослѣплены отбосмъ валовъ, кои, хлесая по лицамъ, оставляли на нихъ кровавые слѣды.

Шпурманскій ученикъ все это видѣлъ при свѣтѣ своего фанаря, спараясь ничего не пропусшишь, ни судорогъ, ни скрежета зубовъ, дабы донесеніе его было подробно; но онъ за нихъ молился Богу; бѣдное, доброе дитя!

Вскорѣ передняя часть шлюпа погрузилась болѣе, и шѣ, кои пережили сіе бѣдствіе, взобразись на фокъ-мачшѣ, которая одна возвышалась надъ моремъ, и любопытно было видѣшь эту мачшу, на коей человѣческія головы висѣли, да просятъ мнѣ сравненіе, какъ вишни на шѣхъ легкихъ прутьяхъ, кои столько нравящся дѣтямъ.

Сей спержень, обремененный людьми, не оспался и десяти минушь надъ водою; онъ попонулъ; но въ продолженіи десяти минушь, пока онъ погружался... какая произошла драма.

Тогда оспавалось только двое на мачпъ, два брата, кажешся, люди набожные и благомыслящіе; но любовь къ жизни взяла верхъ надъ бралшнею; ибо будучи дѣтьми, о! они очень любили другъ друга! Прекраснѣйшій изъ плодовъ былъ шопъ, который они раздѣляли между собою, и въ одной сдѣланной шалости, ихъ мать всегда находила двухъ виновныхъ. Позже, они богошворили одну женщину; они убили ее, дабы она не принадлежала ни кому изъ нихъ. — Они были Испанцы, извините ихъ — За это ихъ сослали на пашъ дѣпъ на галеры; старшій бѣжалъ; но не успѣвъ никакими способами освободить своего брата, снова

простеръ свои руки къ цѣпямъ и спину къ палкамъ, не желая покинуть своего возлюбленнаго брата.

Словомъ, то были два добрые и вѣрные поварища; но что же дѣлать? когда смерть передъ глазами, тогда позволительно быть немного эгоистомъ.

Мачта возвышалась еще на шесть фушовъ надъ водою, и тому, который занималъ ея вершину, эта высота казалась равною высотѣ самыхъ величайшихъ горъ; ибо въ сія рѣшительныя минуты, мгновеніе существованія, есть годъ, ... вершокъ земли — мня.

Старшій братъ, имѣвшій однако мѣсто внизу, почувствовавъ свѣжесть моря, которое шѣснило его, какъ въ ободахъ холоднаго желѣза, сдѣлалъ жестокое усиліе, и уцѣпился за коѣна младшаго.

Сей послѣдній, обхватившій мачту со всею силою судорожнаго томленія, покусился опереть свою ногу на грудь брата, дабы ушопить его... Отчаяніе! невозможно. Онъ, сжималъ ему колѣна, какъ въ пискахъ.

И, странная вещь! сіи двѣ головы, кои такъ часто радостно улыбаались и такъ искренно обнимались, теперъ бросали одна на другую жадныя взоры, теперъ убивали другъ друга взглядомъ.

Накопецъ, занимавшій верхушку мачты вдругъ ее выпустилъ.

Другой примѣшивъ это, рванулся...

Того-то и ожидалъ младшій. Онъ кинулся обѣими руками къ нему на шею, не съ нѣжностію, какъ нѣкогда, сказавъ: — «Здравствуй, братъ;» но съ неисповствомъ. Придавивъ ему горло концемъ плававшей веревки къ фокъ-бугелю, онъ задушилъ его. Безполез-

ное средство: послѣдняя мысль замерла въ семь пѣлъ, ибо руки шрупа крѣпко сжимали колѣна брашо-убійцы и въ то время, какъ они оба исчезли.

Когда штурманскій ученикъ уже болѣе ничего не видѣлъ, то проперъ глаза, посмопрѣлъ еще разъ, и сошелъ внизъ съ донесеніемъ, которое всѣхъ весьма удивило; прекратили исповѣдь, съ обѣщаніемъ послѣ снова продолжать оную, и вахта бакборша, по приказанію капитана, взошла на палубу. Въперъ дулъ съ меньшею жестокостію, но ночь была свѣшла; для избѣжанія рысканія корабля, пославили къ рулю исправнаго мапроса, и продолжали плыти на западъ.

Нѣкоторое время они шли по сему направленію, какъ вдругъ вахшенный на бакъ мапросъ закричалъ: — «Корабль съ шпирборша!»

«Всѣ кинулись, и при свѣтѣ фанарей,

увидѣли таршану, совершенно разбитую! таршану, которую они преслѣдовали съ самаго вечера; таршану, бывшую первою причиною всѣхъ ихъ бѣдшвій!

— «Наконецъ,» возопилъ капитанъ береговой стражи, «Пресвятая Дѣва намъ покровительствуетъ! и Богъ правосуденъ; ты намъ заплашишь, проклятая, за смерть нашихъ собратьевъ.»

И не смотря на неукротимость вѣтра, онъ старался посадить шлюпку въ шраверсъ.

ГЛАВА VIII.

РАКА СВ. ІОСИФА.

Por miedo? ... no senor....

Изъ страха? нѣтъ, Государь!

КАЛЬДЕРОНЪ.

— « Яго , Яго ! » кричалъ Капитанъ люгера *Рака Св. Іосифа*: « Яго , правая моя рука , поставь канонировъ къ орудіямъ .

— « Капитанъ , . . . я . . .

— « Ты дрожишь , кажется ?

— « Нѣтъ , Капитанъ , но *левантъ* крѣпко подѣисповалъ на мои первы .

— «Клянусь Христомъ! пусть такъ. Что можно подумашь, видя, что Лейтенантъ командуемаго мною судна, шрясешся, какъ водорвзъ передъ бурей. Канониры, къ орудіямъ; прочіе, брасонь паруса въ бакшшагъ, перейдемъ въшеръ этой шаршаны, чорпть ее возьми! и обходя корму, выснррьлимъ по ней залпомъ. Слава Богу, леваятъ ушихаетъ!... Ахъ, клянусь Пресвяшою Дѣвою! славный будетъ праздникъ для жлицелей Кадикса, когда ты вступишь въ оный съ цвьями на рукахъ и на ногахъ, съ твоимъ демонскимъ экипажемъ! Проклятал собака!» говоритъ простодушный Массарео, показывая кулакъ размачпюванной шаршанѣ, покойной и мрачной, колебавшейся по произволу волнъ.

— «Да, да,» продолжалъ Массарео: «божусь Св. Іосифомъ, меня не обманешь! ты шеделншься какъ том-

буй (*), нарочно, чѣтобъ я подошелъ къ тебѣ на разстояніе багра... Тогда ты накинешь на мой бѣдный люгеръ сѣрную рубаху, копорая выжжетъ его до щепки!... или сыграешь со мною какую нибудь другую бѣсовскую шупку; но Богородица не оставишь спараго Массарео. Не разъ онъ вырывалъ богашыя гальоны Мексиканъ изъ когшей эшихъ окаленныхъ Англичанъ, копорые, также, въ семь дѣлъ-то были крѣпко смышлены! Ерешики!» И онъ перекрестился. Попомъ, обращаясь къ кормчему: — «Держись ближе къ вѣтру, поднимайся, поднимайся же, дурчина, да будь гошовъ дашь рей.»

Левантъ слабѣлъ чувствительнo, и по облакамъ, быспро поднимавшимся съ горизонта, и по колебанію вѣтра, замѣшно было, чѣто онъ обращался на югъ. Звѣзды скрылись, и ночь, до-

(*) Якорный поплавокъ.

сєлѣ весьма ясная, вдругъ спемнѣла. Таршана погрузилась во мракъ, одна шолько огненная почка сверкала на ея кормѣ, по направленію каюшы, но ни малѣйшаго шума не слышно было на суднѣ, и никто не показывался на палубѣ.

Капитанъ сторожеваго логера, удачно исполнивъ перемѣну галсовъ, пустился прямо, и приблизился къ таршанѣ на полъ-писполетнаго выспрѣла. Тамъ онъ позвалъ своего Лейтенанта; но шощъ, полагая, что его хопящъ заспавилпъ командоващъ орудіями, исчезъ съ быспрошою молніи.

— « Яго ! » повшорилъ Массарео.

— « Онъ въ шрюмѣ, господинъ Капитанъ, говоришь, будто по вашему приказанію, для присмотра за выдачей зарядовъ ! »

— « Негодяй ! клянусь Св. Іаковомъ ! пусть его принесутъ живаго или мер-

шваго на палубу; а ты, Альварецъ, подай мнѣ мою боевую говорную шрубу.»

Тогда храбрый Массарео обратилъ къ безмолвной шарпанѣ широкое опверстіе инструмента и закричалъ:

«Ало!... на шарпанѣ!... гей!..»

Потомъ опустилъ шрубу, приложилъ руку улишкою къ своему уху, дабы не потерять ни одного звука, и слушалъ внимательно.

Ничего... глубокая тишина...

— «Что?» сказалъ онъ Шшурману, подлѣ него находившемуся.

— «Я совершенно ничего не слышалъ; господня Капишанъ; сдалось мнѣ только что-то похожее на спонъ; но ради неба, не полагайтесь на это! заговорите лучше съ ними добрыми пушечными выстрѣлами, клянусь Св. Петромъ! они поймутъ этошъ языкъ, ибо нашъ храбрый Адмиралъ Галлею,

Царство ему Небесное,» — онъ снялъ шапку и продолжалъ : — « нашъ храбрый Адмиралъ всегда говорилъ , что это всеобщій языкъ , и что. . .

— « Тише , Альварецъ , тише ! молчи , старый морской угорь. Мнѣ показалось , что-то пошевелилось на палубѣ. » И снова приставивъ ко рту огромную говорную трубу , закричалъ :

— « Ало ! . . . съ шаршаны . . . гей ! . . . опшравьте бопъ къ нашему судну , или мы васъ пошопимъ . . .

— « Какъ прокляшыхъ собакъ ! прибавилъ Альварецъ .

— « Замолчишь ли ты ? они можешъ бышь отвѣчали , а пвой глупый языкъ , кошорый дробишь , какъ скрытьшшурьвала , помѣшалъ мнѣ разслушать , » сказалъ Капитанъ , снова начавъ съ рѣшительною горячностію :

— « Въ третій разъ , гей ! съ шар-

паны!.. оплѣчайте.. или я опкрою огонь.»

На сей разъ довольно явственно было слышно продолжительное сіснаніе, неимѣвшее въ себѣ ничего человѣческаго, и заставившее поблѣднѣшь Капитана Массарео на его вахтенной скамьѣ.

— «Капитанъ, если вы мнѣ вѣрите,» сказалъ Альварецъ, крестясь, «по скорѣе дадимъ залпъ и поворошимъ назадъ; ибо я вижу Кастора и Поллукса, лешающихъ на кормѣ, и, клянусь Пресвятой Дѣвой, здѣсь не совсѣмъ ладно.

— «Эпо ужъ слишкомъ!» вскричалъ Массарео; «Св. Павелъ, молись за насъ! ну, во славу Бога! Канониры, къ орудіямъ; заряжайте. Хорошо! перекрестись. Хорошо! Теперь, пали!.. пали!.. правая сторона.»

Залпъ раздался, и блескъ онаго,

освѣтя на мгновеніе тарпану, оспра-
зился яркими лучами въ темныхъ во-
дахъ. Когда бѣловашый дымъ пороха
разсѣялся, опять было видно мрачное,
безмолвное судно съ его свѣтлещеюся
почкою на кормѣ, заслоняемою время
отъ времени тѣнью, ходившею взадъ
и впередъ по каютѣ.

— « Ну, что, Альварецъ? » спросилъ
Массарео, не понимавшій нисколько при-
чины упорства ашакуемой тарпаны.

— « Всѣ ядра чисто попали въ дерево,
сударь; а эшотъ проклятый и не про-
гаешся. Но, я готовъ божиться мон-
ни чешками, что на суднѣ есть народъ.

— « Непопяшная вещь, » сказалъ
Массарео съ безпокойствомъ; « я при-
кажу опшлывать въ море, а между
тѣмъ, шы, я, канониръ Перець и
эшотъ шрусъ Яго, кошорый впрочемъ
изрядный совѣшчикъ, мы потолкуемъ
о мѣрахъ, какія должно предприняшь.»

Поворопили овершпагъ, поднимаясь на западъ; Яго былъ принесенъ. Четыре члена сего совѣта собрались, и засѣданіе открылось.

Ни одного плана еще не было рѣшено, какъ разсудительный Яго вскричалъ :

— « Съ помощію Богородицы, вошь что я сдѣлаю! Вооружу шлюпку, приближусь къ проклятой шарпанъ, и возьму ее абордажемъ! . . . А! пріятели, что вы на это скажете? »

Его пріятели очень думали объ эпомъ средствъ, какъ объ единственномъ, которое можно было благоразумно употребить; но его пріятели воздерживались также говорить о немъ, зная, что тотъ, который предложитъ сей способъ, безъ сомнѣнія будетъ обязанъ привести оный въ исполненіе. Неопытная смѣлость Яго, вывела ихъ изъ затрудненія, и всѣ въ одинъ голосъ

начали хвалить и поздравлять творца сего удивительнаго плана кампаніи, который увидѣлъ, но уже поздно, въ какое онъ вдался опасное положеніе.

— «Вамъ Небо вдохнуло эту мысль, благодарите его, Яго,» сказалъ Капитанъ.

— «Какъ ты счастливъ, товарищъ Яго!» подхватилъ Альварецъ, ударивъ его дружески по плечу. «Клянусь! прекрасный для тебя случай попаси въ офицеры. Почему я не на швою мѣсть! Какую славу ты пожнешь, исполнивъ свое отважное предпріятіе! Взять проклятаго абордажемъ!!! Твой портретъ шанушь продавать на улицахъ Кадикса, и тебя воспоюшь на площади Св. Антоніо. Блаженный смертный!» И, посвистывая съ покойнымъ видомъ, онъ пошелъ къ шрапу, ведущему въ шрюмъ.

— «Но,» вскричалъ несчастный Яго,

трепещущій и смущенный, « я не сказалъ, что я. . . .

— « Вамъ удобнѣе будетъ ашаковать прокляпаго съ шпирборша, мой сынъ,» сказалъ важно канониръ Пересь; « бакборшъ приноситьъ несчастіе, и вошь что вѣрошно съ вами случится: — вы приблизитесь къ боршу судна, . . . по васъ спануть спрѣляшь; . . . хорошо. — Вы причалише; . . . съ высоты реевъ бросающъ на васъ гроздь ядеръ, копорый потоплястъ вашу шлюпку. . . . Очень хорошо, пріятель. — Тогда съ ловкостію, коей должны обладать, вы съ вашими людьми спараетесь ухватиться за русленя, за лѣстницы, за все, что будетъ у васъ подъ руками. . . . Прекрасно, пріятель. — Но вотъ что лучше всего, всѣми Святыми рай! Въ то время, какъ вы цѣпляетесь за боршовья перила, росперъ вдругъ опкрываешся, и вы находитесь носомъ

къ носу пропихвъ двѣнадцать разнуныхъ мушкетеновъ , заряженныхъ по самое дуло пулями, гвоздями, кусками желѣза, кои, можете себѣ представить, производящъ адскій огонь, и убиваютъ, по крайней мѣрѣ, три четверти изъ вашей команды. — Тогда остальные — если останутся, — взмѣзаютъ проворно, какъ дикія кошки, на обордажъ, съ кинжалами въ зубахъ и пистолетами въ рукахъ; дерутся съ опчаяніемъ, убиваютъ, умираютъ; ... но все-таки за то пріобрѣтаютъ славу. — Клянусь Скорбями Богородицы! Сожалѣю, что я не на вашемъ мѣстѣ. О! какъ сожалѣю, что не на вашемъ мѣстѣ, мой сынъ!» повторилъ онъ съ шумнымъ вздохомъ, исчезалъ между шѣмъ довольно поспѣшно въ кубракъ.

— «Но, Пресвятая Дѣва!» вскричалъ Яго, покушавшійся двадцать разъ

прервать канонира Переса, « божусь перновымъ вѣнцемъ Господа! я подаю сей совѣтъ не съ тѣмъ, чтобъ исполнишь оный самому; и какъ нашлись на мое мѣсто. . . .

— «Нѣтъ, Яго,» возразилъ храбрый Массарео, «это будетъ несправедливость; сіе порученіе принадлежитъ вамъ по праву; и оспанется за вами; Да, Яго, за вами; къ чему эша излишняя уступчивость?»

— «Вы посѣяли, вы должны и пожать,» прибавилъ другой.

— «Конечно, потребно много мужества, хладнокровія, ловкости и счастья, особенно для приведенія къ концу столь опаснаго предпріятія; но съ помощію Бога и вашего напора, Яго, вы совершите оное съ честію; если жъ нѣтъ, то умрете смертію храбрыхъ, что не каждому дано въ удѣлъ. Спупайте же, сынъ мой, опличайтесь,

Богъ и вашъ начальникъ на васъ смотряшъ,» сказалъ Капитанъ.

— « Но, клянусь Святымъ всѣхъ часовень Кадикскаго Собора,» вскричалъ Яго, блѣдный отъ страха и гнѣва, « я хочу сію же минуту...

— « Мнѣ оспиаешся только похвалить такое вешерпѣніе, Яго. Я сей часъ опдамъ нужныя приказанія для вооруженія шлюпки. Вы ни въ чемъ не будете имѣть недосташка: ни въ кинжалахъ, ни въ шопорахъ, ни въ абордажныхъ копьяхъ, ни въ мушкетахъ, ни въ пуляхъ разнаго калибра, ни въ малыхъ карпечныхъ зардахъ. — Будше покойны, сынъ мой, я некусь объ васъ съ заботливостію опца. — Полно же, полно, умѣрьше эшомъ жаръ, и какъ истинный Испанецъ, думайше о Богъ, о Король и о вашей любезной, если у васъ естъ она. Вообразите, какъ велика будешъ ея

радость, когда она увидитъ васъ по возвращеніи умирающимъ, покрытымъ ранами, и когда толпа спанешъ восклицаетъ, окружая васъ: Эшо онъ, эшо побѣдитель Хипана! Эшо храбрый Яго! — Ахъ! сынъ мой, если бъ моя обязанность не удерживала меня на корабль!... Жизнью клянусь! не вамъ бы досталось сіе порученіе. Нѣшъ, божусь, Св. Іаковомъ! не вамъ бы оно досталось!»

И онъ хотѣлъ отправишься туда же, куда скрылись прочіе члены совѣта; но Яго удержалъ его за руку, вскричавъ:

— «Нѣшъ, Капитанъ! нѣшъ! я лучше соглашусь стоятъ въ церкви въ моей шапкѣ, не преклонятъ колѣнъ предъ Святымъ таинствомъ, не молиться по четкамъ, нежели ѣхать на эту окаянную тарпану, на это судно, гдѣ поселился Сапана со всѣмъ

своимъ причетомъ; и къ тому же, » прибавилъ онъ съ увѣренностію, убѣжденный въ прінсканіи неопровергаемаго довода, «къ тому же моя религія запрещаетъ мнѣ прикасаться къ оглашеннымъ и безбожникамъ.

— «Кто вамъ говоритъ объ этомъ, сынъ мой?» сказалъ Капитанъ, крестясь: «я слишкомъ усердный Христіанинъ, и слишкомъ забочусь о спасеніи тѣла и души моихъ мапросовъ, чтобъ спалъ ихъ подвергать такому грѣху.

— «Да, да, Капитанъ, именно, забываетесь особенно о спасеніи *тѣла*, понимаете? тѣла вашихъ моряковъ, это вещь важная,» сказалъ Яго не много ободренный.

— «Сынъ мой,» возразилъ Капитанъ, «вы меня не поняли; я вовсе не требую отъ васъ, чтобъ вы задушили нечестивца собственными руками. Пресвятая Дѣва! нѣтъ, одна мысль о семъ

прикосновеніи заставляешъ меня прелетать опъ ужаса ; но пуля вашего мушкета или клинокъ вашего кинжала предохраняшъ ваши Христіанскія руки опъ сего оскверненія ! »

Яго, раздосадованный еще болѣе на сдѣланный имъ промахъ, вскричалъ:— «Нѣшъ! ни желѣзо, ни свинець, ни я, не сразятъ сего опступника. Нѣшъ, я не ѣду къ судну, клянусь тысячею лзвъ Св. Іуліана! нѣшъ, я не ѣду! » прибавилъ онъ спукнувъ сильно ногою.

— « Другъ мой, Яго, » возразилъ хладнокровно Кашипанъ, « вѣдь я имѣю право на жизнь и смерть каждаго изъ людей моего экипажа, который возмущается и не хочешъ исполняшъ моихъ приказаній. »

Сказавъ это, онъ указалъ ему на пару пистолетовъ, лежавшихъ на шпиль.

Въ семь страшномъ выборѣ, Яго предпочелъ абордажъ, и сошелъ въ при-

готовленную ему шляпку, съ грустнымъ самоотверженіемъ чловѣка, ве-
домаго на казнь.

Удаляясь ошь люгера, несчастный Яго, вспоминая совѣщны и предсказанія канонира, кои спрахъ врѣзалъ у него въ умѣ, ожидалъ каждую мннушу вне-
запной мушкетной пальбы.

Однако онъ приплылъ къ сторовѣ шаршаны, и ни одного выстрѣла не было сдѣлано съ оной.

Тогда, забросивъ причальный канашъ, онъ предоставилъ Богу душу; ибо по подробнымъ топографическимъ указаніямъ канонира, въ эшо самое время широкія дула мушкетоноровъ должны были произвестъ *адскій огонь*.

Въ семь ожиданіи, онъ поцѣловалъ свои чешки, вскричавъ: — « На колѣна, брашья, смерть наша приходитъ!»

Десять чловѣкъ, сопровождавшіе его, пользуясь симъ приказаніемъ,

безъ оглядки бросилсь на дно шлюпки.

Тишина, та же тишина. Ничего не слышно, ничего не видно... шопъ же огонь сверкалъ въ каютѣ, заслоняемый по временамъ тѣнью, скрывавшею оный своимъ движеніемъ.

Яго, не много ободренный, рѣшился приподнять голову, но проворно опустилъ ее, услышав прескъ шарпаны, потомъ поднялъ ее опять, и не встрѣпилъ ни мушкетеровъ, ни ростеровъ.

Ничто сколько не придаетъ увѣренности, какъ миновавшая или выдержанная опасность; посему и Яго воспламенился мужесшвеннымъ жаромъ, оправился, и полѣзъ на борщъ, послѣдуемый своими десятью подчиненными, кои одушевлялись его примѣромъ. Взошедъ на палубу, они нашли шамъ только обломки, разорванныя въшромъ снащи, словомъ, безпорядокъ, обна-

руживавшій, что сіе судно жестоко пострадало отъ дѣйствій *леванта*. Но вдругъ они услышали непонятный шумъ въ кубрикѣ.

Десять матросовъ и секундъ *Раки Св. Іосифа*, блѣднѣя, посмотрѣли другъ на друга; однако закричали, правда, нѣсколько дрожащимъ голосомъ: — « Да здравствуетъ Король! впередъ, *Рака Св. Іосифа* и храбрый Яго! »

И сподвижники храбраго Яго, шедшіе за нимъ по плшамъ и шѣснившіе одинъ другаго, услыша сію неожиданную тревогу, такъ неосторожно къ нему придвинулись, что сполкнули несчастнаго героя въ большой люкъ, находившійся у него подъ ногами!

Матросы, починяя сіе паденіе за доказательство его неустрашимости и самоопроверженія, послѣдовали за симъ новымъ Курціемъ при кликахъ: « Да здравствуетъ Яго! » и прыгнули всѣ

въ кубрикъ, подобно баранамъ Пануржа.

Яго, вскочивъ поспѣшно на ноги, и пользуясь заблужденіемъ своихъ моряковъ, сказалъ имъ, понизивъ голосъ :

— « Дѣти мои, опважностъ и хладнокровіе ничего не значатъ : вы всѣ видѣли, что подвергался опасности упасъ на тысячи копѣй и мечей, я ринулся слѣпо подъ палубу... это смѣлостъ, больше ничего.

— « Да здравствуемъ нашъ храбрый Яго!» повторили матросы.

— « Перестаньте ! ради Бога, перестаньте, дѣти мои, вы кричите такъ, что всѣхъ чаекъ разпутаете. Поберегите ваши: *да здравствуетъ Яго!* для другаго времени. Вы будете восклицать сіе на площади Св. Антоніо. Тогда эшо будетъ имѣть свое дѣйствіе ; а теперь лучше посоветуемъся

о средствѣ , какъ очистишь эту вершнь демоновъ. »

И онъ указалъ на большую каюшу, въ коей адскій шумъ все еще не умолкалъ. Вдругъ , пораженный внезапною мыслию, вскричалъ: — «Зарядите ваши карабины, друзья . . спрѣляйте! спрѣляйте въ эту изгородку!»

Причина, побудившая Яго въ особенности рѣшиться на сію мѣру, была та, что въ этомъ наступательномъ движеніи, ему необходимо должно было находиться позади своего опряда, и потому въ прикрытіи отъ перваго натиска вылазки противу осаждающихъ. — « Спрѣляйте! съ нами Богъ!» повторилъ онъ, толкая впередъ свою команду. Пальба началась.

На столь близкомъ разстояніи, пули, попадая во множествѣ въ изгородку, разбились часъ оной, и прежде нежели мажорсы успѣли снова зарядить

свои ружья, спрашная громада ихъ сбила и покапнулась на нихъ съ ужаснымъ мычаніемъ.

— «Берегитесь!» кричалъ Яго, державшій одного изъ своихъ удалцевъ поперегъ плѣла и двигая со стороны въ сторону передъ собою сіе подобіе живаго щипа.» Берегитесь, это военная хитрость; они топчась на васъ бросятся. Зарядите снова ваши ружья! — «Господинъ Лейшенантъ,» сказалъ одинъ морякъ,» но у осажденнаго парашакихъ славныхъ роговъ на лбу, какихъ у Христіанина никогда не выросло.

— «Схватите чудовище!» кричалъ Яго описнуая со своимъ щипомъ, «это окаянный, схватите его... *Vade retro, Satanas...* Св. Іаковъ, Св. Іосифъ, помилуйте насъ! — «Но, Лейшенантъ, это просто... это просто быкъ. Божусь! в лихой быкъ, кошорый я ду-

маю, издыхаешь. Ахипи! семь пуль въ штыль!» И при огнѣ, вынесенномъ изъ каюшы, всѣ удостовѣрились въ исполненіе сего любопытнаго показанія. То былъ дѣйствительно быкъ, осужденный на пищу экипажа шаршаны, кошораго, вѣроятно, экипажъ принужденъ былъ оставить, покидая судно.

— «Быкъ, ничтожный быкъ!» говорилъ Яго. «Планъ ашаки, соспавленный съ такимъ хладнокровіемъ и исполненный съ такою отважностію, чтобъ... чтобъ взять быка на бордажъ! — «Мы вѣдь его съ собою возьмемъ, не правда ли, Лейпенашъ? Давно уже мы обходимъ мысь сала и рифъ бобовъ; пора бы бросишь якорь на кусочкѣ свѣжей говядинки.

— «Прошу покорно!... смоприше, пожалуйста!» возразилъ Яго съ гнѣвомъ. «Ослы, скоты! вы, видно, хотище подвергнуться насмѣшкамъ своимъ

товарищей, принеся эпиопъ прекрасный трофей. . . Я этого не позволяю; ступайше на палубу, слѣдуйте за мною, закройте люки, и главное, по прїѣздѣ на люгеръ, ни полслова въ опроверженіе того, что я буду говорить Капитану Массарео, какъ въ вашу, такъ и въ свою пользу.»

Возвращаясь на люгеръ, гдѣ спали безпокоившись о слѣдствїяхъ пересиртъяки, Яго, съ рѣдкимъ безстыдствомъ, сдѣлалъ подробное описаніе своей битвы съ Хипаномъ и его демонами. . .

— «Словомъ,» прибавилъ онъ, «словомъ, Капитанъ, всѣ убиты или ранены.»

Слушая это героическое повѣствованіе, въ коемъ неустрашимость Яго обнаруживалась въ первый разъ, Капитанъ Массарео, знавшій очень хорошо трусость своего помощника, не постигалъ сей быстрой переменны; но

вспомня о челюсти Самсона, объ ослѣ Валаама, и другихъ чудесахъ, онъ спалъ смотрѣвъ на Яго, какъ на избраннаго, котораго Богъ внезапно одушевилъ божественнымъ духомъ, дабы даровать ему силу побѣдишь отступника, сына мѣтежнаго Ангела. Попавъ же разъ на сію несчастную мысль, онъ слѣпо спалъ вѣрилъ всею глупостямъ и нелѣпостямъ, какія только Яго попадались на языкъ.

— « А Хишано? » спросилъ онъ наконецъ.

— « Хишано, Кашипанъ, былъ по видимому переодѣтъ; но я увѣренъ, что онъ въ числѣ мершвыхъ. Бѣсовская кровь, какъ она мараетъ! » сказалъ Яго, желая опклонить разговоръ ошъ споль щекошливаго предмета, и молча началъ вытирашъ широкую кровавую черпу, бороздившую его камзолъ: шо было еще слѣдствіе борьбы

со смертію бѣднаго четвероногого живоннаго.

— «Вы ранены, храбрый Яго?» сказалъ Капитанъ съ участіемъ, «я хочу видѣшь.»

— «Нѣшъ, нѣшъ, клянусь моею матерью! вы не увидите. Это ничто, бездѣлица,» отвѣчалъ Яго съ притворною безопасностію и отступая поспѣшно; «но важность вся въ томъ, Капитанъ, чѣмъ поощить это гнѣздо демоновъ. Люки заперты, осталось сдѣлать нѣсколько залповъ, и мы очистимъ страну отъ величайшаго разбойника, подобнаго кошору никогда еще не существовавшему.»

Массарео смертельно желалъ спросить въ свою очередь, почему не приведены плѣнные, кои могли бы служить доказательствомъ счастливаго успѣха экспедиціи; но смекнувъ, что тогда ему самому придется опира-

вишь сію впоричную должность, онъ пересталъ о томъ беспокоиться, и согласился на все, чего хотѣлъ мужественный и святой Яго. Почему, открышь былъ жаркій огонь по *тартаил-двойчаткль* Хипана, которая не могла долго устоять прошивъ споль жестокой канонады.

ГЛАВА IX.

Р А З С К А З Ъ.

Homicide point ne seras!

Com. de Dieu.

Между тѣмъ, какъ храбрый Массарео разбивалъ одну изъ шартанъ, другая, вышедъ изъ прошока Торре, плыла, управляемая съ искусствомъ, не смотря на шквалы леванша, коего свирѣпость однако чувствительно уменьшалась.

Ничего въ свѣтѣ не было ослѣпительнѣе маленькой каюшы сего судна,

посреди коей два собесѣдника сидѣли тогда за столомъ. Огромный хрустальный шаръ, прикрѣпленный къ пополю, изливалъ чистый и яркій свѣтъ на богатыя Турецкія шкани лазореваго цвѣта, на коихъ вышиты были красныя птицы, разширяющія свои золотыя крылья и держащія въ серебряныхъ лапахъ длинныхъ змѣй съ чешуею, зеленою какъ изумрудъ; наконецъ, диванъ, обитый коричневымъ атласомъ, окружалъ стѣны сей комнаты, которая имѣла видъ продолговатаго чешвероугольника.

Въ срединѣ, ближе къ дивану, возвышался столъ, накрытый съ опмѣннымъ вкусомъ и изысканностію; но вмѣсто ножекъ, его поддерживали четыре легкія бронзовыя цѣпи, висѣвшія съ пополю, въ избѣжаніе потрясеній отъ килевой и боковой качекъ. Тинишля де Роша, Хересь и Пака-

реть сверкали въ драгоценныхъ хрустальныхъ сосудахъ, коихъ многочисленныя грани отбрасывали переменчивыя и цвѣсистыя лучи, подобныя оптикамъ призмы, между тѣмъ какъ фиолетовой, покрытый мѣлкимъ мхомъ виноградъ Санъ Лукара, черныя фиги Медины, гранаты Севиллы, дошедшія отъ солнечныхъ лучей, и продолговатыя апельсины Альпиравы, возвышались легкими пирамидами въ плетеныхъ изъ тонкой золоченой проволоки корзинахъ, какія употребляются въ Смирнѣ; наослѣдокъ, споловое бѣлье блестящей бѣлизны, по обычаямъ востока, вдоль и поперекъ было устлано красивыми рисунками, вышканными золотомъ и шелками.

Только просыя бутылки темнаго стекла, съ длинными, узкими горлышками, съ осмоленными и прикрепленными проволокою пробками, словомъ

бутылки, кои за милю пахнутъ Францією и Шампанією, составляли разительную противоположность съ роскошью и убранствомъ совершенно Азіятскими, царствовавшими въ сей каюти.

И то было именно шампанское, ибо два кубка, коническій и цилиндрическій, возвышавшіеся на широкихъ хрустальныхъ ножкахъ, торжественно были наполняемы, и розовая влага, которая шипѣла, сверкала, подняла вскорѣ свою кипящую пѣну высоко надъ краемъ бокала.

— «Смотрите, Командиръ, вода на прибыли!» Такъ говорилъ безбородый юноша, начальникъ другой шарианы, преслѣдованной съ шакимъ ожесточеніемъ и несчастіемъ двумя сторожевыми люгерами, въ то время, какъ окаленный выгружалъ контрабанду монастыря Санъ-Жуана у подошвы утесовъ Торре.

Той самой паршаны, коею доблестный Яго овладѣль на абордажъ, сражался съ быкомъ и его рогами, и коей храбрый его Капишанъ довершалъ разбитіе сильными пушечными выстрѣлами.

— «Командиръ, вода на убыли; и если вы еще промедлите, то она въ минуту совсѣмъ спадетъ,» повпорилъ молодой человекъ, и однимъ глоткомъ осушилъ бокаль съ пакъ называемою намъ водою. «Какъ я люблю это Французское вино! нашъ Хересь и наша Малага, съ ихъ темножелтымъ цвѣтомъ, для меня также скучны, какъ гимнъ, распѣваемый старой дуэньей; но смѣющійся, розовый ликъ шампанскаго, напропивъ, меня уполяетъ радостію. Праведный Боже! при немъ точно будто я слышу Жуану, бряцающую на моей гитарѣ живое и рѣзвое Болеро. Да здравствуетъ вино Франціи!

продолжалъ онъ , опуская столяръ весело на столяръ свой бокаль , что разбилъ оный въ дребезги. Сей шумъ вывелъ изъ задумчивости другаго собесѣдника — то былъ Хипано.

— «Франція! Фазильо, да, по чести, это славная справа!

— «Страна госпепримства,» сказалъ Фазильо, опорожнявая другой бокаль шампанскаго.

Хипано посмопрѣлъ на него , опклонился назадъ на подушки дивана, и захохоталъ.

— «И свободы,» продолжалъ Фазильо съ такимъ же пріемомъ.

Тутъ хохотъ Хипана такъ усилился , что заглушилъ шумъ бури , ревѣвшей на морѣ , и оный еще удвоился , къ крайнему смущенію бѣднаго Фазильо , который смотрѣлъ на него недовольнымъ и удивленнымъ взоромъ.

Хипано это примѣтивъ :

— « Виновашъ , Фазильо , виновашъ , мое дитя ; во швое чыспосердечное удивленіе къ сей крошкѣ , какъ говорятъ , спранъ , мнѣ напомнило столько вещей ! . . . »

Помолчавъ съ минушу , Хишано быстро провелъ рукою по своему лбу , какъ бы для удаленія отъ себя шагоспной мысли , и сказалъ , улыбаясь :

— « Такъ какъ теперь мы болѣе не можемъ перевозить контрабанду , и какъ половина нашей эскадры испреблена , то куда мы поѣдемъ , Фазильо ?

— Въ Италію , Командиръ ! тамъ , какъ и здѣсь ! солнце свѣтло , небеса лазурны , деревья зелены ; какъ и здѣсь , черноокія дѣвы поютъ , играя на гитарѣ , и преклоняющъ колѣна передъ Мадонной ! не говоря уже о томъ , что не одна бухта береговъ Сициліи доставитъ вѣрное и удобное пристанище вашей партанѣ . Ѳдемте ! вѣшеръ

на Ишалію, Командиръ, вы и тамъ найдете себѣ службу.

— «Въ Ишалію!... нѣтъ, тамъ убійцы наказываются смертію; понимаешь, Фазильо!»

— «Боже! вы, убійца!» вскричалъ юноша съ ужасомъ.

— «Послушай, Фазильо, мнѣ было чепьнриадцашъ лѣтъ; я, и сестра моя Сед' Ига, мы вели едва переступающаго отца нашего, какъ вдругъ онъ упалъ, пораженный выстрѣломъ изъ карабина. То былъ плодъ свлщенной мессы, припаемой къ намъ Христіанномъ. При мнѣ былъ только мой спилептъ (*), я бросился, преслѣдовалъ убійцу, и наснигъ его подлѣ одного упеса; онъ былъ очень силенъ и проворенъ, но кровь отца моего обагрила мой поясъ....

«И я зарѣзалъ его съ наслажде-

(*) Родъ корешкаго книжала.

нѣмъ. Вошъ какъ я оставилъ Ишалію съ моею бѣдной Сед' Игой. Чшо бы шы сдѣлалъ, Фазильо, на моемъ мѣ-стѣ?

— « Я опмспилъ бы за своего опца, » сказалъ юноша послѣ краткаго, вырази-тельного молчанія. Попомъ продол-жалъ онъ со вздохомъ :

« Дадимъ рей, Командиръ, и поведемъ въ Египешъ. Говорящъ, Мегемешъ-Али и Ибрагимъ принимаютъ чужеспран-цевъ. Поведемъ въ Александрію.

— « Александрія шочно хорошій го-родъ : шуда-то я отправился, убѣгая изъ Ишаліи. Добрый Эмиръ принялъ меня съ моею сестрою, и опослалъ въ Коллегію, ибо въ Александріи бо-льше образованія и Коллегій, нежели во всей Испаніи, Фазильо.

— « Вѣрю вамъ, Командиръ.

— « Тамъ я учился языку Франковъ, Испанскому, математикѣ, мореплава-

нцо ; наконецъ , изъ меня сдѣлали добраго моряка .

— « Да , божусь матерью ! сдѣлали славнаго моряка .

— « Чрезъ шесть лѣтъ , Фазильо , я начальствовалъ бригамъ , который встрѣтилъ брандеръ Кавари . »

Фазильо опдалъ воинскую честь .

« И я возвратился въ гавань , дабы починишь корабль , исправить поврежденія отъ огня , и набрать новый экипажъ . — Это случилось со всѣми при встрѣчѣ Капари и его брандера . — Меня съ радостію приняли въ Александрію . По истинѣ , это веселый городъ , особенно въ прекрасный вечеръ , когда солнце западаетъ за песчанья сипси и золотитъ своими лучами гаремъ Мегемсиа , укрѣпленія старой гавани , дворець Фараона и колонну Помпея . Тогда морской вѣтерокъ прохлаждаетъ раскаленный воздухъ ; негры распши-

лаютъ вамъ на террасѣ палатку съ голубыми полосами, и вы, сидя на мягкихъ подушкахъ, вдыхаете въ себя дымъ Левантскаго табаку, который благоухаетъ, проходя чрезъ воду изъ лилей и розъ.

« И попомъ, предестная дѣва Канди или Самоса, краснѣя, преклоняетъ колѣна, и предлагаетъ вамъ холодный шербетъ въ чашѣ превосходной рѣзной работы. Вы дѣлаете ей знакъ, она подходитъ къ вамъ очень близко, и окруживъ рукою ея дивную шею, вы беззаботно разсмаприваете эту ангельскую головку, рисующуюся, какъ призракъ воображенія, среди облаковъ синевашаго и благовошнаго дыма, который, крутяся, поднимается отъ вашего кальяна съ явшарнымъ мундштукомъ. »

Глаза Фазильо, безъ сомнѣнія, сверкали ярче блестящихъ граней хру-

спальныхъ сосудовъ. — « Поѣдемъ въ Александрію , Командиръ ! » вскричалъ онъ , приподнявшись до половины .

— « Въ Александрію ! а что бы ты почувствовалъ , если бь тебя посадили на острый шпиль минарета , когото жестяной купольъ возвышается до облаковъ , впрочемъ на шпиль свѣтлый и золоченый , и оставили тебя въ семь мучительномъ положеніи , пока коршуны не выклевали бы зрачки твоихъ черныхъ большихъ глазъ ? »

Сія рѣчь охладила жаръ Фазильо , который , улыбаясь , поспѣшно наполнилъ свой бокалъ . — « Такъ снова дадимъ рей , Командиръ !

— « Да , Фазильо , такая участь ожидается меня въ Египтъ , если когда нибудь бушпритъ моей таршаны направится къ сему очаровательному краю !

— « Почему же , Командиръ ?

— « О ! пошому , что я плшъ разъ вонзилъ мой канджаръ (*) въ грудь добраго стараго Эмира , кошорый насъ такъ ласково принялъ къ себѣ , и образовалъ меня , какъ Раввина .

— « Боже небесъ ! еще убійство ! вы убійца вашего благодѣтеля !

— « Онъ употребилъ во зло оказанное намъ госипрїимство , соблазнилъ сестру мою , и не могъ на ней жениться ; что бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ , Фазиль ? »

Молодой Испанецъ закрылъ лице руками . — « А ваша сестра ? » спросилъ онъ .

— « Мнѣ оставалось оказать ей послѣднїй знакъ мой къ ней привязанности , и я оказалъ ей .

— « И какой ? »

— « Я убилъ ее , Фазиль .

— « Убили ! свою сестру также убили ! вы , братоубійца ! анаѣема !

(*) Индїйскїй кршвой кинжалъ .

— « Дитя ! знаешь ли , въ Египтѣ ,
какая участь ожидаетъ молодую дѣ-
вушку моего племени , лишенную пе-
вивности , когда ея соблазнитель же-
наетъ ? знаешь ли ты ? Съ нея срыва-
ютъ одежду и водятъ нагую по го-
роду ; попомъ , увѣчатъ ее самымъ
ужаснѣйшимъ образомъ ; завертыва-
ютъ въ мѣшокъ , и выставляютъ у
дверей мечети , гдѣ каждый даже Хри-
стіанинъ , можетъ осыпать ее уда-
рами , ругательствами и грязью
Что бы ты сдѣлалъ болѣе для своей
сестры , Фазильо ?

— « И шакъ все убійства , да убій-
ства ! Между тѣмъ , прошивъ воли , я
удивляюсь ему , » сказалъ Фазильо въ
изступленіи .

— « Выпьемъ , милый ! смотри , сре-
бренная пѣна шипитъ и играетъ . Вы-
пьемъ , и опгонимъ мрачныя воспомни-

нанія о быломъ, За твою любезную, за Жуану и ея черныя очи!»

Фазильо повторилъ почти машинально: — «За Жуану и ея черныя очи!

— «Но гдѣ же, Фазильо, мы бросимъ якорь?»

— «По мнѣ, шамъ, во Франціи, Командиръ;» и онъ показалъ на свой до половины опорожненный бокалъ. «Ибо, клянусь Жуаной, если Французы походятъ на ихъ вино!...

— «Справедливо, Фазильо, справедливо. Подобно ихъ вину, они сверкаютъ, шипятъ, и выдыхаются.

— «Однако, я увѣренъ, что шамъ нѣшь минаретовъ съ оспрыми шпильями, на кон сажаютъ людей, нѣшь мечетей, гдѣ позорятъ бѣдныхъ молодыхъ дѣвицъ, и Христіанъ, копорые убиваютъ спарика, какъ дикую козу. Впрочемъ, не были ль вы шамъ, Командиръ?»

— « Былъ , Фазильо.

— « И долго жили въ этой прекрасной странѣ ?

— « По удаленіи изъ Египта , Фазильо , я прибылъ въ Кадиксъ во времена Кортесовъ ; предложилъ свои услуги , и не разбирая , ношу ли я крестъ или чалму , меня заставили командовать большимъ военнымъ фрегатомъ ; и когда увидѣли , что я этого стою , ввѣрили оный въ мое управленіе . Я выполнилъ нѣсколько удачныхъ крейсерствъ , и въ особенности съ великимъ тщаніемъ обозрѣлъ берега . Послѣ , когда Священной Союзъ узналъ по опыту , что твоя крошкя страна заражена была желшой горячкой

— « Клянусь Минной ! то была горячка свободы !

— « Такъ , Фазильо , то былъ небольшой припадокъ свободы , быстрый и короткий , стремительность коего Свя-

ценный Союзъ скоро остановилъ малымъ количествомъ пороха. Прекрасная побѣда! ибо твои соотечественники, кои никогда не стрѣляютъ по человѣку, носящему распятіе, должны были преклонить оружіе передъ крестами, хоругвями и монахами, которые предшествовали Французской арміи, и преклонили колѣна предъ непріятелемъ, какъ предъ церковнымъ шествіемъ. Такъ, Фазильо, по была побѣда, но побѣда святой воды. Я же, слѣдуя другимъ правиламъ, пропустилъ духовныхъ и стрѣлялъ въ солдатъ. За это, послѣ Кадикскаго мира, я былъ осужденъ на смерть, какъ Франкъ-Масонъ, изувѣръ, бунтовщикъ, еретикъ, что все одно и то же. Я бѣжалъ въ Тарифу, гдѣ мы заперлись съ Вальдесомъ и нѣкоторыми другими. Насъ осадили, и послѣ восьми-дневной упорной обороны,

я имѣлъ счастье пощастъ, умирающій, въ руки одного Французскаго офицера, который способствовалъ моему побѣгу; я прибылъ въ Байону, оттуда въ Парижъ.

— « Въ Парижъ, Командиръ! вы были въ Парижъ? »

— « Да, сынъ мой; и тамъ, жизнь новая, странная: я съелъ знакомство съ однимъ Капитаномъ корабля, котораго видѣлъ въ Каирѣ, въ ту минуту, когда готовились отсѣчь ему голову, за то, что онъ поднялъ покрывало у жены челаха (*). Я спасъ его на моемъ бригѣ. Вспрѣшивъ меня во Франціи, онъ хотѣлъ оказать мнѣ свою :призрачность, предсавивъ меня небольшому числу друзей своихъ, какъ Египціанина, осужденнаго на изгнаніе Инквизиціею. Тогда, начались шумъ живыя, сіполь пламенныя увѣ-

(*) Египетскій крестьянинъ.

ренія въ участіи, что я, Фазиль, былъ расстроганъ. Вскорѣ кругъ увеличился, и каждый хотѣлъ слышать изъ устъ моихъ повѣсть мою бѣдственной жизни. Я охотно соглашался на то. Всегда пріятно рассказывать о своихъ несчастіяхъ тѣмъ, кои сожалѣютъ о васъ, ибо и въ самомъ страданіи есть какое-то ничтожное самолюбіе, поуждающее васъ говорить: смотришь, какъ течетъ кровь изъ моей язвы, смотришь! Но я жестоко былъ наказанъ за сіе хвасповство страданіями, ибо замѣнилъ однажды, что меня засмѣляютъ слишкомъ часто повсюду о моихъ злоключеніяхъ. Сдѣлавшись недоверчивѣе, я спалъ вникавъ въ сіи благородныя души, спалъ прислушиваясь къ толкамъ, производимымъ моею опкровенностію. И тогда я могъ оцѣнить тотъ родъ участія, какой принимали въ человѣкѣ, сра-

женномъ горестию. Сначала мнѣ было досадно, попомъ я тому смѣлся. Представь себѣ, Фазилю, они говорятъ, что имъ необходимы болѣе всего по-выя душевныя потрясенія, и дабы ихъ найти, я думаю, они съ охотою присуствовали бы при последнемъ вздохѣ умирающаго, и разбирали бы подробно каждое изъ его судорожныхъ движеній. За недоспапкомъ же моею кончины, имъ нравился и рассказъ о моихъ бѣдшвіяхъ; они находили удовольствіе потрясать каждую струну разшерзаннаго моего сердца, дабы слышать, какой звукъ издася она. Да! когда я, со свергающими глазами, напряженною ошъ рыданій грудью, говорилъ имъ о смерти моей бѣдной сестры, и о страшныхъ моихъ проклятіяхъ, при видѣ ея мертвою... мертвою на всегда! — Они говорили, хлопая въ ладони: «Какая выразитель-

ность! — Какой жестъ! — Какъ хорошо онъ сыгралъ бы Отелло!

« Да! когда я рассказывалъ о монахъ бипвахъ за свободу Испанія, изгнавшей меня; когда Африканская кровь моя пламенѣла, задушала меня, я опять восклицалъ съ неистовствомъ: «Свобода! Свобода!»... они говорили: — «По испинѣ, это прекрасный человекъ; какъ хорошо онъ сыгралъ бы Брута!

«И потомъ, насытившись этою душевною пышкою, коей подвергали меня, разпалля мои воспоминаія, они спокойно расходились за дѣлами, по баламъ, или искали другихъ удовольствій; ибо для нихъ все было сказано: пьеса сыграна. Тогда я, казалось, пробуждался ото сна, и оставался одинъ съ другомъ моимъ Капитаномъ корабля, гордившимся мною, какъ ручнымъ пигромъ, котораго показываютъ.

— «Презрѣнные!» вскричалъ Фазильо.

— « Нѣтъ, Фазильо; эши добрые люди ищутъ развлеченій. День шакъ днѣнсь! Припомъ же, на что мнѣ жаловашься? они меня не освиствывали, напрошивъ, рукоплескали. Чего болѣе? моя жизнь была моею ролею; шамъ, какъ и вездѣ, все роля: дружество, храбрость, добродѣшель, слава, самоотверженіе.

— « Охъ, Командиръ! » сказала Фазильо съ прискорбіемъ.

— « Все, милой, все! даже состраданіе женщинъ къ бѣдшвию. Вошь какимъ образомъ, послушай, Фазильо; я любилъ спрасшно одну прелестную женщину, молодую, богатую и свѣтскую. Однажды вечеромъ, до ея прихода, я прокрадся въ ея уборную, и, скрытый за зеркаломъ, ожидалъ. Вдругъ дверь отворяется, и Женни входитъ съ прекрасною женщиною, также молодою. Вскорѣ начались признанія; и

какъ ея подруга завидовала моей къ ней любви, то Женни ошвѣчала: — «И ты полагаешь, что я его люблю! нѣтъ, Графиня, вовсе нѣтъ; но онъ удивляетъ меня, возбуждаетъ во мнѣ участіе; онъ пугаетъ, словомъ забавляетъ меня. Какъ спешанія романическаго героя слабы передъ его опчаяніемъ! Когда завожу разговоръ о его прошедшихъ горестяхъ, моя милая, то бѣднjacka плачетъ горькими слезами, и повѣришь ли? я сама разпрогаюсь!» прибавила она, засмѣявшись во все горло.

«Видишь, Фазильо, она измѣнила своимъ обязанностямъ, она предалась мнѣ, дабы заспавлять меня выражать попеременно раскаяніе, гнѣвъ и любовь. Я сожалѣлъ о томъ, Фазильо. Наливай, милой. — Вошь за гостепріимство Франціи, какъ ты говорилъ; вошь за ея свободу. — Въ одно утро,

мой другъ Капитанъ пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что мое пребываніе въ Парижѣ гошово возжечъ пламенникъ бунта въ Испаніи, и что если я не оставлю въ три дни Францію, то меня, можетъ быть, арестуютъ, проведутъ до границы, и опшуда... ны понимаешь, Фазильо, что меня ожидало. Видя мое затруднительное положеніе, эшотъ добрый человекъ, только что получившій въ Нанпѣ командованіе надъ перевознымъ судномъ, предложилъ мнѣ ѳхалъ съ нимъ вмѣстѣ: я согласился, и чрезъ десять дней мы были въ виду Гибралтарскаго пролива. Мой добрый другъ пожелалъ зайши въ Тангеръ, гдѣ я остался на нѣкоторое время; шамъ, одинъ Еврей, Замерихъ, членъ одной изъ нашихъ воспочныхъ секпъ, въ коей я однимъ изъ спаршинъ, успунилъ мнѣ двѣ шарпаны съ ихъ экипажемъ нѣмыхъ негровъ; и въ до-

бавокъ тебѣ, сего мѣо; тебѣ, бѣднаго гардемарина, взяшаго съ одной яхты, на кошорой перерѣзали всѣхъ пассажировъ; ты привязался къ судьбѣ моей, бѣдное дитя! — Ты любишь окаяннаго, скажи мнѣ: точно ли ты любишь меня?»

Хишано произнесъ сѣи послѣднія слова съ умиленнымъ видомъ. Слеза, коей онъ давно уже не проливалъ, на минушу заблестала въ очахъ его, и онъ пропянулъ руку къ Фазильо, кошорый, схвативъ ее съ невыразимымъ жаромъ, вскричалъ: — «Болѣе жизни, Командиръ!»

И слеза также ошуманила взоръ Фазильо; ибо все, что ни выражали душа или лице прокляшаго, отражалось на его лицѣ, какъ въ зеркалѣ.

Впрочемъ, хошя онъ и заимспвовалъ образъ мыслей Хишана, однако шо не была блѣдная и рабская пародія; но

схватывая отличительныя черты сего разительнаго характера, онъ подражалъ этому человеку, какъ прекрасная душа подражаетъ добродѣтели. Если онъ охотно раздѣлялъ съ нимъ опасности, то онъ былъ побуждаемъ къ тому, такъ сказать, fatalизмомъ, увѣренъ будучи, что онъ проживетъ своею жизнью и умретъ своею смертію. Наконецъ, сей чудный человекъ былъ для сего спраснаго юноши болѣе нежели отецъ, другъ, любовница.

И дѣйствительно, это смѣшеніе дерзости и хладнокровія, жестокости и чувствительности; э тотъ вѣрный и пронзительный взглядъ глубокаго шакшика, соединенный съ постыжносію исполненіемъ, всегда оправданнаго успѣхомъ; оія рѣчь, то украшенная воспочными цвѣтами, то грубая и опривисшая; сіи обширныя познанія, сіи преступленія, конъ дружба пони-

маецъ , и навиняшъ ; участіе , возбуждаемое изгнанникомъ ; это существованіе , шакъ рано оправдешное бѣдствіями ; горькія признанія сей пвсрдой и благородной души , которую судьба привела исцъпашъ сыновною любовью убійствомъ , брашскую любовь ошлшъ убійствомъ ! Наконецъ , видъ сего ошспупника , великаго шолнкими бѣдствіями , все долженствовало очаровашъ юный , шьлкій умъ . И пошому Хишано имѣлъ на Фазильо это неопразимое и могущесшвенное вліаніе , какое шшолъ чрезвычайный человекъ долженъ бшлъ имѣшъ надъ каждымъ раздражштельнымъ харакшеромъ ; словомъ , Фазильо шшшалъ къ нему шш чувство , которое начинаелся удивленіемъ , а оканчшвается геройскимъ самоощверженіемъ .

— « Налшвай , Фазильо , » продолжалъ Командшръ , коего взоръ проясншлся

обыкновенною веселостию. «Наливай; я тебѣ прочелъ длинную и скучную исповѣдь, мой милый; только прошу впредь не говоришь со мною объ этомъ, никогда, никогда! Теперь тебѣ извѣспина жизнь моя. — И шакъ, за швою Жуану!

— «За вашу Монху, Командиръ!

— «Я и забылъ о ней, равно какъ и о моемъ намѣреніи ийти на при-спуть, ибо стѣны высоки, Фазильо.

— «Клянусь Небомъ! Командиръ, если стѣны монастыря Санша-Магдалены высоки, то спрѣла съ привязаннымъ къ ней снуркомъ, брошенная изъ лука, можетъ подняться довольно высоко и упасъ въ садъ древняго монастыря.

— «А попомъ, Фазильо?

— «Попомъ, Командиръ, ваша Монха, получивъ снурокъ, коего одинъ конецъ останешся у васъ въ рукахъ,

денгъ вамъ о томъ знашь легкимъ дерганіемъ; тогда съ вашей стороны, вы привязываете къ шурку версвочную лѣстницу; молодая дѣвушка притягиваетъ ее къ себѣ, прикрываетъ за спиною, вы по же дѣлаете снаружи оной, и, божусь Пресвятою! вы можете, въ благопріятную ночь, войти въ священное мѣсто, и выйти изъ онаго также легко, какъ я опорожниваю эшопъ бокаль.

— « Клянусь моимъ канджаромъ! ты хоть куда удалая голова, и по чести, я бы желалъ. . . . »

Тутъ старый съдой нетръ, одинъ, кошорый не былъ нѣмъ изъ всего экипажа, сбѣжалъ проворно съ шрана, бросился въ каюту, и прервалъ рѣчь Хишана.

ГЛАВА X.

Ц У Д О.

.... Je n'y comprends rien, maitre, il est démon ou sorcier; mon plaid rouge est devenu noir, et j'ai ébréché ma claymore en frappant sur l'aile satinée d'un jeune sygne.

Word' Wok, *Aventures de Ritsborn*
le bon fou.

— « Ну , что , Беншекъ ? » сказала Лишано старому негру ; « чего ты хочешь ? Что ты прыгаешь и мечешься , какъ акула , уязвленная острогою ? » Но Беншекъ , живя посреди нѣмыхъ своихъ товарищей , почти совсѣмъ поперялъ

употребленіе языка, и только въ порывахъ сильнаго страха произносились нѣкоторыя непонятныя слова; и потому онъ отвѣчалъ окаянному лишь односложными: *поунъ . . поунъ! . . .* которыя сопровождалъ быстрыми и грубыми тѣлодвиженіями.

— «А! понимаю,» сказалъ Фазильо; «старый бакланъ вѣроятно говоришь о пушкѣ.»

Фазильо не ошибался, ибо едва онъ окончилъ сію фразу, какъ послышался отдаленный выстрѣлъ изъ пушки, потомъ другой, потомъ третій. Наконецъ можно было разслушать жаркую канонаду.

То былъ храбрый Массарео, разрушавшій другую тарпану.

— «Клянусь всѣми святыми рай!» воскликнулъ кипящій юноша, «это выстрѣлы!»

Хишано слушалъ спокойно, между

тѣмъ какъ Беншекъ продолжалъ свои прерывистые поунъ... поунъ!... и свои шоропливыя кривлянья. Фазильо, заспегнувъ на-скоро перевязь своей сабли, вложилъ за оную кинжалъ и пилюлены. Нога его уже была на первой ступени лѣспинцы, ведущей на верхнюю палубу, какъ Хипано, погруженный по прежнему въ пухъ своего дивана, закричалъ ему: — « Выпьемъ любезный, Фазильо! и поговоримъ о Монхѣ и о приступѣ къ монастырю Санша-Магдалины.

— « Пипль... разговаривать... въ это время? » спросилъ Фазильо смѣшавшись, и выпуская изъ рукъ сунокъ изъ краснаго шелка, служащій для пособія при всходѣ на лѣспинцу.

Хипано пристально посмотрѣлъ на Беншека, и сдѣлалъ движеніе, значеніе коего шарый негръ понялъ совершенно, ибо въ два прыжка исчезъ.

— « Да , мой милый , пишь въ эшо время ; ты , Фазильо , какъ молодая и неперпѣливая канкрома , кошорая , не различая невиннаго крика альціоны опъ злобнаго крика шарака , разжимаешъ когти и воспритъ свой клювъ , дабы приготоовишься къ воображаемой бишвѣ .

— « Какъ ! . . .

— « Прислушайся внимательнѣе къ сей пальбѣ , и ты замѣшишь , что на оную не опвѣчаютъ ; когда бѣ ты не былъ шупъ , когда бѣ эшопъ адскій леванпъ не принудилъ тебя покинуть бѣдную сестру моей шарпаны , кошорая , размачтованная , плаваешъ шеперь по произволу волнъ , какъ опусшѣлое гнѣздо водорѣза ; если бѣ ты не былъ шупъ , *саго тїо* , говорю я , то я не оштался бы раскинутымъ на сей софѣ , ибо я спрашился бы за тебя . И такъ , умѣрь швое рвеніе , Фазильо ;

это вѣроятно, какойнибудь погибающій корабль просишь помощи. Но мнѣ нѣтъ до того нужды, Фазильо; что я сдѣлалъ для тебя вчера, того не сдѣлалъ бы и не сдѣлаю никогда ни для, кого въ свѣтѣ.

— «Я вамъ вторично обязанъ жизнью, Командиръ; безъ васъ, безъ волны, бросившей меня на вашъ пупъ, я былъ бы поглощенъ вмѣстѣ съ несчастнымъ ботомъ, въ который я кинулся, удаляясь отъ моей шартаны.

— «Бѣдное дитя! ты маневрировалъ однако съ рѣдкимъ искусствомъ, когда завлекалъ эту тяжелую береговую стражу отъ мыса Торре, между тѣмъ какъ я выгружалъ контрабанду пошриженника. — Худая ночь была для него, Фазильо; вольно же ему было богохульствовать. . . .

— «*Богъ его и наказалъ,*» прибавилъ онъ смѣясь и осушая свой бокалъ.

— « Душею моей матери! ваша вторая шартана, Командиръ, шла какъ дорада: какая легкость! въ стаканѣ воды она могла бы дать рей! Увы! что осталось теперь отъ этого уютнаго, красиваго корабля? ничего.... кромѣ нѣсколькихъ досокъ, сломанныхъ или прибитыхъ къ улесамъ.

— « Такъ я подошлю въ самую пору, Фазильо?

— « О, Боже мой! Командиръ, я былъ тогда безъ грошъ-мачшы, буширита; при четверши изъ моего экипажа были снесены волнами, и мои помпы не выкачивали болѣе воды; увы! мнѣ надлежало необходимо оставить судно, которое, можешь быть, теперь уже на днѣ.»

Въ эту минуту, пальба раздалась столь явственно, что Хишано успремился на палубу, послѣдуемый Фазильо.

Ночь была совершенно темна, и

окаанный, находясь подъ въпиромъ у люгера Массарео, стрѣлявшаго съ противоположной стороны, могъ приблизиться, не бывъ замѣченнымъ; блескъ выстрѣловъ освѣщала только корпусъ корабля, по которому дѣйствовали.

Окаанный, проплывъ еще не много, велѣлъ погасить огни, и легъ въ дрейфъ на полъ-ружейнаго выстрѣла отъ береговой стражи, которая пала, пала, и кося внимательной экипажъ сбился въ кучу на стѣпкъ. Явственно слышны были голосъ Яго и командование храбраго Массарео.

— «Клянусь небомъ! эти собаки пошопляють кузовъ другой тартавы,» воскликнулъ Фазильо понизивъ голосъ, и указывая Хитану на оспатки бѣднаго судна, освѣщаемые каждымъ залпомъ и начинавшіе погружаться. «Разобьемъ ихъ, Командиръ, разобьемъ!

— «Тише, диша мое,» отвѣчала

окаянный, и повелъ Фазильо въ свою каюшу, куда также приказалъ придти и Бенпеку.

Извѣстно, что послѣ мужественной экспедиціи Яго, прошивъ судна, не имѣвшаго никакого другаго защитника, кромѣ невиннаго быка, — извѣстно, что возвратясь на боршъ, знаменишый Лейшенаятъ *Раки Св. Иосифа* убѣдилъ Капитана Массарео пошопить шаршану, надѣясь чрезъ то загладить слѣды своей лжи.

Его звонкій и крикливый голосъ особенно отличался на Испанскомъ лагерѣ. — «Ну же, смѣлѣй, дѣши!» говорилъ онъ; «Богъ правосуденъ, и съ помощію Его и моею, мы скоро избавимся опъ этого діавола - Хишано. — «Какъ, Яго!» спросилъ добродушный Массарео; «вы точно увѣрены, что окаянный въ числѣ мершвыхъ?»

— «Куда жъ ему дѣваться, Капитанъ?»

Въ такую погоду, кажешся, не спасешься вплавь съ утопающаго судна.— Но послушайте, я хотѣлъ порадовать васъ нечаянносію, » сказалъ Яго, видя, что шартана примѣтнымъ образомъ погружалась въ воду. — « Я навѣрное знаю, что окаленный въ числѣ раненыхъ; ибо я самъ его скрутилъ и связалъ.

— « Ты! » сказалъ Массарео, съ видомъ болѣе нежели сомнительнымъ.

— « Да, я! » ошвѣчалъ Яго съ непонятною дерзостію.

— « Яго, если ты можешь мнѣ дать какое нибудь доказательство въ справедливости сказаннаго тобою, то, перстомъ Санъ-Бернарда! шаможня, и Губернаторъ Кадикса дадутъ тебѣ болѣе пиастровъ, нежели сколько тебѣ нужно будешь для вооруженія добраго трехъ-мачшовика и для путешествія въ Мексику. — « Доказательство, Ка-

пишань ; что жъ это за страшный вой, происходящій опшуда . . . слышите . . . говоритъ ли обыкновенный человекъ такимъ голосомъ? Кипо же это можешъ быть другой, какъ не окаянный ? »

То былъ все еще несчастный быкъ, кошорый, предчувствуя близкій конецъ, мычаніемъ своимъ наводилъ ужась.

— « Точно, Яго, подхватилъ Капшань содрогаясь, ни вы, ни я, не будемъ призывашъ на помощь подобнымъ образомъ.

— « И если бъ вы видѣли проклятаго, » возразилъ Яго, « когда я ему всадилъ двѣ пули въ бокъ; если бъ вы видѣли это чудовище, какъ оно билось! Семейю Скорбями Богородицы! кровь его была черна, черна какъ деготь, и шакъ крѣпко пахла сврою, что Бендишо думалъ, будто жгушъ фишпили въ шрюмѣ.

— «Пресвятая Дѣва, помилуй насъ!»
сказалъ добрый Массарео, завлеченный
до крайности любопытствомъ; но за-
чѣмъ же вы такъ долго медлили объ-
явленіемъ намъ сихъ подробностей?»

Такъ какъ залпъ раздался въ то же
время, какъ излился вопросъ Капитана,
то Яго сдѣлать видѣ, будто не слы-
шалъ онаго, и продолжалъ съ непоколе-
бимымъ безстыдствомъ: — «Я еще
вижу предъ собою, Капитанъ, этого
разбойника, въ его красной одеждѣ, съ
мерзвыми головами, вышитыми сере-
бромъ! росту онъ... восьми футовъ и
нѣсколькихъ вершковъ; плеча... плеча
у него широки, какъ люгерная корма,
и при томъ красная борода, красные
волосы, огненные глаза, а зубы, ...
то есть, клыки, какъ у кабана Галь-
зовъ Гальзарскихъ! Что касается до
ногъ его; на нихъ были раздвоенныя
копыта, какъ у моего барана Пеліеко!»

Массарео хвалиль Бога, крестяся, что Его волею они могли освободить страну опять подобнаго изверга.

Въ сію минуту, шарпана съ прескомъ погрузилась въ воду, при радостныхъ восклицаніяхъ экипажа береговой стражи, и густота мрака, доселѣ по временамъ разсѣваемая долгою канонадою, казалось, еще увеличилась: море было почти покойно; только тихій вѣшерокъ вѣялъ съ юга.

— «Наконецъ,» вскричалъ Капитанъ, «мы избавлены опять него чрезъ предстательство Богородицы и неуспрашимость Яго, которая можешь считатьъ истиннымъ чудомъ! Но да будешь воля Божія во всѣхъ дѣлахъ нашихъ. На колѣна, дѣши мои! Поблагодаримъ Небо за сіе свидѣтельство его милосердія къ вѣрующимъ и гнѣва къ проклятымъ.— «Аминь!» сказалъ экипажъ, становясь на колѣна;

и всѣ хоромъ воспѣли благодарствен-
ное молебствіе, что составило весьма
пріятную гармонію. Воздухъ былъ пл-
жель, ночь темна, и въ двухъ шагахъ
ничего нельзя было видѣть.

По окончаніи перваго стиха, насту-
пила тишина, глубокая тишина. Мас-
сарео началъ одинъ:

— « Милосердый Богъ, бдящій надъ
своими чадами и защищающій ихъ отъ
Сатаны... » Онъ не могъ продолжати
болѣе.

Онъ, Яго и весь экипажъ ошались
окаменѣлыми на палубѣ, съ уснрем-
ленными, помершвѣлыми глазами и въ
ужасной неподвижности.

— « По чести, ... я думаю... »

Вы знаете, что море было весьма
покойно, ночь мрачна... все было мрач-
но. И что жъ?

Обширный кругъ краснаго и яркаго
свѣта, мгновенно зажегся надъ водою;

море, отражая сей пылающій блескъ, покатило огненныя волны, воздухъ вспыхнулъ, и вершины утесовъ Торре озарились багровымъ сіяніемъ, какъ бы жестокой пожаръ охватилъ все море.

Сіе блестящее воздушное явленіе было пересѣкаемо вдоль и поперегъ длинными пламенными бороздами, кои сверкали тысячею искръ, свертывались снопами или ниспадали дождемъ золота, лазури и свѣта. То были мириады горящихъ метеоровъ, которые, шипя, выбрасывали частую и быструю молнію ослѣпительной бѣлизны.

И посреди сего огненнаго озера видѣлся Хитано съ его шарпаной!

То былъ самъ Хитано, окруженный своими неграми, коихъ безобразныя лица угодоблялись бронзовымъ маскамъ, раскаленнымъ въ огнѣ.

Хитано находился на палубѣ своего

судна, въ черной одеждѣ, въ своемъ черномъ токъ съ бѣлымъ перомъ, со сложенными на крестъ руками, и верхомъ на своей лошаdkѣ, покрытой богатымъ пурпурнымъ чепракомъ, и коей грива, переплетенная золотыми шнурами, опускаясь внизъ, попрыскала баншиками изъ кристалловъ и дорогихъ камней, кои были связаны серебряными лентами.

Подлѣ окаяннаго, опершись на шею Искара, стоялъ Фазиль, одѣтый также въ черное платье и державшій въ рукѣ длинный вороненый карабинъ; за нимъ Беншекъ и его черные, выстроенные въ двѣ линіи, безмолвно окружали пушки, и легкій бѣловатый дымъ, поднимавшійся на равныхъ распояціяхъ, показывалъ, что фитили были зажжены и орудія заряжены.

Ничто въ свѣтѣ не могло быть радостельнѣе есго зрѣнища, имѣющаго видѣ

Сапанинскаго явленія , ибо , глубокая пишина въ экипажѣ окаяннаго , его неподвижность , это черное судно съ своими свернутыми парусами , съ своими щцапельно сложенными спасями , казавшеся въ глазахъ Испанцевъ , не знавшихъ , что Хипано имѣлъ двѣ шаршаны , выплывшимъ со дна бездны среди вошть свѣта и лучей пламени , въ ту самую минуту какъ они полагаи оное погибшимъ навсегда ; сіе спокойное и холодное выраженіе лица окаяннаго , коего взглядъ имѣлъ въ себѣ пѣчню сверхъестественное , все сіе долженствовало привести въ ужась несчастнаго Массарео и его подчиненныхъ , кои видѣли въ семъ пиропехническомъ приключеніи одно шолько шоржество Сапаны.

Голось окаяннаго загремѣлъ , и весь экипажъ люгера , стоявшій на коѣнахъ и какъ бы околдованный симъ

чуднымъ зрѣлищемъ, бросился ницъ на палубу.

— « Ну, что! » сказалъ Хитано; « ну что, храбрый береговой стражъ, ты видишь, что ни огонь, ни вода не берущь меня, и что каждое свое ядро исправило одно изъ поврежденій моего судна. Ради Сатаны! скажи, пріятель, захочешь ли впередъ преслѣдовать Хитано, будешь ли вѣрить еще, что такія жалкія швари, какъ ты и твой экипажъ, могутъ основать бѣгъ того, кто противился дыханіямъ бурь и волю твоего Бога?... »

Никто изъ экипажа люгера не отважился опвѣчать на сію дерзкую выходку.

— « Но, пылающимъ зрачкомъ Молоха! вы не хопите опвѣчать? Такъ пусть эпотъ Капитанъ, такъ искусно починившій мою тарпану, пусть сей мужественный Капитанъ воста-

неть, или я разобью это суднишко. Въ этомъ даю вамъ честное слово! и увѣряю васъ, прїлшели, что вы не съищете, подобно мнѣ, на днѣ Океана, услужливыхъ демоновъ съ огненными крыльями, кои, вышедъ изъ пропастей пылающей лавы, гдѣ они волнуяшся, возьмутъ ващъ люгеръ на ихъ широкія спины, дабы вынести оный на поверхность волвъ! ибо свѣтъ, который вы видите, друзья, есть нечто иное, какъ опблескъ опъ ихъ крыльевъ, расширенныхъ ими на минуту. Еще разъ! Встанъ, Капитанъ, или опкрою по твоему судну такой огонь, котораго ни святая вода, ни заклятія не погасятъ, клянусь тебѣ!»

Всѣ Испанцы разомъ вздрогнули, какъ отъ электрическаго удара, но ни одинъ изъ нихъ не приподнялся.

— «Ногнемъ Вельзевула! то, безъ сомнѣнія, долженъ быть онъ, сей ге-

рой въ синемъ плащѣ съ золотымъ эполетомъ, который причесъ свою голову за коронаду, и неподвиженъ, какъ мертвая рыба. — Любезный Фазильо, попрещи ему не много эпу ногу, которая осталась на виду, ибо храбрець увивается, какъ змѣя, около сего лафета.»

Фазильо спустилъ курокъ своего длиннаго карабина, и Капитанъ Массарео, проворнымъ движеніемъ, произведеннымъ болью отъ раны, очутился почти сидящимъ на палубѣ съ успрямленными на Хитано потухшими глазами, кои смотрѣли, ничего не видя.

Пуля, пущенная Фазильо, я полагаю, раздробила ему ногу.

— «Скажи гончимъ псамъ таможни, и Кадикскому Губернашору, что я могъ тебя уничтожить, и сжечь твое судно, и что я этого не сдѣлалъ. По-

смотри на меня хорошенько, сюда!» прибавилъ Хитано, уперши указательный палецъ въ середину своего широкаго и открытаго лба, «смотри сюда приспальнѣе, дабы ты помнилъ объ окаянномъ и его милости; но чшобъ завтра ты не почета все это за сонъ, такъ вопшь что тебѣ докажешь о существованіи твоего видѣнія. Прощай, храбрецъ!»

Въ то же время, онъ взялъ финилъ изъ рукъ Беншека, и подошелъ къ пушкѣ; выстрѣлъ грянулъ, ядро засвистало, разбило фокъ-мачшу спорожеваго люгера, выбило часть передняго шкафуна, убило двухъ и ранило трехъ человекъ.

Едва выстрѣлъ раздался, какъ обширный кругъ свѣта, посреди коего явился Хитано, погасъ какъ бы очарованіемъ, и глубокая шемнопа, заступившая мѣсто сего ослѣпительнаго

блеска, содѣлалась еще непроницаемѣ; ничего болѣе нельзя было различить, ни малѣйшаго шума не стало слышно

— « Ну, Фазильо, что ты скажешь о моемъ мщеніи? » спросилъ Хитано у своего юнаго товарища, тогда какъ они уже далеко отъѣхали отъ люгера посредствомъ длинныхъ весель шарпаны, пицателью обвернутыхъ, такъ что таинственный способъ, коимъ исчезъ Хитано, могъ быть сочтенъ Испанцами за новое чудо.

— « О вашемъ мщеніи, Командиръ, о вашемъ мщеніи! Какъ же бы вы поступили съ вашими друзьями? оспавишь эпихъ негодныхъ! . . Пресвятая Дѣва! если бѣ вы знали, какъ я мучился, видя бѣдную шарпану, раздавшуюся на части подъ выстрѣлами эпихъ прусовъ! »

— « Ты ребенокъ, *саго тѳо*; когда

бы я пошопилъ снхъ негодяевъ, и ихъ люгеръ, кшо бь объ этомъ зналъ? ихъ почли бы погибшими отъ шквала, и завшра два другіе люгера ошправилнсь бы снова за мною. Завшра, Фазильо, ни бригъ, ни фрегатъ, ни корабль не дерзнуть на то: споль великъ былъ страхъ, внушенный мною въ береговую спражу. Я пощадилъ дюжину шрусовъ, за то охладилъ отшважность десяти тысячъ храбрыхъ, пошому что въ швоей благословенной спрантъ сражаются храбро прошивъ людей, но еще бояшся діавола. — Ваши монахи это знаютъ хорошо, и для того они грозятъ именемъ Бога, какъ я пугаю Сашаною. Вотъ еще роля, Фазильо.»

Фазильо ничего не ошвѣчалъ, но спросилъ Хитана, что овъ намѣренъ шеперь предпринять.

— «Разумѣется, мой милый, намъ не должно болѣе думать о контрабандѣ;

намъ остался одинъ путь: предложитъ наши услуги инсургентамъ южной Америки; но до отъѣзда шуда, я хочу еще разъ увидѣть Монху. Спрахъ пивонхъ соотечественниковъ будетъ продолженъ, Фазильо; почему наше удаленіе можетъ совершенно быть во всякое время безопасно и скрытно: и такъ поговоримъ о монастырѣ Св. Магдалины.

— «Поговоримъ, Командиръ.»

Они говорили, и долго.

Что касается до Массарсо и его экипажа, то они ожидали дня въ томъ же положеніи, то есть, носами на палубѣ, и когда солнце уже было очень высоко, тогда только они осмѣлились приподнять головы; но такъ какъ въ сію ужасную ночь они не управляли судномъ, то и были брошены на берегъ Конья, прошивъ башни, служащей маякомъ.

Тогда сіи несчастные, блѣдные и изнеможенные, насилу привставъ, посмотрѣли другъ на друга съ остаткомъ испуга, и однимъ прыжкомъ выскочили на берегъ, убѣгая со всѣхъ ногъ, какъ бы Хишано гнался по слѣдамъ ихъ.

Нашедъ пристанище въ Конялѣ, они начали рассказывать пространно объ адскомъ чудѣ, и сіе происшествіе, уже увеличенное ими, выходя изъ устъ Конильскихъ и окрестныхъ крещъянъ, такъ преобразовалось, что то уже была не тарпана, но огромный корабль, наполненный легионами демоновъ съ огненными крылами, изрыгавшихъ пламя и имѣвшихъ своею главою Хишано, — или, лучше сказать, самого Сатану, какъ утвердительно называли его въ лавкѣ цирюльника, — который поднялся изъ глубины Океана, въ то самое время, какъ тарпана

погрузилась въ воду подъ выстрѣлами береговой стражи; словомъ: то было повѣспованіе, достойное занять мѣсто въ *Собраніи романсовъ (El Romancesgo)*, но которое, при всей своей нелѣпости, долго занимало умы прибрежныхъ жителей и увеличало до крайности ужасъ, внушенный именемъ обиднаго.

ГЛАВА XI.

Л Ю Б О В Ъ.

Je voudrais avoir autant de sens que les belles nuits ont d'étoiles, pour les occuper tous de notre amour; je pense que c'est par là que les anges sont heureux entre toutes les créatures.

СН НОДИЕР, *Roi de Bohême.* —

О! какъ я люблю лѣтнюю, тихую ночь Испаніи, съ ея небомъ прозрачно-голубымъ, подобнымъ небу ясныхъ дней во Франціи, и ея луну, блестящую ярче, нежели ихъ солнце! ибо тогда все паниспивенно, все безмолвно, все

увеличивается въ сумракѣ, тогда легкое трепетаніе радужнаго крыла ночной бабочки, шорохъ цвѣтка, сорваннаго со своего стебля и упавшаго на сухіе листья, шелестъ вѣтвей, колеблемыхъ воздухомъ, звучивъ оплывающа въ нашемъ внимательномъ и тревожномъ слухѣ, нежели выстрѣлы изъ пушекъ, гремящихъ въ день сраженія, нежели радостныя крики цѣлаго народа въ день торжества.

Посмотрите на монастырь Св. Магдалины: теперь, когда солнце не полагаетъ его болѣе своими лучами, сколь торжественно онъ возвышается со своими черными и высокими стѣнами, со своими сѣрыми рѣзными портиками! какъ хорошо его тяжелая башня, его длинныя, запускѣлыя галереи, облегающа рамами темную зелень древнихъ дубовъ! Какъ сіи огромныя пѣши различельно выдѣлютъ блго-

вашое и яркое сіяніе, колшоров освѣщаетъ снѣжны, серебришь свинцовую кровлю и блестящій шницъ колокольни.

Я говорю, все было тихо; можно было различить полетъ бабочки опъ полета пчелы.

Послушайте! слышите ли сильное біеніе воспламененнаго сердца и порывы перемежающагося дыханія? Не слышите ли даже, какъ мягкій и свѣжій дернъ шелеснишь, склоняясь подъ легкимъ бременемъ, придавляющимъ оный?

Подойдите украдкою за сію жимолость, окружающую эшу пальму своими пурпурными гирландами. . . Посмотрите. . . Праведный Боже! Эшо Мовха! Эшо Хишапо!

Блѣдный и слабый лучъ луны игралъ на сей прелестной четѣ. Цыганъ сидѣлъ у ногъ бѣлицы; его локши были на колѣнахъ молодой дѣвы; онъ улы-

бался съ любовію сему ангельскому личику и уступалъ дѣшскимъ прихотямъ Монхи, которая то закрывала его возвышенное и широкое чело, то открывала оное, отбрасывая его густые волосы.

— « Ангель мой жизни, » сказала наконецъ Рознша, « я желала бы умереть такъ, въ твоихъ объятіяхъ, чшобы взоры мои устремлены были на твои взоры, чшобъ руки мои были въ твоихъ рукахъ! » — « Нѣтъ, моя милая; въ такомъ положеніи я хотѣлъ бы жить вѣчно, » отвѣчалъ Хипано.

— « О! да, жить такъ вѣчно; ибо жить, значитъ находишься подлѣ тебя; жить, — любить тебя... И потому въ каждой вечерней молитвѣ, я прошу у Пресвятой покровительсшва любви нашей, *саго тіо!* »

— « Она покровительсшвуетъ се, мой Ангель: смощри, все намъ улыбаешся. »

— « Однако , помнишь ли ты эту грозу? Боже ! какъ я ужаснулась, видя тебя, перелѣзавшаго черезъ спѣну при блескѣ молній, когда ты возвращался къ своей шлюнкѣ ! Небо было все въ огнѣ , Пресвятая Дѣва ! и послѣ я замѣтила, по ранамъ на рукахъ твоихъ, что ты принужденъ былъ хвататься за острые утесы, дабы не быть увлечену яростными волнами. »

И, трепещущая отъ миновавшей опасности, она крѣпко охватила его обѣими руками, какъ бы желая спасти отъ неминуемой гибели.

— « Ты помнишь ? скажи. »

— « Нѣтъ , мой ангелъ , я только помню поцѣлуй , данный мнѣ тобою при прощаніи. »

— « Помнишь ли правлю воловъ ? тотъ день, въ который я увидѣла тебя въ долину передъ обителью ? О ! какъ билось мое сердце, когда я по-

няла по своимъ знакамъ, что ты узналъ меня, и когда я услышала твой голосъ подь моимъ окномъ! И пошомъ,» сказала она, понизивъ голосъ, «когда ты наспрътъ перебросилъ въ сей садъ шелковую лѣспинцу?... какъ дрожала рука моя, привязывая оную къ этой пальмѣ.»

— «Моя рука также дрожала, Розина.»

— «Ты помнишь?... но зачѣмъ говорить о прошедшемъ, о мой милый! настоящее принадлежитъ намъ, настоящее наше, и его воспорги, и его упоительное наслажденіе, и его пламенная цѣга, и его сладостное помяленіе... Такъ... когда я останусь одна, когда въ жаркой безсонницѣ грудь моя взволнуется, глаза заляются слезами, тогда... будетъ время призыватьъ воспоминанія.»

И голова ея склонилась на голову

Хишано, и уста ихъ соединились. —
« О! пойдѣмъ, » сказалъ онъ, шихо ее
приподнимая, « пойдѣмъ погулявъ подъ
сѣи древніе померанцы, подышашъ бла-
гоуханіемъ ихъ. . . . Вопъ видишь, Ро-
зита, я твой кавалеръ; сѣи врачная
аллея, будетъ для насъ Мадридское
Прадо; пойдѣмъ, моя возлюбленная,
охвати своею рукою мою руку, опу-
сти длинныя кружева маншилли на
твои свѣтлыя очи, и посмотри на
сѣи блестящіе экипажи, на сѣи вели-
колѣпныя ливреи. А эшопъ древній
монастырь, будетъ театромъ. . . Вой-
демъ въ театръ; тамъ все блестящъ
золотомъ, кристаллами и освѣщеніемъ.
Вопъ Король, вопъ Королева и ихъ
Дворъ, ослѣпляющій драгоценными ка-
меньями; всѣ встаютъ, кланяются.
Ты входящъ въ свою ложу, въ одѣждѣ
бѣлой, какъ грудь твоя, цвѣпокъ пур-
пуровый, какъ уста твои, вплетенъ

въ швон волосы... Всѣ встають так-
же, встають для себя, Розита, какъ
для Королевы всей Испаніи, говоря:
Какъ она прекрасна!»

И улыбаясь, онъ посмотрѣлъ на
юную дѣву, и уловилъ мелькнувшую
мысль щещславія на ея кропикомъ и
цѣломудренномъ челѣ.

— «О! мнѣ дороже древній мона-
шьярь и швоя любовь,» возразила она;
и какъ она подходила къ нему, то ея
нога задѣла за обросшій мхомъ камень;
она оступилась.— «Что это, моя ми-
лая?» спросилъ Хитано.

— «Могила!» сказала молодая дѣвуш-
ка, останавливая его, когда онъ хотѣлъ
спустишь на сію священную землю;
она перекрестилась.

— «Какъ! могила, здѣсь, въ мона-
шьярскомъ саду? я полагаю, что Хри-
стіане погребаютъ своихъ мертвыхъ

только въ землѣ освященной : развѣ эта освящена ? »

— « Нынѣ! Пресвятая Дѣва! ибо поговариваютъ шихо, очень шихо у насъ въ монастырѣ, будто бы это могла Пепы, Пепы, кошорая когда-то осмѣлилась бѣжать изъ этой свяшой обители ; но ее наспигли на Севильской дорогѣ ; ея любовникъ былъ убитъ , защищая свою милую , а она . . .

— « Ну, что же! а она, мой ангель? »

— « О! она была опведена въ монастырскую тюрьму , гдѣ умерла тысячью смертями. Три года, другъ мой, она перепосла казни, лежа на острыхъ каменьяхъ , безъ сна , безъ успокоенія, преперпѣвая ежедневно побои, и питалась самою скудною пищею, въ которую бросали гадъ , дабы освободить ее еще въ сей юдоли отъ плѣскихъ помысловъ, и очистишь ея душу отъ преступленія, какъ говорила Игуменья.

— « И такъ, клянусь златымъ кругомъ солнца ! » вскричалъ Цыганъ, « если насъ застанутъ ? . . . » И онъ сморщилъ съ беспокойствомъ на юную дѣву, ибо сей вопросъ сорвался, такъ сказать, невольно съ языка его, и почувствовалъ все, что подобная мысль могла имѣть въ себѣ для нея ужаснаго.

— « Я умерла бы, какъ Пепя, » ош-вѣчала дѣвушка, улыбаясь съ страшнымъ выраженіемъ любви и самооп-верженія ; « подобно ей, я умерла бы за своего любезнаго. О ! я это знала, я объ этомъ думала.

— « Какъ ! сія жестокая участь . . .

— « Въ тысячу разъ менѣе ужасна, нежели одинъ день проведенный безъ себя, не сказавъ: я обожаю себя . . . » прошептала она сквозь зубы, судорожно сжимавшія, и опускаясь съ шре-пешомъ къ ногамъ его

— «Ты много хочешь? прощай;» сказала она съ глубокимъ вздохомъ.

— «Да, прощай, мой ангелъ, намъ должно расстаться. Видишь, уже мракъ ночи разсвѣдается, звѣзды блѣднѣютъ, и сей красноватый свѣтъ возвѣщаетъ приближеніе зари. Еще разъ прощай, моя Розина.

— «Еще одинъ поцѣлуй... одинъ... послѣдній! душа моей жизни.»

И солнце позащало уже верхи высокихъ монастырскихъ башенъ, а сей послѣдній поцѣлуй еще длился.

Наконецъ Хишано вырвался изъ рукъ, сжимавшихъ его съ любовію, достигъ шелковой лѣспиницы, и поднялся по оной съ привычною ловкостію.

Монха, сидѣвшая у подошвы пальмы, слѣдовала безпокойнымъ и восхищеннымъ взоромъ за всѣми его движеніями. — «До вечера,» говорила она, «до вечера, мой другъ, мое сердце.»

Цыганъ , дошедъ до послѣдней ступени , оглянулся въ послѣдній разъ , чтобъ улыбнуться Розитѣ , хопивъ уже перенесши ногу чрезъ стѣну , какъ вдругъ лѣстница оборвалась , быспроскользнула вдоль стѣны , и Уитано окровавленный , изувѣченный , съ разбитымъ черепомъ , упалъ къ ногамъ бѣлицы ! Безъ сомнѣнія шнурки , на которыхъ держалась лѣстница , снаружи были подрѣзаны .

— « Мнѣ измѣнили ! » вскричала Цыганъ , и его глаза обратились на бѣлицу , которая стояла на коѣнахъ , со сложенными руками , блѣдая , неподвижная , съ помертвѣлымъ взоромъ , съ пріоспаовленнымъ дыханіемъ .

— « Розита , Розита , постарайся оппашить меня за сіи померанцы прежде чѣмъ пойдетъ день , ибо я не могу приподняться . О ! я сильно спрадаю . »

У несчастнаго была раздроблена нога, и кости пробилсь сквозь кожу.

— «Розиша, любовь моя, моя Розиша, пособи мнѣ, . . .» повпорялъ овъ слабымъ голосомъ.

Бѣлица испустила громкій и прерывистый хохотъ, глаза ея страшно выкашились, но она не прогалась съ мѣспа.

— «Адъ! неужели несчастная съ ума сошла?» вскричалъ Хишано, и хотѣлъ взять руку молодой дѣвушки; но сіе движеніе испоргло у него пронзительный крикъ.

Изломъ причинялъ ему сильную боль; кровь текла изъ него.

Вдругъ, около воротъ сада послышался шумъ, сначала глухой и смѣшанный.

— «Розиша, Розиша, пвой обожашель тебѣ о шомъ просипгъ, спасайся, по крайней мѣрѣ сама, спасайся,»

говорятъ Цыганъ раздрающимъ душу голосомъ.

Она по прежнему стояла неподвижно передъ нимъ на коѣнахъ.

Шумъ приближался и становился отвѣстнѣе ; онъ съ усиліемъ повскся къ густому кусту жимолости, который могъ сокрышь его отъ всѣхъ взоровъ.

Перешерпѣвъ неслыханныя спраданаія , онъ успѣлъ туда вползти.

Вдругъ монастырскія ворота отворяются, и толпа таможенныхъ , монаховъ , народа, наподылетъ садъ, испуская дикій вой.

— «Смершь окаянному! смершь проклятому!» закричали со всѣхъ шпоровъ.

Хищано подползъ какъ змѣя подъ кусты алоеѡ. Толпа подошла къ стѣнѣ , къ пальмѣ , и шамъ нашла бѣлицу, все еще неподвижную , стоявшую на коѣнахъ, со сложенными руками.

Сія буйные крики вывели ее изъ забытья, въ коемъ она была погружена; она опустила глаза, увидѣла свѣжую кровь, и улыбнулась. Но ея губы были такъ судорожно сжаты, что улыбка сія была ужасна.

Толпа содроглась, перекрестилась и овѣмѣла.

Тогда бѣлица, подавъ окружающимъ ее знакъ рукою, пошла на колѣнахъ по кровавымъ слѣдамъ, ошпаленнымъ Хитаномъ на песокъ.

Всѣ шли въ безмолвіи, пораженные ужасомъ; они приблизились наконецъ къ кустарнику, скрывавшему Цыгана.

Тамъ Розца остановилась на минушу, дабы развесши густые и лоснистые листья алоеа, пробралась сквозь чащу, доползла до прокляшаго, испустила опчаянный крикъ, и упала подлѣ него... мертвою...

— « Опшступникъ здѣсь! окружите это мѣсто, и прогоните народъ. »

— « Сдайся, собака, ибо двадцать карабиновъ наведены на тебя. При-
кладывайся, вы! вскричалъ начальникъ береговой стражи.

Курки брякнули.

— « Бѣдное дитя, ты, по крайней мѣрѣ, не будешь прешеривать ихъ пышокъ, » сказалъ Хишано, смотря на Моиху, и слеза, которую самая мучительная боль не могла у него испоргнуть, упала на его пылающую лангету.

— « Сдайся, опшступникъ! или я ве-
лю стрѣлять, » повторилъ начальникъ.

— « Вы храбрецы, друзья, » ошвѣ-
чалъ Хишано: « оленя почти доконали,
а вы все еще его боитесь! по чести,
славнал охота. »

Онъ замолчалъ, на него бросились,
связали его, и три дни спустя онъ

находился уже въ Кадиксѣ, въ шюрьмѣ Санъ-Августа, подъ надзоромъ баша-ліона милиціи.

Давно уже рыбаки, подмѣшивъ челнокъ, крейсировавшій ночью подъ монастырскими стѣнами, возбужди подозрѣніе въ Алькадѣ. Посему распавлена была засада въ ущельяхъ унцесовъ; начали наблюдать за поступками Хишана; слѣдили за нимъ, видѣли, какъ онъ причалилъ, какъ перебросилъ лѣшницу, и выжидали; когда же замѣтили по сопрясенію веревокъ, что онъ возвращался назадъ, ихъ подрѣзали снаружи, и произошло то, что вамъ уже извѣстно.

ГЛАВА XII.

ТРАУРНАЯ ЧАСОВНЯ.

Par ma barette ! croyez-vous qu'on soit à son aise sur un oûtrédon de cette étoffe, s'écria La-Value, en cherchant à s'allonger dans sa cage de fer.

DE FORGES-LE-ROUTIER, *His. du temps de Louis XI.*

Въ самой срединѣ площади Санъ-Жуана, подлѣ вѣла, возвышается довольно красивая рошонда, съ жестплною кровлею, свѣшпою, какъ куполь минареша. Все пространство между ея каменныхъ столповъ задѣлано крѣпкою желѣзною рѣшеткой, шакъ что сіе

зданіе представляеть собою просторную круглую клѣшку.

Внутри оной находящся прекрасная часовня, обспавленная свѣчами изъ бѣлаго воска, съ богатыми косышницами, покрытыми чернымъ сукномъ, по коему вышиты серебромъ попоки слезъ и Адамовы головы; у подножія алшаря, съ одной стороны, сповишь, открытый и пригошовленный, простой сосновый гробъ; съ другой, поспеля, составленная изъ шрехъ досокъ и мѣшка пепла; наконецъ, въ придѣлѣ, опгороженномъ перилами, находящся человекъ, одѣтый въ красное плашье, и молящійся усердно съ преклоненными колѣнами. Тотъ, который сидя на краю поспели, стибается подъ тяжесью своихъ цѣпей, — еспь Хипано; — эшощъ гробъ, — его; человекъ, который усердно молишся съ преклоненными колѣнами, — палачъ!

Хитано былъ судимъ, осужденъ, приговоренъ къ смерти , и по обыкновенію , содержался въ *Carilla* или Траурной часовнѣ , въ продолженіе трехъ дней , предшествовавшихъ его казни.

Сей странный обычай, установленный Инквизиціею, состоялъ въ томъ, чтобъ прѣшь осужденному исадырь во все время пребыванія его въ *Carilla* ; преподшествовать ему спать день и ночь , для умерщвленія его плоти и души , и дабы онъ могъ размышлять о предстоящемъ ему дальнемъ пути ; предлагать ему всѣ духовныя утѣшенія, какія только могутъ подать монахи и капуцаны !!

Пріучать его исподоволь къ мысли о ничтожествѣ, ставя ему предъ глаза гробъ, долженствующій принять трупъ его , и палача, долженствующаго освободить его отъ сей жизни бѣдствій и шреденій,

Палачъ оставяется также въ ропондѣ, но по другой причинѣ: ему надлежитъ очиститься напередъ молитвой, прежде нежели онъ совершитъ челоуѣкоубійство.

Все шло своимъ порядкомъ: свѣчи горѣли, монахи пѣли, палачъ молился, и гробъ споятъ разверзшій.

Хишано зѣвалъ непомѣрно, и ожидалъ часа своей казни съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ челоуѣкъ, котораго сильно клонитъ ко сну, жмется лечь въ постелю.

Между тѣмъ, семнадцать часовъ еще оставалось до казни.

Монахи переспали тѣмъ, ибо голосъ уснается; палачъ привсталъ, ибо давленіе помоста на чашки колѣнъ весьма ощутительно. Козій мѣхъ, наполненный пшпильей, обошелъ вокругъ капуциновъ съ исполнителемъ приговора. Должно сказать по справедливо-

сти , что этого пилъ послѣ всѣхъ ;
и , какъ при томъ онъ былъ добрее
прочихъ , то просунулъ мѣхъ сквозь
загородку , и предложилъ оный Цы-
гану .

— « Спасибо , братъ , » сказалъ сей
последній .

— « Божусь Христомъ ! вы очень
брезгливы , » возразилъ добрый палачъ ;
« но я вижу , что вы пренебрегаете
меня за мое званіе . Послушайте , при-
ящель , вѣдь надобно же чѣмъ-либо
жить въ свѣтѣ , а у меня не безъ тя-
госшей : еспль и дряхлая бабушка , и
милая жена , и двос дѣшей-малюшокъ ,
съ прекрасными бѣлокурыми волосами ,
со свѣжими розовыми щечками , кои
подъ часъ , можешь быть , и подкраши-
вають свои пухленькія , мишенькія
ручки , допрогиваясь до моихъ снаря-
довъ . — А въ добавокъ ! . . »

Хитано прервалъ его сиюльбыстрымъ

движеніемъ, что цѣпи зазвенѣли, какъ будто бы онъ разорвалъ ихъ.

— «Возможно ли!» сказалъ окаленный, устремивъ глаза на прекрасную, высокую, молодую дѣвушку, копоралъ, вмѣшавшись въ толпу любопытныхъ, приподняла на минуточку свой черный шелковый капшонъ, дѣлая ему выразительный знакъ. — «Фазильо здѣсь, Фазильо!» повторилъ онъ съ величайшимъ удивленіемъ.

Капуцины съ новымъ жаромъ начали пѣть псалмы; человекъ въ красномъ полукафтанѣ опять принялся за свое очищеніе, а Хиллано впалъ въ прежнія думы, ибо рослая молодая дѣвушка исчезла.

Изнуренный усталостію и бессонницею, онъ было задремалъ, какъ одинъ кармелитъ, примѣтившій это, благоговѣнно пощекочалъ ему перомъ въ ноздряхъ, говоря: — «Думай о смерти, брашъ мой.»

Цыганъ вдругъ вскочилъ, и бросилъ ужасный взглядъ на духовнаго челоуька.

— «Благословляйте лучше меня, сынъ мой,» сказалъ послѣдній, «ибо вопль пренедобный Павло, Игумень монастыря Санъ - Франциско, идешь къ вамъ.»

Дѣйствительно дюжій монахъ входилъ въ придѣлъ, съ опущенными глазами, и сложа руки на груди.— «*Ave, Maria purissima, mater Dei,*» пробормоталъ онъ подвигаясь, и далъ знакъ кармелиту, который удалился, не дожидаясь отповѣди.

Монахъ сѣлъ подлѣ Хитано, сморщившаго на него съ страннѣмъ выраженіемъ презрѣнія и ироніи; и, нѣсколько разъ вздохнувъ глубоко, изъяснился такъ звонкимъ и писклявымъ голоскомъ, составлявшимъ странную противуположность съ его непомѣрною шучностью :

— « Да спасетъ васъ Небо, сынъ мой.

— « Скажите лучше бѣсъ, Отецъ мой.

— « И такъ вы упорствуете въ помѣ, чтобъ умереть безъ послѣдняго покаянія ?

— « Да.

— « Подумайте, сынъ мой, какою вы покроете себя славой, отступясь торжественно отъ вашихъ заблуждений, и войдя въ ядра нашей святой Церкви.

— « На такое короткое время, спиошь ли это труда ?

— « Но вѣчная жизнь, сынъ мой ?

— « Оставьте со мною этошь наставительный тонъ, пріятель ; васъ занимаетъ болѣе всего желаніе, чтобъ я обращенъ былъ въ Христіанство монахомъ вашего Ордена, я понимаю: такое обращеніе можешь вамъ доставить лишнюю сотню исповѣдниковъ, а это не бездѣлица.

— « Небо свидѣтель, сынъ мой. . .

— « Окончимъ; все это спановится такъ скучно, плоско, что вы мнѣ надѣдаете. — Гей! пріятель въ красномъ камзолѣ, что такъ скоро вы покидаете вашихъ новыхъ знакомцевъ? » закричалъ Хитано палачу, не желая болѣе отвѣчать на убѣжденія честнаго отца.

Палачъ проворно прибѣжалъ съ веселымъ и радостнымъ лицомъ. — « Спасибо; поговоримъ немного, ибо вѣдь ты, мой добрый пріятель, превращаешь меня въ ничтожество. Славная у тебя должность! Ты дѣлаешь то, чего ихъ Богъ не могъ бы сдѣлать: въ назначенный часъ, минута въ минуту, ты гасишь жизнь, какъ задуваешь свѣчу, » сказалъ Хитано.

— « И точно, братъ мой, это не болѣе продолжается, » возразилъ палачъ, улыбаясь.

— «Эти люди хопятъ, чшобъ я исповѣдывался; такъ я тебя избралъ: ты услышишь необычайныя признанія; но нѣтъ, ты испрашишься!...»

Человѣкъ въ красномъ камзолѣ поблѣднѣлъ. Монахъ, молчавшій до сихъ поръ, вспалъ, вышелъ, и чрезъ мину-ту возвратился съ двумя сильными стражами, несшими веревки.

— «Братія мои,» сказалъ онъ имъ съ кротостію, указывая на Хипано, эшотъ закоснѣлый грѣшникъ уже слиш-комъ достоинъ сожалѣнія, не допусти-те его губить болѣе свою душу столь ужасными богохуленіями. Закляпите ему ротъ, дѣти мои, и да прійметъ его Небо подъ свой покровъ.»

За тѣмъ онъ вышелъ; Хипану за-кляпили ротъ, но глаза его покраснѣ-ли и заблестали, какъ раскаленные уголья.

Но какъ чрезъ два часа онъ пока-

заяся довольно спокойнымъ, то съ него сняли кляпъ, и болѣе потому, что въ кошорья прелесныя дамы лучшаго Кадикскаго общеснва, шѣснвшійся также вокругъ ограды, справедливо замѣтили, что нельзя хорошо рассмотреть черпы лица Цыгана за эшою негодною мѣдною бляхою, заслонявшею ему носъ и ротъ.

И кляпъ палъ со рта опъ доводовъ столь филиантропическихъ.

Но никто не бралъ искреняго участія въ Цыганъ; одни одобряли приговоръ Юнпы, другіе обѣщали себѣ большое удовольствіе въ день казни; многіе даже осыпали злобными названіями Хишано, кошорый довольспивался шѣмъ, что всему эшому улыбался.

Одинъ, между прочими, мужчина высокаго росшу, сухой и блѣдный, Севильскій Коррехидоръ, находившійся

въ Кадиксѣ по причинѣ какой-то тяжбы, особенно возставалъ на несчастнаго преступника; каждую минуту онъ только и твердилъ: — «Какой голворѣзь!

— «Какое благо для общества, что подобное чудовище наказывается по заслугамъ своимъ.

— «Я съ радостію увижу, какъ его спанупъ давишь!»

Казалось, Цыганъ успалъ слушать сія ругательства.

Онъ гордо выпрямилъ свою голову, и ескричалъ звонкимъ голосомъ:

— «Вы не слишкомъ чловѣколюбивы, Сеньоръ Донъ Персѣ.

— «Кто сказалъ мое имя этому бездѣльнику?» спросилъ Коррехидоръ блѣдный, смущенный и удивленный.

— «О! государь мой, я еще гораздо болѣе знаю: и вашу вилау на берегахъ Гвадалквивира, и эту прелестную

свѣшлицу, обитую Римскими рогожками, съ ея зелеными занавѣсками, и бѣломраморнымъ бассейномъ.

— «Иисусе! какъ эшоипъ демонъ можетъ знать. . . .

— «Туда-то въ знойные часы дня, Сеньора Пересь приходила искать уединенія и прохлады.

— «Собака! не оскверняй почтеннаго имени. Но, развѣ иѣтъ болѣе законовъ, иѣтъ правосудія?— Ты лжешь! замолчи, или я снова прикажу зажать шебѣ ротъ,» сказалъ раздраженный Корехидоръ.

Но толпа, начинавшая находить сей разговоръ крайне занимательнымъ, придвинувшись ближе, лишила Сеньора Дона Переса всякой возможности опойши прочь, и Хитано продолжалъ:

— «Вы говорите, что я лгу, Сеньоръ Донъ Пересь; хотите ли доказатьельствъ?»

— «Замолчишь ли ты, нечестивецъ!

— «Такъ вопшъ вамъ. Сеньора прекрасна и молода, шемноволоса, съ черными какъ вороново крыло глазами; полна, бѣла, а ножка у нея, спанъ, ручка, могупшъ свести съ ума даже Каноника Эскуриальскаго.

— «Дерзкій! какъ ты смѣешь...

— «Наконецъ, ниже лѣваго плеча, маленькое черное пятнышко, приманчивое, пушистое, оплгѣняетъ еще разительнѣе опасное шѣло ослѣпительной бѣлизны... — Это еще не все!»

Корридоръ бѣсился опшъ злости, и не могъ найти ни одного слова въ опвѣшь на выходки Хяпано и на насмѣшки, которыми полна безжалостно его обременяла. Наконецъ онъ вскричалъ, бросясь къ рѣшеткѣ: — «Эпопшъ проклятый Цыганъ узналъ это, видно, опшъ какой нибудь горничной моей жены... или можешъ быть?...

— « Нѣтъ, Сеньоръ Пересъ, нѣтъ, »
подхватилъ Хитано, « я это узналъ
отъ Капитана корабля, котораго вы
у себя принимали, въ Севиліѣ, ибо
этоотъ Капитанъ... былъ... »

— « Договаривай же, разбойникъ !

— « Я самъ !... вашъ *мино* (*) окре-
щенъ ли уже, Сеньоръ ? »

Бѣшенство Дона Переса дошло до
высочайшей степени, онъ ринулся съ
ожесточеніемъ на рѣшетку; тщетныя
усилія ; Хитано находился въ безопа-
сности отъ его гнѣва.

— « Я подозрѣвалъ это ! и онъ будетъ
только разъ повѣшенъ ! » вопилъ зло-
получный Коррехидоръ, уцѣпясь за
железные переборы рѣшетки.

Наконецъ, сострадашелейные друзья
ошвлекли его, толпа стала мало по
малу разходиться, и при наступленіи

(*) *Минюпка*, сывъ (*mino*.)

ночи, почпи никого уже не было видно около часовни.

— «На силу я освободился опть эшихъ глумцевъ любопышныхъ!» сказалъ Хитано, когда пробило одиннадцать часовъ на башнѣ Санъ - Франциско. «Но нѣпть, вопть опять они, и самага опаснаго разряда!» вскричалъ онъ, увидя приближавшихся къ часовнѣ двухъ священниковъ, въ черныхъ рясахъ.

Братъ-приврашникъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. — «Что вамъ угодно?» спросилъ онъ грубо у старшаго, ибо извѣстно, какую ненависть питаешъ Испанское монашеское сословіе къ прочему духовенству.

— «Выслушашъ сего Христіанина, которій звалъ насъ;» отвѣчалъ важно Священникъ.

— «Этого бышь не можешъ. Клянусь Святымъ Іаковомъ! онъ выслалъ Преподобнаго отца Павла, обойдась

съ нимъ, какъ съ погонщикомъ муловъ.

— «Такъ стало быть мы лжемъ, проклятая собака!» вскричалъ повариха пожилаго Священника, который, не смотря на широкую шляпу, надвинутую глубоко на его лице, казался гораздо его моложе.

Хипано оставался до сихъ поръ хладнокровнымъ зрительцемъ этой сцены, но услыша сей весьма знакомый ему голосъ, вскричалъ:

— «Негодный кармелитъ! впусти этихъ почтенныхъ Священниковъ! я, самъ Хипано, велѣлъ ихъ позвать, для выслушанія моего завѣщанія, для моей исповѣди. И такъ, чего жъ ты ждешь?»

— «Если вы того хотите, брашна мой,» сказалъ смущенный кармелитъ, «то пусть войдутъ; но клянусь Пресвятой Дѣвой! вы напрасно отвергли посредничество отца Павло; онъ такъ

близокъ къ Престолу Предвѣчнаго!
Аминь.»

Въ то время, какъ Приврапникъ переходилъ за ограду, опдѣлявшую его отъ Хипано, молодой Священникъ бросился на руку Цыгана и оросилъ ее своими слезами.

— « Неосторожный! вы погубите себя,» вскричалъ его поварницъ, спавъ носильно передъ нимъ, дабы закрыть его отъ глазъ кармелина; потомъ, когда сей послѣдній удалился, онъ подошелъ къ Хипано и сказалъ ему:

— « Мнѣ извѣстны, государь мой, ваши намѣренія, вашъ образъ мыслей, ваша воля, я не буду тратить времени, оно драгоцѣнно; послушайте: — Съ часъ тому назадъ, эпоть молодой человѣкъ, единственнѣй, можетъ быть, вамъ другъ на свѣпѣ, бросился къ ногамъ моимъ. Онъ мнѣ обо всемъ разсказалъ, объ вашихъ пресупленіяхъ

и вашихъ заблужденіяхъ!... Онъ просилъ меня наконецъ доставить ему последнее свиданіе, для коего готовъ былъ всѣмъ пожертвовать, и я согласился. Можеть быть, это слабосінь, но въ торжественныя минуты, въ коихъ вы находитесь, я полагаю, что если вы отвергаете утѣшенія вѣры, то утѣшенія дружбы, по крайней мѣрѣ, облегчатъ ваше жестокое положеніе. — Теперь вамъ все извѣстно! Когда пробьетъ полночь, вамъ должно будетъ разспаться. — Я спану молниися за васъ, ибо человекъ, способный внушить такую привязанность, не долженъ быть совершенно виновнымъ.»

И почтенный Свѣпитель преклонилъ предъ алтаремъ колѣна.

— «Государь мой,» сказалъ Хитано, «мнѣ очень прискорбно, что моя при-

знапшельность будепть пакъ нещродол-
жипельна. . . .

— « Часъ приближается , . . . возра-
зилъ Священникъ.

— « Увы ! правда , » сказалъ Цыганъ,
и обрапясь къ Фазильо , (ибо то былъ
плочно онъ) копорый усвиремилъ на
него грустный , унылый взоръ : — « И
пакъ , Фазильо , сынъ мой , прощай !
Наши планы

— « Командиръ ! мой бѣдный Коман-
диръ ! » — И онъ плакалъ . —

— « Повѣрь , я о тебѣ только сожа-
лѣю въ жизни ; я любилъ тебѣя .

— « Я не перживу васъ .

— « Ребенокъ ! развѣ у тебѣ нѣтъ
моей паршаны , моихъ негровъ ! Увз-
жай опсюда , бѣги въ Америку . . . ты
молодъ . . . храбръ . . .

— « Пѣнъ , я опмщу за васъ , . . . здѣсь !

— « Фазильо ! ты исполнишь мой при-
казанія ; я тебѣ это запрещаю .

— « Вы будете ошмщены! мое намѣреніе рѣшено, твердо, неизмѣнно, какъ угрожающая вамъ смерть, ибо казнь ваша близка! Вы, столь храбрый, столь великій! умрете! умрете, какъ презрѣнный человекъ, » говорилъ Фазилью тихимъ голосомъ, боясь возбудить подозрѣнія Приврашника; — и онъ ломалъ себѣ руки. —

Хишано провелъ рукою по своему челу.

— « Довольно, Фазилью, окончимъ эту сцену, она несшерпима. Прощай! Оспавь меня.

— « Нѣтъ, Командиръ, нѣтъ еще!...

— « Послушай, сынъ мой, въ желѣзномъ ящичкѣ, ты найдешь волосы: это волосы моей бѣдной сестры. Ты найдешь старый поясъ; этотъ поясъ былъ на моемъ опцѣ, когда его убили. Сожги ихъ! Остальное принадлежитъ тебѣ. Все! самая даже ладонка, копо-

рая даетъ тебѣ право надъ Евреемъ въ Тангерѣ, если вздумаешь когда либо туда возвратишься.

— « Но вы, . . . не имѣя силъ спасти васъ, видѣть вашъ послѣдній часъ, ваши страданія !

— « Эхъ ! Фазильо, развѣ ты забылъ, сынъ мой, наши долгія и тяжкія плаванія, опасности, бѣды, и за все это новые шруды ? между тѣмъ какъ завтра, Фазильо, завтра ждетъ меня покой, истинный покой, и навсегда. Не жалѣй же обо мнѣ ! по тебѣ только я спрдаю. И шакъ, прощай ! бѣги изъ Испаніи; спунай въ иную землю; продай шартану, негровъ, и наслаждайся тамъ покоемъ, благополучіемъ, да среди своего счастья, вспоминай иногда о Цыганѣ. »

Фазильо упалъ къ ногамъ его.

— « Неужели ты думаешь, сынъ мой, что для меня ужасно кончить

жизнь тѣмъ, чѣмъ бы я долженъ былъ
начать оную? Если бы въ двадцать
лѣтъ я имѣлъ такого друга, какъ ты,
и такую любовницу, какъ Розита, то
не былъ бы въ Траурной часовнѣ; со
мною были бы еще мои мечшы, со
мною было бы мое семейство, нѣжныя
ласки, и потомъ тихо бы погасъ я
посреди моихъ внуковъ. Непостижимая
судьба!» — И, помолчавъ нѣсколько, онъ
оплывзаль опъ своей шеи красный шел-
ковый платокъ, и подаль его Фазилю:
— «Возьми, ты будешь носить его изъ
любви ко мнѣ. Прощай!»

— «Ахъ! до самой смерти...

— «А теперь... прощай!»

Часы на башнѣ Санъ Франциско про-
били полночь.

Каждый ударъ раздираль сердце
бѣднаго юноши; при последнемъ, онъ
упалъ безъ чувствъ.

Хишано вскрикнулъ, Священникъ и кармелитъ прибѣжали въ одно время.

— « Пресвятая Дѣва ! что сдѣлалось съ вашимъ товарищемъ ? » спросилъ Приврапникъ.

— « Ничего : это припадокъ , причиненный исповѣдью великаго преступника.

— « Встаньте , сынъ мой , опомнитесь , » сказалъ добрый старецъ , приподнимая Фазилью.

Сей послѣдній пришелъ въ память , посмотрѣлъ вокругъ себя , и опять кинулся на шею Хишанъ.

— « Какое соспраданіе ! » сказалъ Приврапникъ , « онъ готовъ разбиться о щѣпи этого разбойника . »

Священникъ вырвалъ его изъ объятий Хишана почти безъ чувствъ.

— « Государь мой ! » сказалъ Хишано , « я желалъ бы видѣть васъ завтра . »

Онъ остался одинъ , глубоко размы-

шлялъ цѣлую ночь, и когда звонъ къ заупрени и первое брезженіе утра вывели его изъ задумчивости, онъ провелъ рукою по широкому челу своему, и сказалъ:— «Однако же нельзя не содрогнуться, стоя предъ вѣщаностію.»

ГЛАВА XIII.

К Л Я П Ъ.

(EL GAROTTE.)

Pendu, jusqu'à ce que mort s'ensuive.

Il me semble que vous devez bien regretter cette belle vie, lui dis-je, avec l'air du plus grand intérêt.

J. JANIN, *l'Âme morte.*

По среди площади Санъ-Жуанъ-де-Діосъ возмъшается лобное мѣсто, двѣ лѣстницы ведутъ на него; на верху онаго столпѣ кресла изъ простаго дерева, прислоненныя къ длинному шесту; двѣ линіи городской стражи проспиритуютъ по обѣимъ сторонамъ сего эшафота, и образуютъ длинную цѣпь, соединяющуюся у дверей Траурной Часовни. Безчисленныя толпы людей наводняютъ площадь и унываютъ окна и кровли окружающихъ домовъ; город-

скої валъ , и даже укрѣвленія , защищающія гавань съ сухаго пуши , наполнены множествомъ народа.— Одинадцать часовъ ; солнце блещетъ , и высокій куполь С. Иоанна обозначается на чистомъ , голубомъ небѣ.

Цирюльникъ Флоресъ , простолюдину.

Сдѣлайте одолженіе , пріятель , пропустите меня впередъ : вашъ ростъ позволяетъ вамъ видѣть черезъ мою голову , и , прости меня Господи ! эти зрѣлища , къ несчастію , такъ рѣдки , что Христіане должны помогать другъ другу на пути спасенія.

Простолюдинъ.

Проходите , сударь , да не забудьте меня въ вашихъ молитвахъ.

Флоресъ.

Санша-Кармень благословишь васъ , пріятель , и вы вѣрно не откажетесь , услуживъ мнѣ , когда узнаете , что я имѣю любопытныя подробности объ

отступникъ, котораго сей часъ уда-
вяпъ.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Пресвятая Дѣва! и вы его видѣли?
какое счастье! такой милоспи не до-
бится намъ, бѣднымъ людямъ; въ
продолженіе этихъ трехъ сутокъ, про-
веденныхъ окаяннымъ въ капицѣ, луч-
шія мѣста у рѣшешки были отданы
знапнымъ дамамъ.

ДРУГАЯ МОЛОДАЯ ДѢВУШКА, обвѣшенная леп-
тами и покрытая румянами и мушками.

По этому и я знапная дама, ибо я
его видѣла, какъ вижу мыльную ло-
ханку этого цирюльника съ журавли-
ными ногами, и божусь моей угодни-
цей!...

ЦИРЮЛЬНИКЪ ФЛОРЕСЪ, гявъпымъ нашвомъ.

Твоя угодница, голубушка, не впи-
сана въ календарь, и если не ошиба-
юсь, она часто разъѣзжала по городу,

съ обритою головою, верхомъ на осли-
цѣ, лицомъ къ хвосту.

Молодая дѣвушка, выдергивая изъ-за подвязки
ножъ.

Проклятый борообрѣй, твое горло,
видно, слишкомъ тѣсно для такихъ рѣ-
чей; вотъ я же тебѣ его расширю.

М а х о.

Молчи, ты, гей, дѣвка въ лентяхъ!
воропись-ка въ улицу Дель-Фидео,
пѣть да наигрывать на гитарѣ и опу-
скашь свою занавѣску, чтобъ бросать
цвѣтами на проходящихъ. Если ты и
видѣла Хишано такъ близко, то вѣ-
роятно потому, что палачъ часно
помогалъ тебѣ опсегивать твою
маншилю; а по знакомству, посо-
бить тебѣ и въ этомъ случаѣ. Вырывая
у нея ножъ. — Демонию! не играй-же такъ
этой булавкой; ты себя задѣнешь, да
и меня также. Хочешь, я опять ее
вложу въ твой поясъ, душа моя?

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Нечестивая собака! за меня опом-
спяшь, ибо вопль Опець Хозе.

Клауцинь, неся въ одной рукѣ фанарь, на коемъ
изображены черти въ пламени, а
въ другой кошелекъ

Для душъ, спраждущихъ въ чистни-
лищѣ, братіа, подайте, Христа ради.
Небо воздаспъ вамъ.

Присутствующіе почтительно кланя-
ются, преклоняющъ съ сокрушеннымъ
сердцемъ колѣна, и не дающъ ничего.

ДѢВУШКА, украшенная лепшамн.

Ave Maria, примите сей реалъ,
Опець Хозе, и попросите въ вашихъ
молитвахъ, чпобъ этой собакѣ Махо,
при первомъ его развратѣ, распороли
брюхо. — А скажите, Опець Хозе,
скоро ли вы прійдете ко мнѣ? у ме-
ня чистая цыновка, въ горшкахъ свѣ-
жіе цвѣты, и еспъ Королевскія Гаван-
скія цигарки.

Капуццль, прѣворно отворотлсь, кри-
члть громкнмь голосомь: *Por las
almas del purgatorio, Señores!*

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Отець Хозе, отець Хозе, вы видно
меня позабыли; я такъ не пропускаю
ни одной обѣдни, ни одной заупрени.

ФЛОРЕСЬ.

Кажется, друзья мои, что препо-
добный завѣдываетъ совѣстію Сеньо-
ры: къ счастью, онъ крѣпкаго здо-
ровья, иначе это была бы тяжкая
обязанность!

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Ахъ, ты озарникъ! больно слышатъ,
господа, такія клеветы на духовнаго
человѣка онъ оглашеннаго, онъ Фран-
Масъ, а!

МНОГИ. ГОЛОСА.

Масонъ! оглашенный! гдѣ, гдѣ Ма-
сонъ?

ФЛОРЕСЪ, бѣдникъ.

Заклинаю тебя грудью твоей матери! замолчи, дѣвка; не шупи такимъ образомъ, за это одно только вѣдь избилъ Переса.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Слышите, господа, онъ знакомъ былъ съ Пересомъ, которому, по милости Божіей, надавали больше толчковъ, чѣмъ эшотъ ерешекъ - цирюльникъ перебрилъ бородъ во всю свою жизнь. Посмотрите-ка, у него и зеленая лента на шеѣ; какъ Святая Дѣва видигъ и просвѣщаетъ меня! Эшо Масонъ! отойдите отъ него прочь, дѣтки, отойдите!

Волненіе въ народъ.

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Въ море оглашеннаго! — смерть Масону! — Въ море!

ФЛОРЕСЪ.

Клянусь кровію Креста, пріятели,

что эта лентя ничего не значить, и
что . . .

Поселитишь у дря ето.

Вопть тебѣ, собака! А! ты смѣешь
мѣшаться въ общество Христіанъ!

Другой.

Вопть тебѣ еще! Посмотримъ, за-
ступятся ли за тебя пивои бранья,
демоніо. Зови-ка ихъ на помощь.

Многіе голоса.

Въ море! — Въ море!

Молодая дѣвушка.

Браво, господа! Пресвятая Дѣва бла-
гословитъ васъ; опшесите его зеленую
ленту и голову къ Алькаду, и вы не
будете нуждаться въ дублонахъ и ин-
дальгенціяхъ на сей поспѣ.

Флоресъ, избитый, сдавленный, рас-
терзанный, переходитъ, такъ сказать,
изъ рукъ въ руки, до самаго вѣка, оро-
шаемаго моремъ; тамъ, одинъ сильный
Андалузецъ его схватывалъ и бро-
саетъ въ воду, вскричавъ:

Прости Господи! такъ умираютъ
Масоны, еретики и приверженцы Кон-
спиритуція, враги самодержавной Вла-
сти!

Толпа.

Браво! *Viva el Rey absoluto!*

Морякъ.

Тише! тише! дыши мон; вотъ, ка-
жется, шествіе начинаеть подвигать-
ся. Праведный Боже! какой прекрасный
день для меня.

Крестыльничъ.

Какъ для васъ, такъ и для всѣхъ,
господинъ морякъ.

Морякъ.

Для меня прекраснѣе, клянусь Св.
Іаковомъ! Я находился на сторожевомъ
суднѣ, которое было за нимъ въ по-
гонѣ подъ командою Капитана Яго.

Многіе голоса.

Какъ, сударь, вы участвовали въ

семъ страшномъ сраженіи? Пресвятая Дѣва! и вы живы!

Морякъ.

Къ счастью, дѣши мои, мы исповѣдывались на кануиѣ, иначе демоны упацили бы насъ въ таршарары.

Крестьянинъ.

Но какъ же это случилось, сударь? вѣдь вы наконецъ, говорятъ, пощипали его шаршану.

Морякъ.

Да, пріятель, пощипали, какъ ореховую скорлупу, и вдругъ она явилась позади насъ, вся въ огонь, и нагруженная болѣе чѣмъ десятью тысячъ демоновъ, взвергавшихъ пламя ртомъ и глазами.

Многие голоса.

Пресвятая Дѣва, помилуй насъ!

Морякъ.

И посреди ихъ всѣхъ, носился проклятый Хишано, богохульствуя и

оскорбляя Небо, святынь рай и господина Губернатора!

Толпа.

Господи, какой ужасъ! и что же васъ спасло отъ чудовища?

Морякъ.

Нашъ Капитанъ, по счастью, имѣлъ бутылку воды, освещенной Толедскимъ Архіепископомъ, и какъ адское судно было ошъ насъ близехонько, то мы на него и бросили свящую влагу.

Крестьянникъ.

Изъ пушки, пріяпель?

Морякъ.

Нѣтъ, брапецъ, выстрѣлъ произнесъ изъ корабельной аптечки; вы понимаете? и тогда все погасло, какъ бы очарованіемъ, и парлана снова погрязла въ воду при громкомъ ревѣ демоновъ.

Мещанинъ.

Но, господишь морякъ, ошъ чего же

Хишано допустилъ взять себя въ монастырскомъ саду, если онъ былъ одаренъ этимъ адскимъ могуществомъ?

Морякъ.

Разумѣется опгь того, что онъ былъ въ священномъ мѣстѣ, въ монастырѣ. Пресвятая Дѣва! поворачи монашескую землю; да это окалнному шо же, что плавать въ святой водѣ.

Толпа.

Справедливо! — Господи, Боже! это всегда такъ бываетъ, — я кпо въ помъ сомнѣвается?

Мъщанинъ.

Но, господа, вышедъ изъ монастыря на улицу, не могъ ли онъ снова получивъ свою силу?

Морякъ.

Но для того, когда надѣвали на него цѣпи, сперва порядкомъ ихъ окрыскали святою водою, и сверхъ того, два монаха, каждую минушу, лили ему

оную на голову. За то, Иисусе! надобно было видѣшь, какъ его коробило: онъ едва могъ двигаться.

Мъщанинъ.

Я думаю, праведный Боже! у несчастнаго нога была раздроблена.

Женщина.

Это была одна только уловка для возбужденія состраданія. Господи! послушася, куда какъ много онъ спрдалъ онъ своей равны.

Мъщанинъ.

Воли ваша, пріѣхали, все это, мнѣ кажется, чпо-шо не очень лсно, и хотня говоряшь о шомъ монахи, я не вѣрю. . . .

Женщина.

Такъ какой же вы послѣ этого Христіанинъ? вы ерешникъ, если не вѣрите первымъ основаніямъ религін. Санта-Карменъ! вы мнѣ спрашивы! Пре-

святая Дѣва, помилуй мя! Онъ не вѣруешь!!...

Мъщанинъ, вспомнивъ объ участи Флореса и смотря, далеко ли онъ отъ вала.

Сеньора, я всему вѣрую, я спавлю свѣчу въ прищаты фуншовъ Богородицѣ Пиларской, я ношу челпки; видише.

Многіе голоса.

Точно ли? — посмотришь челпки, — это, можетъ быть, Масонъ!

Мъщанинъ, крайне блѣдный.

Вотъ, господа, вотъ они, смотрише. — А вотъ еще письмо, писанное ко мнѣ отъ Наспояпеля Санъ-Жуанскаго. Смотрише, господа, читайше!

Многіе голоса.

Мы не умѣемъ читать. — Ершикъ морочитъ намъ глаза. — Въ море Масона! Это долженъ быть Масонъ.

Бросаются на мъщанина, но въ эту минуту пѣліе монаховъ, сопровождаю-

щихъ шествиѣ, слышнися явственнѣ,
и народъ, покидалъ мѣщанна, который
убѣгаетъ въ шинокъ, итсннися въ пер-
вые ряды.

Женщина.

Ахъ! какое благополучіе, Пресвятая
Дѣва! вошь процессія. Намъ хорошо
здѣсь будешъ, Жуана, смопри-ка, у са-
мага почши знаѣота. Скажи, голу-
бушка, памъ, кажется, двѣ лѣсп-
ницы?

Жуана.

Безъ сомнѣнія; такъ какъ эпошь
окалнншій командовалъ нѣкогда Коро-
левскимъ кораблемъ, по для него уми-
лостивились сдѣлать особливую лѣсп-
ницу, и онъ не пойдешъ по шой, ко-
торая назначена палачу; это все-та-
ки прілпншѣ.

Мужчина.

Демоніо! какая несправедливость!
предоснакляющъ это право опснун-

нику, а, можетъ быть, мнѣ откажутъ въ ономъ.

Жуана.

Смотри, Пепе, вотъ Францисканцы несутъ гробъ его. Господи! какъ они безобразны: какъ глаза ихъ блестятъ изъ-подъ капюшоновъ.

Пепе.

Вотъ позади идетъ палачъ. Пресвятая Дѣва! онъ не дурень для палача; красивый цвѣтъ къ нему очень идетъ. Только, какъ онъ блѣденъ!

Жуана.

Очень не мудрено; это палачъ изъ Кордовы, заступившій мѣсто нашего; ему надобно время, чтобы оглядѣться, и потому позволительно быть не много застѣнчивымъ, ибо здѣсь еще не привыкли къ нему.

Мужчина.

Скажише, голубушки, вы видите Хитано?

Жуана.

Нѣтъ, сынъ мой. Волгъ хоругви монашьяри Сан-Жуана, за ними идуть серьянны съ заряженными карабинами, а шамъ . . . Обращался къ Фазильо, который, завернувшись въ плащъ, проходитъ и грубо ее толкаетъ локтями. Осипорожнѣе, молодой человекъ, вы чуть было меня съ ногъ не сбили, Святая дѣва! опять! ну, спаньте пожалуй себѣ передо мной, къ самому эшафоту, лучшее мѣсто. Тихо Пепъ. Боже! Пела, какой взглядъ, глаза такъ и сверкаютъ подъ шляпой.

Пела.

Это можетъ быть сынъ одной изъ жертвъ скальнаго, который припелъ погнѣшивъ его казною; это очень еспиеспвенно. Но вошь онъ! После дня причащенія Св. Таниъ, сей день для меня наилучшій, Жуана. Благодарю те-

бя, Святая Дѣва, за доставленіе мнѣ
какого удобнаго мѣста.

Многіе голоса.

Ахъ! браво! — Демонію! — Прокля-
тая собака! — Смершь Хинчану! —
Смерть!

Мужчина.

Я даю двадцать піаспировъ за то,
чтобъ заступилъ мѣсто палача.

Другой.

Я даю сорокъ, но я хотѣлъ бы его
зарѣзать, чтобъ видѣли кровь его.

ЖЕНЩИНА, бросая богатшія четки къ ногамъ Аль-
када.

Эти четки стоюць сорокъ писто-
лей, я жертвую ими Богородицѣ, съ-
тѣмъ, чтобы мнѣ позволили умер-
твить исхриста.

ФАЗИЛЬО, разтапывая четки и схватя сильно
за руку женщину.

Молчи, женщина! если жизнь тебѣ
еще не послыла, молчи!

Хозяйка четокъ.

Господи, Боже мой! помогите; эгопть
мальчишка мнѣ ноги всади.тъ въ пѣ-
ло. Посмотрите, кровь шечешъ.

Многіе голоса.

Тише! полно-те вамъ; тише!

Идепъ Хитано, обремененный цѣпями;
онъ опирается на Священника, и вер-
шитъ межъ пальцевъ жасминовую вѣтвь.

Мужчина.

Наконецъ вошь и онъ! не правда ли,
пріятель, что палачъ блѣднѣе его?

Жуана.

Иисусе! опстунникъ не хотѣтъ взять
монаха; его сопровождаетъ Священникъ.
Какой соблазнъ!

Одинъ голосъ.

Господа, вы впереди и вамъ виднѣе,
скажице, какъ онъ одѣнъ?

Жуана.

Весь въ черномъ; онъ опирается на
Священника, попому что, видно, пер-

нить отъ раны; да и цѣмъ пѣгопѣлнть
его! Господи! вмѣсто того, чтооь
думаешь оь вѣчноспн, онъ преспокон-
но себѣ ннохаспѣ жасмннѣ.

Мужчнна.

Беззаконнкѣ! н вѣ усѣ не дуспѣ.
Смершѣ! Смершѣ!

Свнщннкѣ, прнподнмнн цѣпн Хнтнно.

Вамѣ должно бннѣ оченѣ шрудно,
ооопрнпсѣ на мена. Увы! мы уже
оьнзко. . . .

Хнтнно.

Кѣ концу нашого пупн, прнвдн; но
ошсюдн, какон веспелнн вндѣ! монно
ооозрѣшѣ всѣь оерегѣ Сан-Лукарн; прелес-
пнное зрѣннщѣ!

Многнѣ голосн.

Смершѣ собакѣ! — Разрубнѣ его по
кускамѣ.

Хнтнно.

Не разберешѣ всѣхѣ нхѣ крнковѣ;
скнжнѣ мнѣ, любезннн Свнщннкѣ,

развѣ недавно выстроены эти новыя баштари?

Священникъ.

Да, но думайте . . .

Хитано.

О смерти? о! мой почтенный другъ, вотъ эпоть пріятель въ красномъ камзолѣ, думаешь за меня; довольно одного.

Мужчина.

Распять его на крестѣ! изжарить на горячихъ угольяхъ!

Хитано.

Изъ эпихъ людей не легко сдѣлать народъ. Какъ солнце ясно! какъ чисты небеса!

Священникъ.

Да, мой другъ, мой сынъ, Небеса; помышляйте о Небесахъ.

Хитано.

Но, вотъ мы и дошли; прощайте, мой другъ, дайте мнѣ еще разъ вашу

руку. Примите сей цвѣпокъ; воптъ все, что я имѣю; бергите его. Прощайте, мой почтенный другъ.

Священникъ.

Ахъ! съ такою пивердостію, съ такою силою души! какал участпъ могла ожидать васъ!

ХИТАНО, отирая слезу.

Правда, это сипрашная участь.

Голосъ народа.

О! малодушный, онъ плачетъ. — Смерть малодушному!

ХИТАНО, продолжая съ улыбкой.

Непоспнжимал вещь! горькою на- смѣшкою рока, подъ ножемъ шолько палача, я нашель искреннее участіе, коего такъ пламенно искаль въ про- долженіе бурной моей жизни, тогда шолько я нашель Фазильо, Розишу и васъ. Оптъ чего порою зависилъ до- бродѣшель? Добродѣшель! вы заста-

вили меня ей въришь, добрый старецъ

Народъ.

Смерть! окаанный! беззаконникъ! —
что долго медляшь! — Смерть!

Палачъ.

Господинъ Хитано, народъ теряетъ
терпѣнiе.

Хитано.

Мнѣ очень прискорбно будешь за-
снавишь ждать его милость. Прощаю-
вая руку къ Священнику. Прощай, мой другъ.

Священникъ.

Я васъ еще не оставлю.

ХИТАНО спавишь ногу на ступень лѣстницы, Фа-
зильо подходишь къ нему, схватываетъ его
руку, и говоритъ глухимъ голосомъ:

Прощайте, Командиръ, вы будете
опмщены, опмщены ужаснѣйшимъ об-
разомъ! опмщены надъ всею эпоюю
чернью; и мною, однимъ мною. Те-

перь, умрите, я могу видѣть вашу смерть не буди́вл.

Тунгъ молодой человекъ опускаетъ складки своего плаща, выпрямляетъ голову; щеки его горятъ, и онъ обзрѣваетъ толпу орлинымъ взглядомъ.

ХИТАНО, тихимъ голосомъ поднимаясь по спускѣн-
нямъ.

Прощай, *саго тѳо*, Фазильо!

Жуана.

Пресвятая Дѣва! Пегипта, видѣла ли ты: эпомпъ молодой человекъ съ сверкающими глазами говорилъ съ проклятымъ?

Пепа.

Я видѣла; онъ конечно укорялъ его въ какомъ нибудь преступленіи; посмотри, какой у него шеперь всесельный видъ, когда хопяптъ падѣтъ на шсю окаянному его послѣдній ошейникъ.

Мужчина.

Ахъ! вошь наконецъ проклятый въ

креслахъ. Ты долго тушь просидишь, если надобно будешь тебѣ самому встать на ноги, собака!

Другой.

Ахъ! Слава Богу, его шею вкладывающъ въ желѣзный ободъ, прикрепленный къ шесту.

Жуана.

Пресвятая Дѣва! ужъ его запрягивающъ. Обращаясь къ народу. Но, господа, его уже душатъ?

Мужчина.

Ну, что жъ! . . .

Жуана.

Но онъ святошатецъ? намъ надобно руку; насъ обманываютъ, насъ грабятъ.

Народъ.

Конечно, руку, руку святошата! руку прежде смерти!

Громкій ропотъ, крики, волненіе; палачъ, начавшій завершывать гайку на

виштъ желѣзнаго ошейника, оспаива-
вается. Алькадъ совѣнуется съ Юнтой.

Алькадъ.

Точно, мы позабыли, это наша
ошибка.

Члгнъ Юнты.

Эдакъ мы никогда не окончимъ; это
продолжится еще два часа, а у каж-
даго изъ насъ свои занятія.

Алькадъ.

Любезный другъ, вѣдь мы не такъ
часно имѣемъ случаи угождать этимъ
крикунамъ; почему не согласиться на
ихъ желаніе? Это минувшее дѣло, и
по сердцу народа.

Сващеникъ Хитану, все еще привязанному къ
кресламъ.

Мой другъ, мой сынъ, просните
имъ, фанатизмъ ослѣпляетъ ихъ.

Хитано.

Это я вижу. Но мнѣ вѣдь одну толь-
ко отрубятъ!

ФАЗИЛЬО , громкимъ голосомъ.

Браво! народъ, браво! изобрѣтай пышки; ты получишь достойное возмездіе.

Жуана.

Бѣдняжка, молодой человекъ! онъ говоритъ правду, Богъ вознаградишь нашу ревность, Священная Дѣва!

ФАЗИЛЬО , съелъ.

Да, голубка, Богъ или бѣсъ.

Жуана.

Господи! какой взглядъ!

Народъ.

Руку, руку свитошатца, проклятаго!

Альвидъ , къ народу.

Господа, прошу на минуту выслушать меня. Визитнымъ именемъ: Праведный судъ, живой и священнѣйшій символъ Божества, есть не пустое слово: нѣтъ, господа, судъ вы видите изображеннымъ въ лицахъ верховныхъ

Чисновъ Юншы. И такъ , сей судъ
поставляетъ себѣ долгомъ , согласо-
ваться съ волею народа , мудраго за-
щитника вѣры и престола.

Народъ.

Viva! — Viva! —

Алькадь.

И такъ , господа , Юнша...

Священникъ , прерывал его.

Радя Неба , государь мой , вспомните ,
что эшопъ несчастный ожидаетъ
смерти , тамъ , на эшафотѣ !

Алькадь.

Я знаю , что говорю. И такъ , го-
спода , Юнша взвѣсила , обдумала , обо-
зрѣла въ своей глубокой премудрости ,
объявленное вами пребываніе : и зри-
те , господа , что только благо , поль-
за , выгода народа есть единственная
пружина всѣхъ нашихъ дѣйствій ; зри-
те , что установленія вашимъ Ко-
ролемъ власти , желаютъ душевно слѣ-

довать опеческимъ его наказамъ, опеческимъ наказамъ шого, кшо носишь васъ всѣхъ въ своемъ сердцѣ, какъ одно обширное семейство. Алькадь мало шмазу расстрогивася. Ибо онъ мнѣ сказа.тъ, господа, онъ мнѣ сказа.тъ самому: я ввѣрюю вамъ часть правъ моихъ надъ моими дѣтьми. Плачетъ. Помните, чшо счастье ихъ мнѣ всего дороже. Рыдаеть. Я клялся составить ваше благополучіе, и сдержу свою клятву. Но, я молчу, господа, молчу, ибо у меня недосиаеть словъ; къ счастью, дѣла могушь замѣнить ихъ. Съ шрогательной улыбкой, смѣшанной съ слезами. Вы получите руку, друзья мои, вы получите руку!

Голла.

Viva! — viva el Alcade! viva el Rey absoluto! — viva el Alcade!

Алькадь.

Палачъ, ты слышалъ; дѣйсшуй.

Хитано.

Нахвощъ !

Палачъ.

Цѣпъ , милоспивый государь !

Алькадъ.

Какъ !

Палачъ.

Меня выписали изъ Кордовы , меня опвлекли отъ заняшій ; не моя бѣда , что Кадикскій палачъ умеръ.

Алькадъ.

Такъ что же намъ до шого ?

Палачъ.

Милоспивый государь мой , мнѣ плашлъ двадцать дуго за то , чтообъ я удавилъ вошь эпого осужденнаго , а не за то , чтообъ я опсѣкъ ему еще и руку . Прибавыше къ нимъ десльшъ дуго , и я къ вашимъ услугамъ.

Священникъ.

Боже мой , кака гнусность !

Хитано.

Забавникъ дасишь хорошее приданое за своєю дочерью; омъ понимаетъ свое дѣло.

Алькадъ, Юппъ.

По моему мнѣнію, господа, эщо очень дорого, десять дуро. Палачу. Полно, Мико, не кобенься! разъ ударить ножемъ не долго; пожалуйста, удружи.

Палачъ,

Ни однимъ реаломъ не поступлюсь.

Нагодъ, бросая деньги.

Вопъ, вопъ десять дуро; руку святошанца!

Мясникъ, размахивая ножемъ, и взбѣгая на эшафотъ.

Клянусь Св. Іаковомъ! я опсѣвку даромъ руку! и другую еще, и голову, пожалуй!

Палачъ.

Пріятель, я вѣдь не кожу бипъ твоего скоша! у всякаго свое званіе; одол-

жи только мнѣ пивого ножа, если ты
Христианинъ.

Мясникъ возвращается посреди браво ;
шалачъ подбираетъ тщательно деньги,
всходитъ олань, упираетъ ладошъ Хи-
тано на ручку кресель, поднимаетъ
ножь, лезве свиснигъ, и кисть руки
падаетъ подъ священника, который
молился, стоя на коленяхъ.

Голоса.

Браво! — *Viva!* — Смерть ерети-
ку! — Смерть священнику!

Хитано.

Я полагаю, что это гораздо боль-
ше, мой почтенный другъ.

Священникъ, всхвачъ, в голосомъ яснымъ и
громкимъ.

Онъ былъ виновенъ передъ людьми,
но это мученіе разрѣшаетъ его предъ
Богомъ!

Фазильо, кинувшись на руку, и завертывал оную
въ свой плащъ.

Священникъ, ты не все доказалъ!
эта кровь падетъ на нихъ! Прощай,

Командиръ , мнѣ нужны еще силы ,
чтобъ отмстить за тебя : я уйду ,
ибо еще минуша , и я умру на мѣспѣ .

Разильо исчезаетъ въ толпу .

Пепла .

Кого звалъ своимъ Командиромъ
эпошъ молодой безумецъ ? но тише ,
Жуана , ибо вопъ прекрасная минуша .
Тише , тише !

Глубокое безмолвіе .

Священникъ бросается въ объятія
осужденнаго ; нагачъ приближается ,
вкладываетъ шею Хишано въ желѣз-
ный ободъ , прикрепленный къ колу ;
потомъ , посредствомъ рукоятки , на-
чинаетъ завершывать гайку съ вни-
момъ , и карканъ , прижимаясь къ ше-
спу , жестоко сдавливаетъ шею спра-
дальца . Еще одинъ поворотъ — и Хиша-
но задушенъ ; въ эту минуту , свя-
щенникъ набрасываетъ ему на лице
покрывало , и упадаетъ у ногъ его , мо-

лясь; толпа кричитъ браво, и съ удовольствіемъ расходится по домамъ. Вечеромъ, когда солнце опустилось за шаможенную башню, Алькадъ возвратился къ подножію эшафота, гдѣ оспавленъ былъ трупъ казненнаго. Тамъ, онъ снялъ съ себя шляпу, и по обыкновенію, кликнулъ его три раза; и какъ, также по обыкновенію, Хипано не опоздался, то слуги палача взяли трупъ, и бросили оный на распушіи, на съѣденіе псамъ.

ГЛАВА XIV.

П Л О К Ъ.

Мнѣніе удовольствіе людей.

Послѣ благополучнаго плаванія, Фазильо прибылъ въ Тангеръ, въ одну изъ неопряжныхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ онаго, огражденныхъ высокими домами безъ оконъ, въ улицу, какъ я полагаю, Моабдаль. Много протекло времени со дня казни Хишано, и его шарпана, оставаясь скрышою въ своемъ непроницаемомъ пристанищѣ, избѣжала преслѣдованія береговой стражи, шѣмъ лег-

че, что всел Кадиксъ' быть твердо
увѣренъ, что Капитанъ Массарео не-
пробилъ единственное судно Цингана;
почему Фазиль безопасно переѣхалъ
пространство, отдѣляющее Кадиксъ
отъ Тангера.

По испанъ, Моабдгаль, предурная
улица, во первыхъ потому, что зной-
ное солнце пережигаетъ оную, а во
вторыхъ потому, что она сестъ гнѣз-
дилище Жидовъ и Армянъ, кои нашли
средство прославить разбойниками, да-
же среди колоній пиратовъ, населя-
ющихъ всю часть Африканскаго бере-
га. Нельзя было, не подвергаться въ-
какой опасости, рѣшиться перей-
ти сію жидовскую улицу, ибо Арабы
Бей часто находили удовольствіе дѣ-
лать засаду въ обихъ концахъ оной,
и шамъ, вооруженные своими длинны-
ми ружьями, споль чудесно оуражен-
ными серебромъ и перламутромъ, они

подсперсгали Армянъ; и, лишь только одинъ изъ нихъ высовывалъ изъ дверей голову, чпобъ выйши, какъ чешыре или пять ружейныхъ выспрѣловъ, возвѣщали уже ему, что сыны степей выпили нѣсколько спакановъ этой крѣпкой Ц'испы, которую старая Мавришанка съ рыбнаго базара имъ продавала такъ дешево, и что они были расположены не много повеселиться.

Посему, Фазильо спидно большого труда, не то, чпобъ засшавить себѣ опворишь тяжелую желѣзную дверь, но только вызвать къ узкому ея окопцу длинную и шощую фигуру высокаго шарика, въ желтой ермолкѣ, которая спраннымъ образомъ обхватывала опвращительное лице его.

Слѣдующій разговоръ начался на Франкскомъ нарѣчїи:

Фазильо.— Вы слишкомъ медлите, опецъ мой; и будшо не знаете, что

пули градомъ лепящъ на Христіанъ въ этой проклятой улицѣ.

Еврей. — Только то? прощай, молодой человекъ.

Фазильо. — Одно слово; не запирайте такъ скоро оконца.

Еврей — Говори; но не распространяйся.

Фазильо. — Здѣсь, на улицѣ, нельзя, впустите меня къ себѣ, и тогда...

Еврей. — Кольце Соломона тебѣ на шею! убирайся прочь.

Фазильо. — Если вы мнѣ отказываете, то я испытаю послѣднее средство. Показываешь ему ладонку, покрытую иглами.

Еврей. — Что я вижу! такое сокровище въ твоихъ рукахъ, молодой человекъ? Кто могъ... Но войди, войди поскорѣе; пуля топчасъ можетъ пробить этой дорожный кафтанъ, а я ни за что въ свѣтъ не хочу бы,

чтобъ сей палачманъ былъ оскверненъ сими нечестивцами.» Дверь отворилась.

Фазилю вошелъ согнувшись, миновалъ еще двѣ толстыя желѣзныя рѣшетки, и очутился на тѣсномъ дворѣ, получавшемъ свѣтъ только съверху; передъ нимъ стоялъ шарый Еврей, одѣтый въ желтое, подобное сннхарю платье, обрисовывавшее его длинныя и костлявыя члены.— «Покажи,» сказалъ онъ, «покажи, дитя мое; дай мнѣ поближе разсмотрѣшь эту ладонку.»

И его глаза сверкали изъ подъ густыхъ бровей.

— «Смотришь, отецъ мой,» отвѣчалъ Фазилю.

— «Клянусь пятью звѣздами Спенбова! Это знаки верховной степени нашего союза; я долженъ повиноваться тому, кто имъ владѣеть, не спра-

ливая, какими средствами опъ приобрьлъ оныс. Чпо прикажешъ, юноша? спарикъ у ногъ швоихъ.

— « Тебя называютъ Иаковомъ, а между шѣмъ твое имя Плокъ; не правда ли, спарикъ? » спросилъ Фазильо.

— « Правда. Пусть ангелъ коснется до меня першомъ, если я лгу! »

— « И такъ, господинъ Плокъ, у васъ есть магазины, имѣющіе выходъ на берегъ, не подальку опъ залива Бешимъ Сахъ? »

— « Правда. Пусть ангелъ коснется до меня першомъ если я лгу! »

— « И въ сихъ магазинахъ вы скрываете богатшья ткани Туниса, шали Коисшаншинопольскія, прекрасныя кашемировыя плашки, привозимыя изъ Каира и Испани. »

Еврей поблѣднѣлъ, но между тѣмъ отвѣчалъ : — « Правда. Пусть ангелъ коснется до меня першомъ если я лгу! »

— «Такъ въ нынѣшнюю же ночь, безъ оплагательсва, безъ опшорокъ, ты спупай и нагрузи сямъ шоварами шарпану, которая бросила якорь въ противъ Беним' Сяхъ, подъ Данскимъ флагомъ.»

Еврей, спольшій на колынахъ, вдругъ вскочилъ, какъ бы ужаленный ехиною. Клянуся полсомъ Маголь, ты помѣшался, молодой человекъ; боюсь Балтазаромъ, это невозможно! при одной только мысли о семь, у меня волосы спановлятся дыбомъ.

— «Презрѣнный Еврей!» сказать юноша: «не полагаешь ли ты, что я даромъ хочу получить твои товары? Возьми на тебѣ золота, золота столько, что можно откупить твои магазины, себя самого, и шесто Раввина.»

— «Боже Небесъ! оставь у себя твое золото, оно меня ужасаетъ. Ты

странно ошибаешься въ побудительныхъ причинахъ моего отказа, молодой человекъ. Развѣ я не знаю, что имѣя въ рукахъ сію священную эмблему, ты въ правѣ опъ меня все получишь, мое имущество, мою жизнь; но знаешь ли, чего ты опъ меня пребуешь?»

И онъ сложилъ руки, и его взоръ, усуремленный на Фазильо, выражалъ глубочайшій ужасъ.

— « Знаю, Плокъ. »

— « Ты знаешь! но вѣшь; это не возможно. »

Тогда онъ оглядѣлся вокругъ себя съ безпокойствомъ, и какъ бы боясь быть услышаннымъ, подошелъ къ Фазильо, и говорилъ ему съ минушу на ухо; потомъ посмопрѣлъ на него, качая головою съ вопрошающимъ видомъ.

— « Я это знаю, говорю тебѣ, Плокъ. »

— « И вы хотите

— « Хочу. »

Вечеромъ , Фазильо наблюдалъ за переноской товаровъ , и уже старый Беншекъ и негры относили на судно послѣдніе шюки , когда Плокъ , сплывшій досель въ отдаленіи , приблизился къ молодому человѣку и сказалъ ему :

— « Одинъ демонъ могъ поручить вамъ такое дѣло , сынъ мой ; я въ немъ невиненъ ! пусть мщение Небесъ падетъ на главу вашу , или на нѣхъ , кои заспавили васъ такъ поступать !

— « Да наградишь тебя Небеса , Плокъ ! » отвѣчалъ Фазильо , прощипывая ему руку .

Но Еврей со страхомъ отскочилъ назадъ .

— « Это правда , я помѣшался , » сказалъ юноша . « Прощай , хозяинъ . До свиданія . »

— « До свиданія! . . . Развѣ до завтра, ибо чрезъ три дня ваша мать лишится сына.

— « Нѣтъ, Еврей. До свиданія . . . до того, гдѣ нашимъ первымъ привѣтомъ будетъ скрежетъ зубовъ; ибо прежде тебя, Плокъ, мнѣ будетъ ложею огненная печь; но я сберегу и для тебя хорошее мѣсто. И такъ, до свиданія.

— « Онъ на меня наводитъ ужасъ, » сказалъ Еврей; и, неподвижный на песчаномъ берегу, слѣдовалъ глазами за Фазилью, кошорый взошелъ на паршану, распустилъ паруса, и пользуясь благопріятнымъ воспючнымъ вѣтромъ, долженствовавшимъ поспѣшно принести его въ проливъ Гибралтарскій, поворошилъ на сѣверо-западъ, удалился, и мало по малу исчезъ въ глубинѣ горизонта.

Когда Еврей не видѣлъ уже болѣе

ничего, но медленными шагами возвратился въ Тангеръ; но, проходя передъ однимъ низкимъ сводомъ, обращеннымъ къ берегу, онъ удвоилъ шаги, воздѣвъ руки къ небу. Эта дверь служила входомъ въ магазины.

Ровно мѣсяцъ спустя послѣ казни Хитано, жестокая зараза начала свирѣпствовать въ Кадиксъ; ибо Фазильо бросилъ на мель свою шарпану, у самыхъ стѣнъ крѣпости Св. Екатерины:

Его шарпана, наполненная товарами, добытыми имъ въ Тангеръ, была расхищена народомъ.

Покупая сіи товары, привезенные съ Востока, опустошаемаго тогда моровой язвой, Фазильо зналъ, что они были заражены, и что Еврей Плокъ

ожидалъ только благопріидливой мнущи ихъ очистишь (*).

Простой народъ Кадикса , коему неизвестны были сіи обстоятельствова, завладѣлъ прекрасными кашемирами Испагана и шканями Грузин , и простой народъ былъ зачумленъ.

Высшее сословіе нашло выгоднымъ покупать такія рѣдкости за дешевую цѣну, и высшее сословіе было зачумлено.

Самъ Алькадь и члены Юншы не могли пропившись желанію, видѣвъ своихъ женъ и дочерей одѣвшии, какъ одѣшы благородныя супруги и дочери

(*) Многие Евреи , въ Тангерѣ , занимаются снѣ прибыльнымъ ремесломъ : они покупаютъ зараженные товары за дешевую цѣну , очищаютъ ихъ какъ ибудь , и перепродаютъ въ Европу. Язва , бывшая въ Кадиксѣ , въ 1670 , появилась именно отъ сей причины. Одно судно съ контрабандой укрылось отъ караунищаго осмотра и распространило эпидемію.

Испанскихъ Грандовъ; и члены Юнты, Алькадь и ихъ семейства были зачумлены!

Наконецъ, въ Кадиксъ и его окрестностяхъ, погибло безчисленное множество людей, ибо въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ было весьма жарко, и желтая горячка присоединилась къ заразѣ.

Число умершихъ полагаюшъ до двадцати девяти тысячъ семи сотъ шрццати двухъ человекъ, не считая монаховъ.

Неизвѣстно, что сдѣлалось съ Фазилью и съ его экипажемъ негровъ.

Но онъ сдержалъ слово, данное Хитану.

Онъ опмснилъ за него.

К о н е ц ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

	страни.
Глава I. Цирюльничъ Санта-Марія	5.
— II. Волонья пражя	22.
— III. Эль-Хитано	39.
— IV. Двѣ шартаны	56.
— V. Богохуленіе	74.
— VI. Монахня	107.
— VII. Лекантъ	122.
— VIII. Рака Св. Іосифа.	136.
— IX. Разсказъ	164.
— X. Чудо	193.
— XI. Любовь	218.
— XII. Траурная часовня	235.
— XIII. Кляпъ (el garotte)	260.
— XIV. Плокъ	294.

Национальная библиотека
Республики Татарстан